

ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

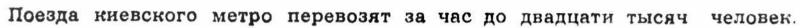
Г. Севунц: НА ОРЛИНЫХ ВЫСОТАХ

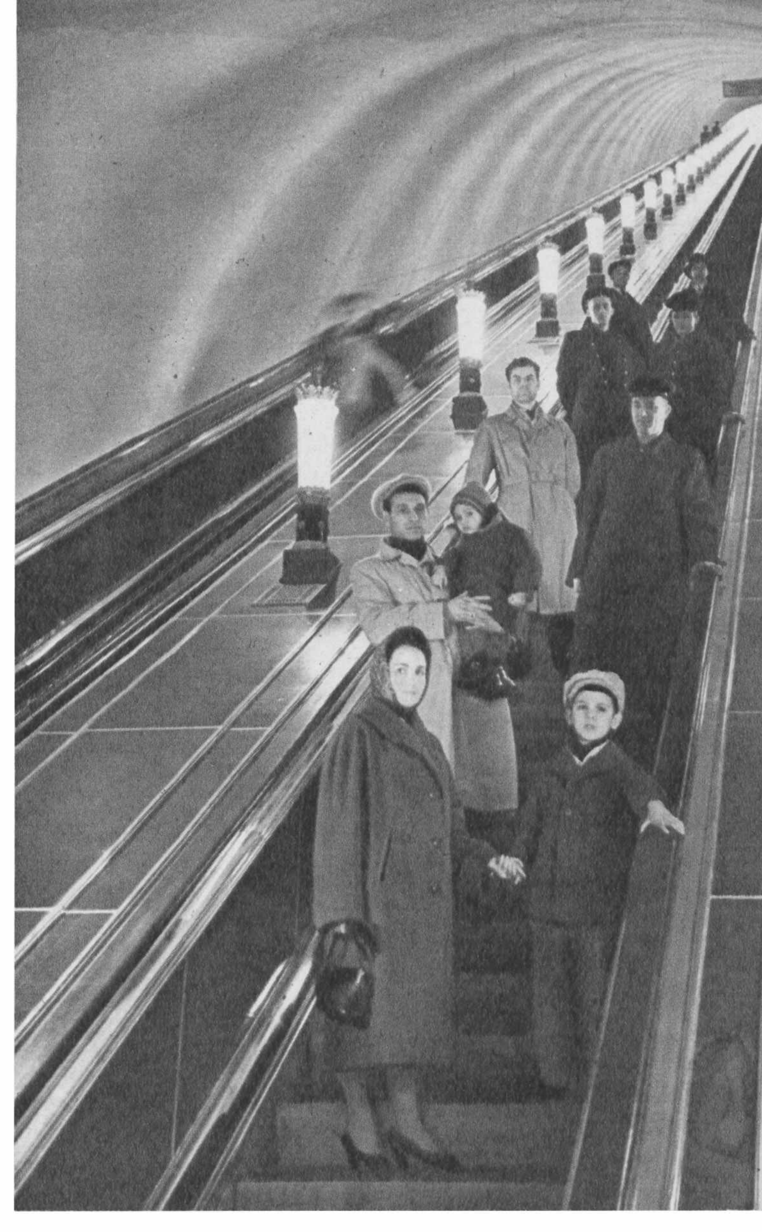
РАССКАЗЫВАЕТ САМЫЙ СИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

ЗА РОЯЛЕМ—СВЯТОСЛАВ РИХТЕР

Поезда киевского метро перевозят за час до двадцати тысяч человек.

Появился в Киеве и такой удобный способ передвижения.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1745)

27 НОЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КИЕВСКОЕ МЕТРО ОТКРЫТО

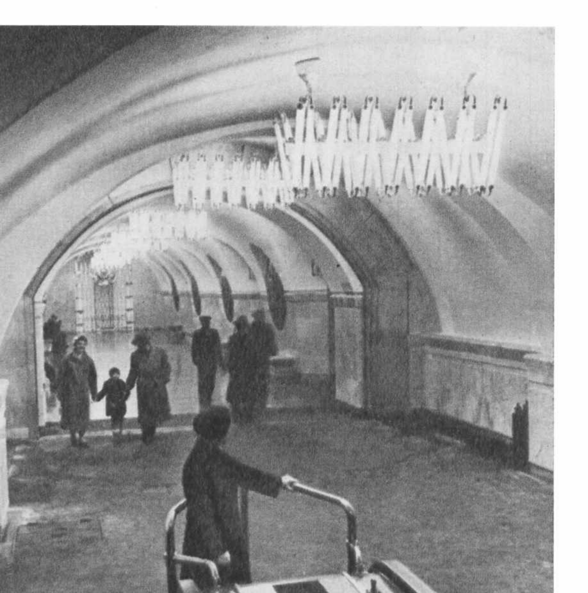
В канун сорок третьей годовщины Великого Октября вступил в строй киевский метрополитен: закончено строительство первого участка — от вокзала до Днепра.

На шестикилометровой линии построено пять станций: «Вокзальная», «Университет», «Крещатик», «Арсенальная» и «Днепр».

Шестьсот пятьдесят тысяч кубических метров грунта вынули метростроители, уложили 135 тысяч кубических метров бетона, смонтировали более 35 тысяч кубических метров сборных железобетонных конструкций, станции облицевали мрамором и гранитом. Работа проходила в сложных гидрогеологических условиях.

Материалы и оборудование для киевского метрополитена поставляли более четырехсот предприятий Советского Союза.

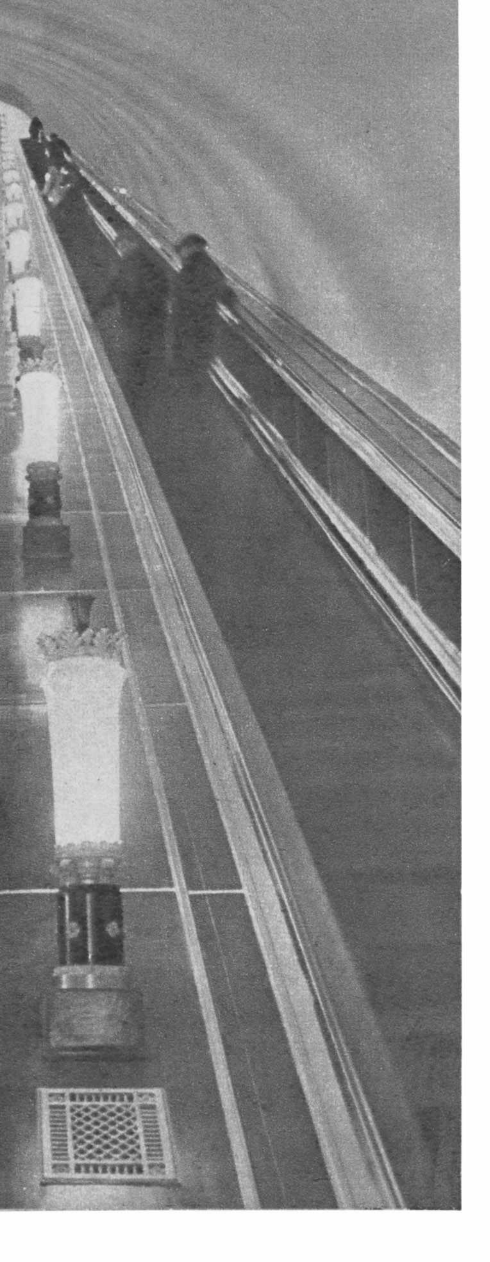
Немалую помощь строителям оказали метростроевцы Москвы и Ленин-

Просторно, светло в подземном вестибюле станции «Вокзальная».

У станции «Крещатик» всегда людно. «Добро пожаловать!» — говорят метростроевцы.

града. Киевляне внесли и свой вклад в отечественное туннелестроение. Они создали и применили новый режущий агрегат проходческого щита. Это дало возможность полностью механизировать разработку и погрузку породы и в четыре раза ускорить их. Другое новшество — замена металлических тюбингов железобетонными, что сберегло тысячи тонн металла. Широкое применение сборного железобетона удешевило строительство и ускорило темпы работ.

Сдав свою работу эксплуатационникам, строители пошли дальше: начали сооружать подземную трассу в направлении Политехнического института, завода «Большевик». Скоро киевское метро перешагнет через Днепр на Дарницу.

Д. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Прозрачные двери на станции «Крещатик» подчеркивают легкость архитектуры верхнего зала.

МЫ—ДОБРЫЕ СОСЕДИ

В Советском Союзе с официальным государственным визитом находился Президент Финляндской Республики Урхо Калева Кекконен. Президент и сопровождавшие его лица встретили в Москве радушный прием.

21 ноября Президент Финляндской Республики У. Кекконен нанес визит в Кремле Председателю Совета Министров СССР тов. Н. С. Хрущеву. На снимке: Н. С. Хрущев тепло приветствует У. Кекконена.

По просьбе редакции «Огонька» финский журналист Эйно Репо, сопровождавший Президента Финляндской Республики Урхо Кекконена во время поездки в СССР, взял интервью для нашего журнала у высокого гостя.

Господин Урхо Кекконен сказал:

Редакция журнала «Огонек» любезно предоставила мне возможность обратиться с несколькими словами к широкому кругу читателей журнала. Я охотно воспользовался этой возможностью.

Я это делаю, хорошо сознавая тот факт, что народы Советского Союза проявляют все более возрастающий дружественный интерес к нашей стране.

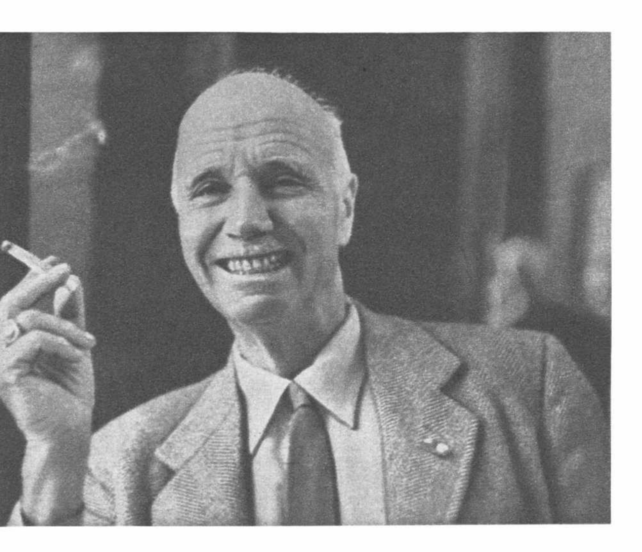
То же самое я могу сказать и о финском народе, который с неослабевающим интересом следит за огромным и всесторонним развитием, происходящим в Советском Союзе. Очень важно знать и понимать друг друга все лучше и лучше, чтобы взаимное общение становилось все более оживленным и многосторонним. Это необходимая предпосылка для дальнейшего успешного развития политики дружбы и хороших добрососедских отношений между нашими странами.

Президент Финляндии У. Кекконен нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

Фото А. Новикова.

Н. С. Хрущев выступает на торжественном собрании, посвященном открытию Университета дружбы народов.

Дар художника

В Москве в Академии художеств открылась выставка произведений известного американского художника Рокуэлла Кента.

Картины, рисунки, гравюры расположены в нескольких просторных залах. Рокуэлл Кент принес их в дар советскому народу.

Н. С. Хрущев обратился по этому поводу с письмом к художнику: «Мотивы, которые Вами руководили, вызывают искреннее и глубокое уважение, они понятны и близки советским людям, высоко оценивающим каждый шаг в борьбе за мир во всем мире.

...Ваш дар — это шаг на пути укрепления дружбы и взаимопонимания между народами СССР и США».

На снимке: Рокуэлл Кент.

Фото Альберта Кана.

Ясная Поляна 18 ноября 1960 года

Москва только что проснулась, собираясь на работу. В этот ранний час большая группа иностранных писателей, приехавших на толстовский юбилей, отправилась в Ясную Поляну. Здесь были болгарин Георгий Караславов и бельгиец Даниэль Жиллес, японец Хануё Накамура и чех Ян Дрда, индиец Кришна Крипалани и канадец Джо Уоллес.

В Ясной Поляне иностранных гостей встретили рабочие Москвы, Тулы, советские писатели и художники, местные школьники, посланцы Украины, Грузии, Белоруссии, родственники Льва Николаевича.

В старом яснополянском доме все выглядит точно так же, как и пятьдесят лет тому назад, когда Лев Николаевич навсегда покинул Ясную Поляну. По-прежнему шумно отсчитывают время английские часы «Нот», купленные дедом писателя 200 лет тому назад. На столе Толстого под стеклом стоит удивительный чернильный прибор, подаренный яснополянским крестьянином. Здесь же свечи, которые Лев Николаевич сам погасил, уходя из дому.

Японский переводчик Толстого Хакуё Накамура, побывав в яснополянском доме, взволнованно сказал:

— Пятьдесят лет я перевожу книги Толстого — «Войну и мир», «Анну Каренину», «Воскресение»... И я всегда считал себя счастливым. А сегодня у меня просто сказочный день. Я встретился с живым Толстым. Кажется, что он стоит за этой дверью и вот-вот войдет.

Когда гости осмотрели Ясную Поляну, у крыльца дома собрались тысячи людей. На митинге выступили писатели Л. Соболев, Ян Дрда, Н. Парыгина.

После митинга тысячная колонна двинулась по заснеженным аллеям, чтобы возложить венки на могилу Толстого.

Возвращаясь в Москву, Джо Уоллес сказал:

— Этот день запомнится... Ясная Поляна, милый дом Толстого, суровый русский лес, строгая, простая могила великого писателя.

Н. МАР

↓ Митинг в Ясной Поляне. Выступает Ян Дрда.

Фото А. Гостева.

ВОСХИЩЕНЫ ДЕКАДОЙ

Праздничная атмосфера царила в дни украинской декады на сценах театров, клубов, Дворцов культуры и в выставочных залах Москвы. Много нового, интересного увидели зрители. Наряду с прославленными мастерами искусств выступали молодые таланты.

Сколько поэтической прелести, солнечной безоблачности прозвучало в задушевных песнях и безудержных плясках художественных ансамблей и молодежных самодеятельных коллективов!

Смотр духовных богатств Советской Украины прошел с огромным успехом. Наши друзья услышали в Москве слова одобрения и восторга.

Массовое народное представление «Мы с Украины» во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Фото В. Володкина и Б. Вдовенко.

УЧРЕЖДЕН В МОСКВЕ

В тот день, 17 ноября 1945 года, я был в Лондоне, где собрались представители молодежи, только что вышедшей из огня второй мировой войны. Собрались, чтобы обсудить жизненно важные вопросы построения нового мира, мира без войн и фашизма, мира, в котором молодежь каждой страны независимо от расы, политических убеждений и вероисповедания имела бы одинаковые права на труд, образование и блага культуры.

А 15 лет спустя, 17 ноября 1960 года, я был в Москве в Колонном зале Дома союзов на торжественном открытии Университета дружбы народов.

Передо мной встают сейчас эти две даты, потому что в создании первого в мире университета, в котором будут бесплатно обучаться юноши и девушки слаборазвитых стран, я вижу осуществление мечты о том, что блага культуры станут достоянием всей молодежи, а не только привилегированных классов.

Невозможно забыть энтузиазм, охвативший пятьсот студентов из Азии, Африки, Латинской Америки, перед которыми открылись двери Университета дружбы!

Большинство из них представляют страны, совсем недавно освободившиеся от колониального гнета, что само по себе ярко выражает характер нашей эпохи.

Крах колониальной системы, бурный рост национально-освободительного движения, возникновение новых государств ставят перед народами важную и неотложную задачу: создание национальных технических кадров, от которых будет зависеть дальнейшее экономическое и политическое развитие этих стран и, следовательно, укрепление их независимости. В решении этой проблемы могли бы помочь молодым государствам бывшие колониальные державы — страны с высокой культурой, с развитой системой высшего образования. Но там не находится места для детей бедных семей из слаборазвитых стран. Зато там существуют расовая дискриминация, целые районы массовой неграмотности.

Благородный пример дан Советским Союзом, открывшим Университет дружбы народов. Это учреждение могло быть создано только там, где мир и дружба между народами являются постоянной политикой. Советский Союз, обеспечив свою молодежь всем необходимым для получения образования, обращает свои взоры к странам, находившимся в течение долгого времени под жестоким гнетом колониализма, и помогает им в создании высококвалифицированных национальных кадров.

Именно так понимает страна социализма равенство народов. Вот почему Университет дружбы возник именно в Москве.

Аугусто **ПАНКАЛЬДИ**,
корреспондент газеты «Унита»

Они приветствуют открытие Университета! Фото А. Узляна.

Участники декады выступали на заводах Москвы. Солистка балета Наталья Руденко после выступления беседует с молодыми рабочими завода «Динамо».

К 85-летию со дня рождения М. И. Калинина

27 лет Михаил Иванович Калинин встречался с посетителями в этой приемной на Моховой.

Со своими нуждами и заботами обращались советские люди к всесоюзному старосте. Ему жаловались на незаконное увольнение с работы, просили помочь получить жилье, устроить больного ребенка в санаторий... И ни одну просьбу не оставлял Калинин без ответа. В 1935 году, беседуя с новыми работниками приемной, Михаил Иванович говорил им: «Поменьше отправляйте дел на места... Переправлять дела на места — это самое простое. Если мы будем заниматься пересылкой дел в местные организации, то у нас будет мертвая канцелярия... Если только можно решить здесь, то надо решать».

Михаил Иванович и его помощники приняли около миллиона человек и рассмотрели почти три миллиона заявлений, присланных по почте.

На снимке: М. И. Калинин принимает посетителей. 1939 год.

Фото Г. Петрова.

Приступая к исполнению обязанностей Председателя ВЦИК, 9 апреля 1919 года на заседании ВЦИК Михаил Иванович Калинин сказал: «... мое избрание я рассматриваю как символ тесного союза крестьян с рабочими массами, так как в моем лице объединяется рабочий Петрограда с тверским крестьянином».

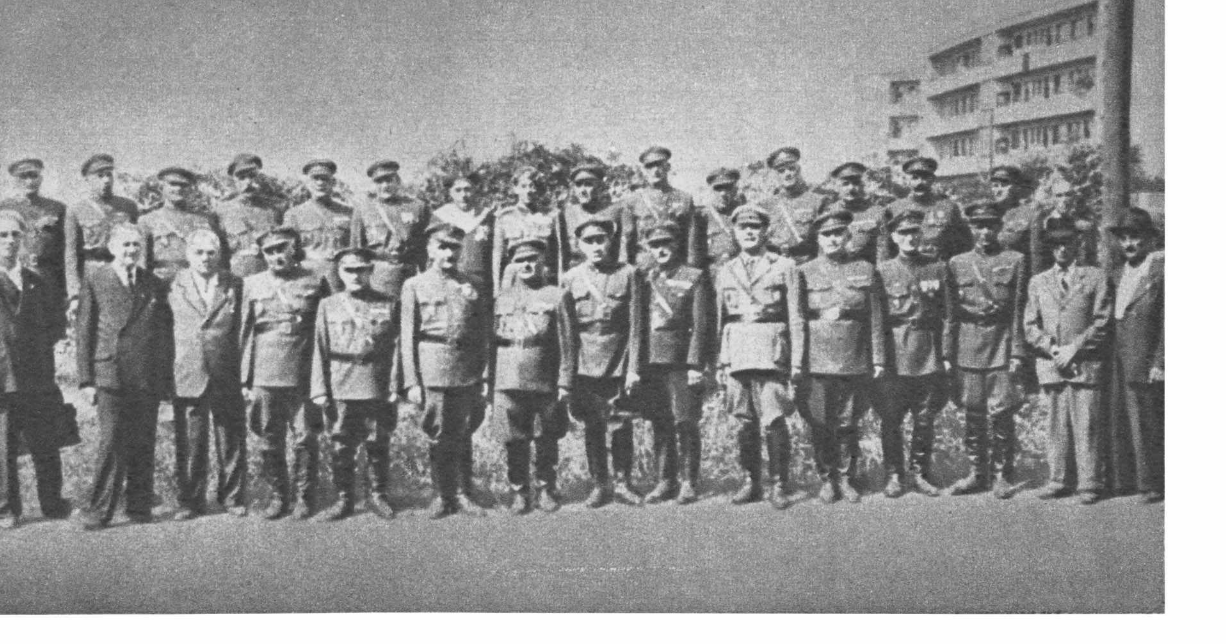
И действительно, простой, скромный, душевный человек, М. И. Калинин, занимая один из высших государственных постов, всегда находил время для того, чтобы входить в самые обыденные нужды крестьян. Не случайно в своих письмах крестьяне обращаются к Михаилу Ивановичу на «ты».

Свой отпуск Калинин любил проводить на родине, в деревне Верхняя Троица, бывшей Тверской губернии.

На снимке: М. И. Калинин на покосе в деревне Верхняя Троица. 1925 год.

Фото П. Оцупа.

О МНОГОМ НАПОМНИЛО ПИСЬМО ДРУГА

Недавно я получила письмо из Праги. Сколько событий воскресило оно в памяти!

Автор письма Иозеф Штейн во время гражданской войны был одним из тех чехов, которые помогали русским большевикам укреплять Советскую власть в освобожденной от колчаковских банд Сибири.

«Зимой 1920 года,— вспоминает он,— все мосты через Иртыш были разрушены, рельсы проложили прямо по льду реки. Наша поездка из Омска в Москву продолжалась четыре недели. В июле мы тот же путь совершили уже за десять дней. А теперь воздушные корабли пересекают это пространство за несколько часов».

Теперь и сам город вы не узнали бы, товарищ Штейн, город с первоклассным аэропортом, телецентром, Дворцами культуры, новыми жилыми кварталами. Когда-то пыльный Омск стал одним из самых зеленых городов Сибири...

Тогда, в двадцатом, одним из первых дел сибирских большевиков была организация краткосрочных курсов, а затем и партшколы для недавних подпольщиков-партизан.

Товарищ Штейн вспоминает: «Это был образцовый коллектив».

Да, омские курсанты не только учились — они помогали восстанавливать хозяйство города, выполняли срочные задания Сибревкома.

Однажды пароход, на котором в Омск везли хлеб, наскочил на мель. Слушатели и преподаватели вышли на аврал. За несколько часов, не давая себе ни минуты отдыха, они перебросили мешки с одного судна на другое и сняли пароход с мели.

Товарищ Штейн вспоминает, как вместе с другими чехословацкими красноармейцами он попал в плен к чехословацким «легионерским всйскам», действовавшим на стороне белых.

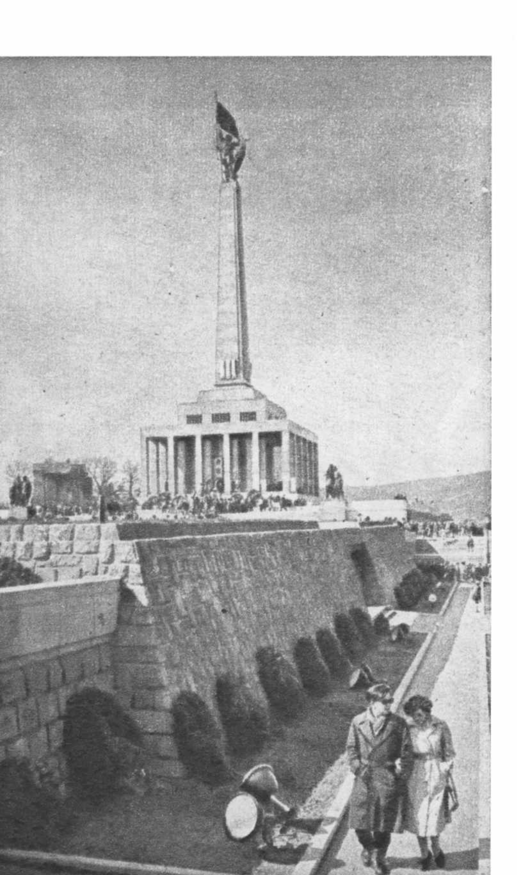
«Пребывание в Уфимской тюрьме стало для нас школой товарищества и солидарности. Мы сидели вместе с рабочими уральских заводов, вагоностроителями, крестьянами. Тогда в тюрьме прочитал я и книгу Ленина «Государство и революция». А еще раньше, когда мы готовили выпуск газеты для нашего чехословацкого отряда, я переводил статью Ленина о Брест-Литовском мире. А в 1920 году на IX конференции РКП(б) я видел и слышал Владимира Ильича — никогда не забуду тех дней».

Письмо И. Штейна напомнило мне о встречах и с другими товарищами — чехословацкими коммунистами периода гражданской войны. Вспомнился товарищ Э. Кольман — в Омске он служил в политотделе славной V армии, которая за 30 дней прошла с боями 600 верст. Сейчас Э. Кольман — видный ученый. Глубоко взволновал меня снимок, присланный И. Штейном из Праги. Этот снимок мы здесь публикуем.

Братский народ Чехословакии может гордиться своими сынами, сражавшимися за первое в мире Советское государство.

А. ТЕНИХИНА,
член КПСС с апреля 1917 г.

На снимке: Чехословаки — бывшие красноармейцы, участники гражданской войны в России, в 1950 году собрались на съезд в Праге.

Обелиск бессмертным

На днях мы получили письмо с берегов Дуная. На обороте вложенной в письмо фотографии было написано:

«По случаю месячника чехословацко – советской дружбы позвольте приветствовать Вас от имени редакции и всего нашего народа и пожелать Вам больших успехов в Вашей работе.

Редакционный коллектив журнала «Жизнь», Братислава. Чехословакия».

На фотографии был снят установленный весной этого года в словацкой столице памятник павшим героям Советской Армии. Наш корреспондент связался с одним из авторов памятника, архитектором Яном Светликом. Вот что он рассказал:

— Решение воздвигнуть памятник было принято еще в 1951 году. Жители Братиславы хотели увековечить память о героических бойцах Советской Армии, отдавших свои жизни за освобождение чехословацкого народа. Памятник погибшим за свободу должен был стать и символом нерушимой дружбы Советского Союза и Чехословакии. Тогда же, в 1951 году, был объявлен конкурс, в котором приняли участие многие крупные архитекторы и скульпторы страны.

И вот монумент открыт. На светло-сером граните высечены даты освобождения городов Словакии Советской Армией. Обелиск венчает величественная фигура — советский воин развертывает знамя Победы. Автор этой скульптуры — Александр Тризуляк. По бокам мавзолея установлены две бронзовые группы. Они созданы Тибором Бартфаем и Яном Кулихом.

Внутри мавзолея хранится земля с полей битв, где пролили свою кровь и пали смертью храбрых советские воины. В дни месячника чехословацко-советской дружбы мавзолей посещают особенно много жителей Братиславы.

← Памятник павшим героям Советской Армии в Братиславе. Снимок прислан редакцией братиславского журнала «Жизнь».

Иван Нехода, Олесь Гончар, Василий Козаченко.

Александр Ковинька. Дмитро Павлычко.

Ефим Березин и Юрий Тимошенко.

М. Ф. Романов (справа) и Ф. В. Вархолов. Константин Огневой.

ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
На ОГОНЕК

На очередном заседании творческого клуба редакция нашего журнала принимала участников декады украинской литературы и искусства. Выступил сатирик Александр Ковинька, имя которого хорошо известно читателям «Огонька». Он прочитал несколько своих фельетонов, полных живого народного юмора. Выступил молодой украинский поэт Дмитро Павлычко. Писатели Олесь Гончар, Василий Козаченко и поэт Иван Нехода поделились своими творческими планами.

Давние знакомые и любимцы зрителей заслуженные артисты УССР Юрий Тимошенко и Ефим Березин дали возможность зрителям увидеть начало своего творческого пути и его сегодняшний день. Они показали сценку-шутку из самого первого своего представления и злободневный отрывок из обозрения «Везли эстраду на декаду», которое в дни декады шло ежедневно в Московском театре эстрады.

И, конечно, звучала в зале всеми любимая песня «Карії очі, чорнії брови...». С нее начал свое выступление солист Киевского театра оперы и балета имени Шевченко Константин Огневой, певец, превосходно владеющий своим сильным и гибким тенором.

Теплые слова привета от друзей-киевлян передал собравшимся актер и режиссер Киевского русского драматического театра имени Леси Украинки народный артист СССР Михаил Федорович Романов. Одна из лучших его работ — роль Федора Протасова в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп». Михаил Романов говорил о своей глубокой любви к творчеству великого русского писателя, о том, что Толстой многому научил его. Поэтому особенный интерес вызвала у присутствующих сцена из спектакля «Живой труп», сыгранная М. Ф. Романовым вместе с артистом того же театра Ф. В. Вархоловым.

ПО ПУТИ МАККАРТИЗМА

Элизабет МАНЬЯН,
французская журналистка

Сегодня парижанин невольно спрашивает себя: «Где — на площади Согласия или перед воспетым Виктором Гюго собором Нотр-Дам — устроят аутодафе, на котором будут сожжены книги Жан-Поля Сартра, Франсуазы Саган, Мишеля Бютора и других?»

И действительно, не только эти, но и многие другие имена представителей французской интеллигенции сейчас запрещено даже произносить с официальных трибун Франции. Их произведения не подлежат разбору в печати, в радиопередачах; их имена не должны даже упоминаться; их участие в жизни театра, в художественных выставках должно «проходить незамеченным».

Хорошо знакомые советским кинозрителям актрисы Даниель Делорм и Симона Синьорэ изгнаны из национального радио и телевидения, с государственной театральной сцены. Печатающиеся обычно крупным шрифтом на театральных афишах фамилии Алана Кюни и Лорана Терзиева не будут больше делать сборов в «Театр де Франс», им запрещено играть в этом руководимом Ж. Л. Барро государственном театре.

В артистических кругах Парижа в дни открытия театрального сезона царило смятение: одной пьесе грозила участь быть снятой потому, что ее автором является Артур Адамов, другой — за то, что ее переводила Женевьева Серро; третьей — за то, что ставит ее Роже Блэн; четвертой — потому, что в главной роли должна была выступить Даниель Делорм.

Четыре дня длилась забастовка актеров парижского телевидения — забастовка солидарности с прогнанными с работы товарищами по профессии.

Но актеры и писатели — это еще не всё. Учителя, профессора, служащие различных министерств отстраняются от работы. В редакциях некоторых католических журналов, выступающих против продолжения войны в Алжире, идут обыски, устраиваются полицейские засады, их сотрудников полиция арестовывает на квартирах.

Репрессии, как черное крыло ворона, зловеще опустились на представителей французской прогрессивной интеллигенции. «Вина» этих людей в том, что они поставили свои подписи под воззванием, известным сегодня всей Франции и за ее рубежами как «Манифест ста двадцати одного».

Содержание манифеста запрещено цитировать, он изъят из обращения. За перепечатку его газеты и типографии подвергаются преследованиям. Газета «Монд» информировала своих читателей о том, что 121 человек — писатели, университетские ученые и артисты — подписали декларацию о «праве на неподчинение в условиях войны в Алжире». Газета сообщила, что в манифесте дальше сказано: «Мы уважаем и считаем законными действия французов, которые считают своим долгом от имени французского народа оказывать помощь и защиту угнетенным алжирцам. Дело алжирского народа, который решительным образом помогает уничтожению колониальной системы, является делом всех свободных людей».

Чем вызвано было появление этого манифеста? Он явился откликом на судебный процесс в парижском военном трибунале по делу, вошедшему в анналы французской и международной прессы под названием «дела о подпольной группе Жансона». Самого профессора Жансона, одного из руководителей подпольной группы, судили заочно, как и нескольких других ее участников, оказывавших активную помощь Фронту национального освобождения Алжира. На скамье подсудимых сидело больше двадцати французов и алжирцев.

Алжирцев судили за участие в «деятельности сепаратистского движения», французов — за «нанесение ущерба целостности французской территории». Нелишне отметить, что формулировка обвинения полностью заимствована из столь дорогих ультраправым элементам речей бывшего губернатора Алжира господина Сустеля. В своем большинстве обвиняемые принадлежали к людям интеллигентных профессий, они не входили ни в какие политические партии.

Поддержку, оказанную обвиняемым теми, кто подписал манифест, можно объяснить без труда: это естественная реакция на страшную, отвратительную, бесчеловечную колониальную войну в Алжире, которая тянется уже более шести лет. Протест против этой войны нарастает в стране с каждым днем. Какая-то часть интеллигенции его выразила по-своему. О приемлемости провозглашенных в манифесте методов можно поспорить. Но не медля ни минуты можно сказать словами резолюции Политбюро Французской компартии, что «...протест представителей интеллигенции, подписавших «Манифест 121», является выражением стремления народа Франции покончить с войной в Алжире».

Французская коммунистическая партия имеет свою собственную концепцию о наилучших формах борьбы, считая таковой борьбу масс. Но она не может допустить, чтобы репрессии обрушились на кого бы то ни было из сторонников мира в Алжире. Цель этих репрессий — заставить замолчать все формы оппозиции колониальной войне.

Подписавшие манифест представители французской интеллигенции заслуживают поддержки и защиты потому, что их выступление помогло пробуждению общественного мнения и позволило вынести на широкую трибуну обсуждение вопроса о характере алжирской войны и о средствах, способных привести эту войну к концу.

Писательница Франсуаза Саган в интервью, данном ею немецкому журналу, заявила: «...Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы положить конец кровопролитию в Алжире. Гонения, которым подвергаются подписавшие «Манифест 121»,— это шаг к фашизму».

Талантливая артистка Лоле Беллон в письме в дирекцию французского радио и телевидения заявила: «...Я не подписывала никакого манифеста, но при данном положении вещей я отказываюсь принимать участие в передачах».

Комитет мира работников сцены решает созвать слет всех членов своей организации «для борьбы против репрессий и для того, чтобы потребовать открытия переговоров, которые одни могут привести к миру в Алжире». Инициатива комитета вызывает горячий отклик, к ней присоединяются десятки деятелей сцены. Среди них мы находим знакомые фамилии — Франсуазы Розэ, Жюльена Берто, Ива Монтана, режиссера Ж. П. Ле Шануа и многих других крупнейших актеров и актрис Франции.

Семьдесят шесть математиков, профессоров, ассистентов, научных работников, в свою очередь, выступили с декларацией. Они протестуют в ней против недавних правительственных указов, цель которых — обрушить репрессии на «призывающих к неповиновению». «Мы рассматриваем эти указы,— говорится в декларации ученых,— как фашистские меры, направленные к тому, чтобы заставить замолчать и тех, кто осуждает войну в Алжире...» Французские математики пишут далее, что, являясь государственными служащими, они поставлены перед выбором: либо сменить профессию, либо эмигрировать за границу, но, желая остаться верными своей совести, они отказываются предать идеи свободы и демократии.

Последние события показали, что основная часть французской молодежи ищет и находит правильный путь борьбы против войны в Алжире — борьбы массовой, организованной, борьбы в масштабе всей Франции. Сотни и тысячи молодых французов по призыву Союза коммунистической молодежи Франции в Париже, в Марселе, в Лионе выходят на демонстрации. 4 октября 1 300 юношей протестовали в Иври против внесенного в парламент проекта закона о призыве в армию молодежи в возрасте 18 лет, против отправки молодых солдат в Алжир, за открытие переговоров о мире в Алжире. На следующий день такая же демонстрация состоялась в Гренобле. Еще днем позже готовилась выйти на улицу молодежь восточного предместья Парижа, Порт де Лилла; но демонстрация не состоялась: узнавшая о ней полиция устроила облаву, во время которой было схвачено много молодых ребят, среди них подростки 12—14 лет, случайно оказавшиеся в этих местах. Полицейские врывались в близлежащие лавки и булочные, куда за хлебом или за сахаром входил показавшийся им «подозрительным» молодой парень... Тем не менее 8 октября несколько сот юношей с лозунгами «Долой войну!», «Мир в Алжире!» вышли на улицы предместья Обервилье.

Франция протестует. Рабочие, крестьяне, мыслящая интеллигенция Франции все отчетливее видят, куда ведет страну деголлевская политика продолжения колониальной войны в Алжире.

В своей борьбе за мир французы не одиноки: на их стороне сегодня все, кто борется за всеобщее и полное разоружение, кто разоблачает империалистических поджигателей войны.

Париж.

Писательница Франсуаза Саган.

Актер Алан Кюни.

Манифестация молодежи в Иври.

ЭСТОНСКИЕ КВИСЛИНГИ НА СВОБОДЕ

Н. ХРАБРОВА

В канадском городе Виннипеге в начале сентября этого года повесился пятидесятитрехлетний Александер Лаак, эмигрант из Эстонии. До этого он благополучно жил в Виннипеге, имел свой дом, автомобиль, гараж. Кажется, именно в гараже он и повесился... В петлю его загнал страх.

Этой осенью в Эстонии раскрылось чудовищное преступление гитлеровских оккупантов и сотрудничавших с ними предателей эстонского народа.

☆ ☆ ☆

...В комнате следователя, удобно расположившись на стуле, сидит немолодой, обрюзгший человек с водянистыми глазами. Он высокого роста, держится свободно, непринужденно кладет на стол крупные пухлые руки. Здесь же, на столе, вещественные доказательства: бритвенный прибор, дамские несессеры, маникюрные принадлежности, зонтики, предметы туалета. Добротные вещи довоенного производства с марками чехословацких фирм. Много довоенных чешских крон.

— Откуда у вас чешские вещи?

— Я позаимствовал их оттуда...

Да, он «позаимствовал» их «оттуда».

Это он раздевал и грабил перед смертью людей, клещами выдирал у них золотые зубы, а потом методично и, как он выражается, «экономя место» в яме, тесно укладывал людей лицом вниз и стрелял им в затылок. Ряды трупов укладывались один на другой. Он называет это так: «Мы размещали трупы террасами».

Человек, сидящий перед следователем,— заместитель коменданта бывшего фашистского концентрационного лагеря «Ягала». Имя его — Ральф Герретс. Он уроженец эстонского городка Хаапсалу.

Вот что рассказал Герретс:

— Во время войны в Эстонии была создана националистическая организация «Омакайтсе». Я стал членом этой организации. «Омакайтсе» приветствовала приход гитлеровцев. Состоявший в ней мой знакомый и земляк Александер Лаак предложил мне поехать его заместителем в трудовой воспитательный лагерь «Ягала». (Так, пользуясь терминологией фашистов, Герретс называет лагерь смерти.)

Я согласился,— продолжает Герретс,— считал, что хорошо иметь своим начальником знакомого. Перед организацией лагеря мы поехали в Ригу, изучать опыт рижского гетто. В том, что там уничтожали евреев, я не видел ничего особенного: в «Омакайтсе» поддерживали идеи Гитлера, и ее члены тоже считали евреев неполноценной, низшей расой. (Конечно, тогда в «Омакайтсе» немногим было известно о секретном приказе Гитлера считать эстонцев, латышей и литовцев тоже низшей расой и в дальнейшем уничтожать.)

5 сентября 1942 года в лагерь «Ягала» прибыл первый эшелон евреев из Чехословакии — тысяча триста человек. Бараки «Ягала» не могли вместить столько людей, и излишки (Герретс так и говорит: «излишки») были расстреляны у холмов Калеви-Лиива.

— Сколько человек было расстреляно?

— В тот раз в лагерь из тысячи трехсот попало около двухсот пятидесяти. Остальные были уничтожены.

Из показаний многих свидетелей стало известно, что Герретс и его шеф Александер Лаак лично участвовали в массовых казнях ни в чем не повинных людей. Спускаясь в ямы расстреливать пленных, они надевали передники, чтобы не забрызгаться кровью. Но это не спасло фашистских палачей — им не удалось смыть с себя темное пятно кровавых преступлений.

Допрос продолжается. Время от времени Герретс косится на конфискованные у него чемоданы; они набиты вещами, снятыми с заключенных перед расстрелом. Целые машины таких чемоданов его шеф Лаак отправлял в Таллин, в подарок начальнику полиции безопасности и СД, эстонскому фашисту Аину-Эрвину Мере. Вещами узников «Ягалы» торговала все годы оккупации мать Лаака. Вот откуда взялись деньги на комфортабельный дом в Канаде, автомобиль и гараж...

Только остатки обгоревших человеческих костей сохранили пески Калеви-Лиива, и кажется, что они кричат тем страшным предсмертным криком, который слышали подростком прокравшийся к ямам Раймонд Пескман и другие жители соседней деревушки Каберла.

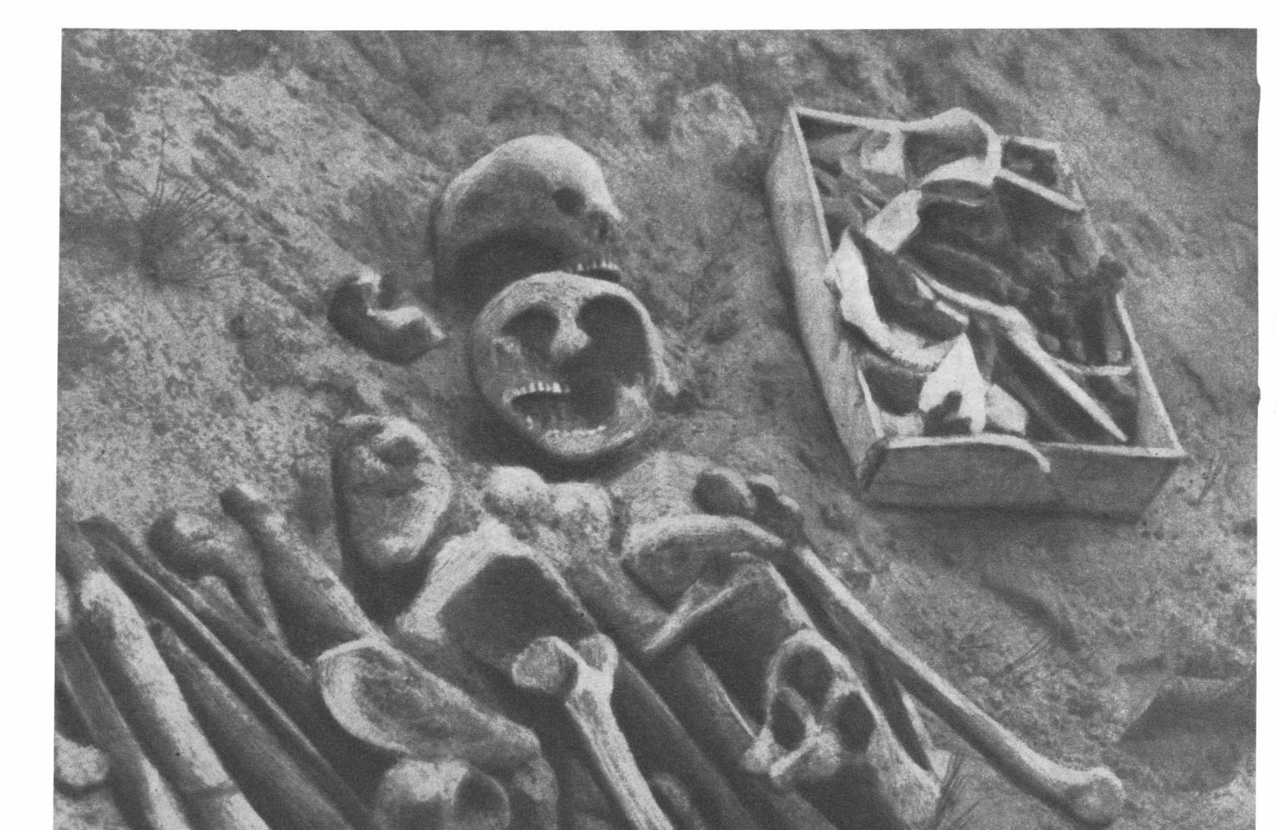
Самое страшное то, что убийцы живут среди людей. Здравствуют. Называют себя «борцами за свободу» и втягивают запутавшихся в новые преступления.

В 1940 году некоторые послы и дипломаты буржуазной Эстонии, находившиеся за границей, не пожелали признать Советскую власть и вернуться на родину. Надо ли говорить о том, что недобитые фашисты типа Лаака, бежавшие из Эстонии в 1944 году, были радушно встречены бывшими послами.

Для многих пристанищем в первый послевоенный год стала благоустроенная, избежавшая войны Швеция. Здесь удравшие в 1940 году члены буржуазного правительства еще во время фашистской оккупации Прибалтики создали так называемый «Эстонский комитет», поддерживавший связь с националистическими элементами, оставшимися в Эстонии. А в Эстонии бывший заместитель президента Улуотс, назначенный гитлеровцами ректором Тартуского университета, и несколько других националистов создали нелегальный «Национальный комитет», ловко игравший в «борьбу с оккупантами». Истинная сущность этой борьбы раскрылась в 1944 году, когда убегавшие фашисты предложили Улуотсу возглавить «правительство», которое должно начать борьбу против Советской власти. «Правительство» было создано и в тот же день издало декрет, призывающий браться за оружие и бороться против коммунизма. Второго декрета не последовало, потому что именно в тот же день «правительству» пришлось удирать. Прихватив деньги из банков, оно кинулось в Хаапсалу, чтобы переправиться оттуда морем в Швецию.

Попав в Швецию, «деятели» принялись за работу. Просто «Эстонский комитет» был переделан в «Эстонский национальный комитет», который претендовал на звание эстонского правительства. А другие претенденты «на престол» создали «Представительство эстонцев в Швеции». Организация эта ставит своей целью разжигание махрового национализма в эмигрантских умах, борьбу за свержение Советской власти в Эстонии. Для этого «борцы за свободу» готовят шпионов и диверсантов, чтобы забрасывать их в Советский Союз.

Именно такого рода деятельностью занимается небезызвестный среди эстонских эмигрантов в Швеции Харальд Вельнер. Он выдает себя за журналиста. До того, как стать им, Вельнер был управляющим имением, режиссером, драматургом, лектором и даже продавцом в музыкальном магазине. Он сменил много фамилий и профессий, пытаясь при-

←
Вот что сохранили пески Калеви-Лиива.

крыть свою основную деятельность: еще во времена Антанты, в Архангельске, он был завербован английской разведкой. Но Вельнер никогда не был слугой одного господина. По словам хорошо знавших его и в свое время завербованных им агентов Хельмута Педаника, Артура Мяэханса и Тармо Меристу, он одновременно был английским, американским и германским шпионом. Вельнер сам вербовал и поставлял шпионов в разведывательную школу на острове Хауко.

В Швеции есть фирма «Ниман и Шульц», которая берется за любые дела, только бы они приносили доход. Занимается эта фирма и обслуживанием туристов, а также помогает желающим поддерживать различные связи с заграницей. Вельнер стал там чем-то вроде агента по отправке посылок. Посылая «бедным родственникам» в Советской Эстонии носки и макароны, он рассчитывает таким образом завербовать себе союзников в борьбе против Советской власти.

Сродни занятиям Вельнера и деятельность Александера Варма, заместителя председателя «Эстонского национального совета». Будучи еще консулом буржуазной Эстонии в Ленинграде, он скупал там из-под полы произведения искусства и перепродавал их в Финляндию, Швецию и другие страны. Навыки спекулянта пригодились Варма позднее. Когда наступил 1944 год, он из своего скандинавского укрытия начал вопить, что пришла пора тем, кто любит Эстонию, покинуть ее. Такие находились; они платили Варма деньги, и он переправлял беженцев в скандинавские страны, главным образом в Швецию. А затем вербовал их в гитлеровскую армию. Варма было выгодно, чтобы его соотечественников побыстрее отправили на фронт: так меньше оставалось свидетелей.

В Швеции нашел пристанище и такой «деятель», как Леонид Лайд — член правления националистической организации «Эстонский народный фонд». Во время немецко-фашистской оккупации Эстонии он был ассистентом полиции СД в отделах «Б-1» и «Б-IV». Сохранились документы, подписанные Леонидом Лайдом, когда он «работал» в полиции. Вот они:

Ниитсо Калев, строительный рабочий. Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день — 14 ноября 1941 года.

Подпись: Л. Лайд.

Хыбесалу Георг, пионервожатый. Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день—6 июля 1942 года.

Подпись: Л. Лайд.

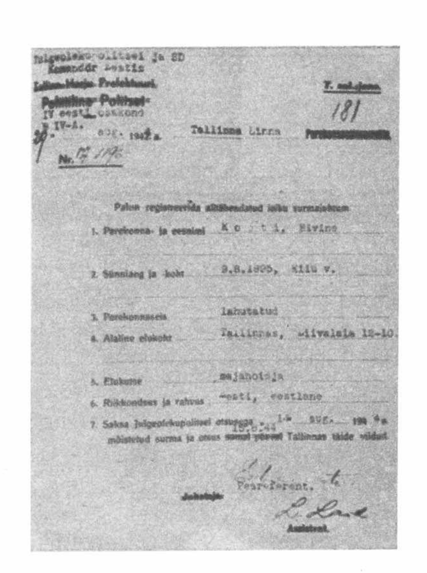
Паула Кингсепп — помощница повара. Хильце-Хелене Мюльберг — чернорабочая в гавани. Эльвине Копти — дворник. Ян Хансумяэ. Иозеп Арбет. Виллем Вескиметс. Имена, имена, имена... Множество разных фамилий. И одно решение — расстрелять в тот же день. И на всех документах одна и та же подпись изменника Леонида Лайда.

До каких пор нейтральная Швеция, столько лет не знавшая войн, будет терпеть на своей земле предателей и палачей эстонского народа? А «старая добрая» Англия, немало сынов которой пали в битве с фашизмом,—кого же она пригрела у себя в послевоенные годы?

Пригрела она государственного преступника Аина-Эрвина Мере, на кровавом счету которого числятся десятки тысяч убитых по его приказу людей. Аин Мере сражался за фашистские идеи не на фронте, а в тылу. Его главными противниками были старики, дети и женщины: Аин-Эрвин Мере был начальником эстонской полиции безопасности и СД, которая должна была обеспечивать гитлеровским оккупантам «безопасность» от мирных жителей. Это по его приказу на территории Эстонии были организованы лагеря уничтожения евреев, цыган и других представителей «неарийских рас», лагеря, подобные «Ягала» с холмами Калеви-Лиива. Это ему, Аину-Эрвину Мере, присылал в подарок Лаак чемоданы с вещами, обагренными кровью. А сам Мере приезжал к Лааку наблюдать за расстрелами и пьянствовать.

И карателя Альфонса Ребане приютила Англия. Того самого Ребане, который был в начале войны руководителем банды убийц, стрелявших в спину эвакуировавшимся женщинам и детям. В дальнейшем Ребане — вербовщик эстонцев в гитлеровскую армию и сам ее доблестный служака. Каким рьяным командиром карательного батальона он был, помнят жители Калининской, Ленинградской и Новгородской областей, Эстонии, Польши и Чехословакии.

Группа фашистов, бежавших из Эстонии, гнездится и в Канаде. Один из теперешних главарей националистической эмиграции в Канаде «Совета национальной борьбы», Харри Пяркма, служил во время войны в главном штабе эстонского легиона СС. Ильмар Хейнсоо — теперешний «идеолог» эстонских эмигрантов в Канаде — тоже был эсэсовцем, его сподвижник Антс Мягисоо занимал пост начальника управления полиции СД в Тарту и председателя «Омакайтсе». Аугуст Кала в период оккупации был комиссаром полиции Муствееского участка. Есть среди эстонских эмигрантов в Канаде и некий Самуэль Коок, в прошлом комиссар полиции Пыльтсамааского участка. Арестованных он отправлял в Таллин с таким указанием: «Рекомендую навсегда удалить из человеческого общества». Выполняя рекомендации Коока, Мере давал более точный приказ: расстрел. Тогдашняя осторожность в формулировках теперь не может обелить Коока: документы изобличают Коока как изменника эстонского народа, палача и убийцу.

Julgeolekupolitsei ja SD
Komandör Eestis
Tallinna-Harju Prefektuur
Poliitiline Politsei
IV eesti osakond
B IV-A.
... aug. 1942 a. Tallinna Linn 181
Nr. ...

Palun registreerida allnimetatud isiku surmajuhtum

1. Perekonna- ja eesnimi K o p t i, Elvine
2. Sünniaeg ja -koht 9.8.1905, ...
3. Perekonnaseis lahutatud
4. Alaline elukoht Tallinnas, ...
5. Elukutse majahoidja
6. Riikkondsus ja rahvus eesti, eestlane
7. Saksa Julgeolekupolitsei otsusega ... mõistetud surma ja otsus ... Tallinnas täide viidud

Juhataja
Assistent

«Удостоверение на расстрел», подписанное одним из теперешних руководителей эмиграции в Швеции, Леонидом Лайдом.

В Западной Германии под крылышком боннского правительства живут эмигранты из Эстонии, которые в прошлом служили в войсках СС, сотрудничали в полиции СД.

Теперь многие из них стали кадрами американской разведки. Таков, например, Герхард Бушман, который для прикрытия своих шпионских дел в Мюнхене имеет официальную должность: он возглавляет «Отдел по делам эмиграции». Было в Западной Германии объединение бывших эсэсовцев «Выйтлея», которое ставило своей целью «немедленное освобождение Эстонии от советской власти». Но «Выйтлея» распалось. Теперь по указке западногерманских и оккупационных американских властей его пытаются гальванизировать за счет двух рот американской армии, в которых служат эстонские эмигранты: «охранной роты № 4221» и «рабочей роты № 8745». Эти подразделения охраняют американские военные аэродромы и готовятся к боевым операциям с применением ракетно-ядерного оружия. А попутно из тех, кто в них служит, готовят будущих начальников лагерей уничтожения.

Во многих странах живут тысячи эстонцев, которых судьба много лет назад оторвала от родины. Эти люди не вступают в реакционные эмигрантские организации и комитеты, все время возникающие и лопающиеся как мыльные пузыри. Эти люди радуются каждой весточке с родины. Многие из них мечтают о возвращении на родину. Вот что пишет, например, из США в редакцию газеты «Рахва Хяаль» эстонский моряк-эмигрант Эдгар Польберг:

«Я устал от скитаний по морю и хочу вернуться домой, на родину. Но люди здесь никак не понимают, как может человек отсюда, из так называемого «свободного мира» и «рая», возвращаться куда-то на свою родину. Вначале меня запугивали, чтобы я не писал ни родителям, ни знакомым, говорили, что будто их там у вас за это расстреляют. Но я писал и получал ответы. Тогда мне велели посылать посылки, чтобы показать вам, живущим в Эстонии, что у меня всего много, а у вас ничего нет. Но не подсказали, откуда я должен брать деньги. Я послал пару посылок, на большее у меня нет денег. Вот тогда-то мне и показали свое настоящее лицо. Денег за плавание мне не выплачивают. Когда корабль приходит в гавань, меня закрывают на замок, и у дверей стережет человек с револьвером. Всем объявлено, что я красный и советский шпион. И все это только потому, что я хочу домой на родину, повидаться через столько лет со своими родителями. Это — мое единственное «преступление» здесь, в «свободном мире». Прошу вас напечатать мое письмо в газете, чтобы народ всего Советского Союза знал, как здесь обращаются с человеком, который хочет вернуться на родину».

«БЛАГОДЕТЕЛЬ»

Человек в карнавальном колпаке, с довольной улыбкой на лице, который изображен на снимке в журнале «Мюнхенер иллюстрирте»,— это западногерманский министр жилищного строительства Пауль Люкке. Фотограф запечатлел момент, когда министр рассматривает врученный ему на карнавале орден за то, что он никогда не забывал о нуждах «маленького человека». Как Люкке «печется» о гражданах ФРГ, видно из того, что с 1 августа этого года он повысил квартирную плату в домах старой постройки на 15—20 процентов. В одном только Мюнхене половина жителей теперь будет платить за квартиру на 5 миллионов марок больше.

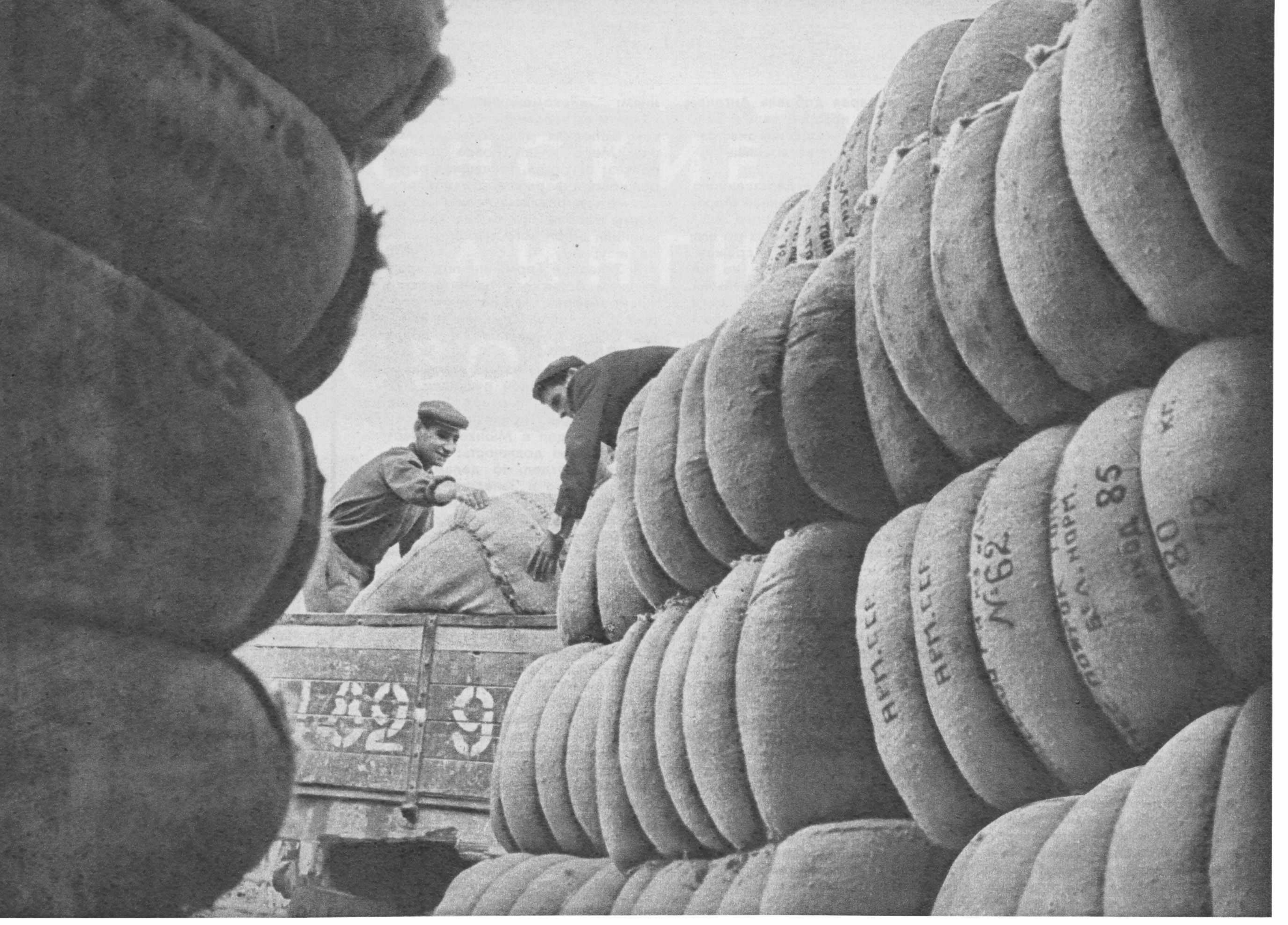
Печальная история капитана Гранта

Американская газета «Лос-Анжелос таймс» недавно опубликовала сообщение о попытке некоего Брюса Гранта, служащего бензозаправочной станции, покончить жизнь самоубийством.

Грант — бывший летчик, имеет звание капитана. В свое время был откомандирован в распоряжение государственного департамента и в числе первых 7 летчиков, выделенных американским правительством, проходил специальную подготовку для шпионских полетов на самолете «У-2». Во время тренировочных полетов три его сотоварища по шпионскому делу погибли. Не повезло и капитану: его самолет потерпел аварию, и Гранта сперва отстранили от полетов, а затем и вовсе выбросили из военно-воздушных сил, как непригодного к дальнейшей службе. Казалось, все забыли о нем. Но вот после того, как 1 мая под Свердловском советские ракетчики сбили шпионский самолет Пауэрса и грязные происки американской разведки и правительства были разоблачены перед всем миром, о нем немедленно вспомнили. Гранта срочно вызвали в Вашингтон, в государственный департамент. Не успел он приехать, как той же ночью, еще до встречи с представителем государственного департамента, в гостинице на него было совершено покушение. По счастливой случайности Грант остался жив. Подавленный и чем-то запуганный, он возвратился из Вашингтона домой. Но с тех пор, по словам его матери, Грант жил в постоянном страхе и вскоре попытался покончить с собой.

По-видимому, кое-кто в США хотел бы отделаться от «лишних» свидетелей, боясь новых разоблачений своей авантюрной политики.

Л. ПОНОМАРЕВ

Много тканей получится из этой шерсти...

СОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ—40 ЛЕТ

На орлиных высотах

Гарегин СЕВУНЦ

Фото Г. Копосова.

Мы покидаем Горис.

Машина мчится по зеленым прямым улицам, поднимаясь над городом.

Скоро откроются поля моего родного села Хндзореска.

Сегодня небо голубое и чистое. Серая лента дороги вьется вверх, теряясь за островерхими скалами. Кажется, что, достигнув высшей точки перевала, мы оторвемся от земли и полетим. Кажется, что, когда мы достигнем линии горизонта, перед нашим взором предстанет совершенно иная планета, со своей землей, солнцем, звездами и со своими людьми.

И в самом деле, на высоте нескольких сот метров над Горисом, когда машина сворачивает влево, перед нами раскрывается новый мир, где вздымаются величественные горы, где простираются широкие поля и зияют глубокие ущелья. Это наш край, наши горы, наши поля.

А почему не слышно жаворонков и куропаток?

Жаль, поля уже убраны... Но и по оставшемуся на полях жнивью видно, что урожай был богатым. Амбары нашего колхоза вновь полны зерном.

Всего лишь месяц назад в город приезжал чабан Тигран Григорян. Он жаловался, что ему негде хранить зерно, а председатель грозится, говорит: если не заберешь свое зерно из амбаров, оштрафую.

— А почему бы тебе не продать его, или боишься, что хлеба не хватит?

— Чтобы у меня да не хватило? У меня на целых пять лет припасено.

На пять лет! И не только от чабана Тиграна слышу я такое. Уже давно мои односельчане не думают о хлебе. Они собирают богатый урожай с полей, которые в годы моего детства были тощи и бесплодны.

Многое вспоминается мне. Здесь каждый камень, каждая тропинка, словно обретя язык, рассказывает о печальном прошлом. На минуту мне кажется, что по этой знакомой дороге, погоняя прутиком осла, идет моя добрая бабушка, которая обнимет меня, достанет, пошарив в складках расшитого серебром платья, яблоко, грушу или горсть орехов и скажет:

— Что ж ты плачешь, ягненок ты мой? Ведь я пришла.

Я всегда ревел, когда бабушка уходила в поле и не брала меня с собой. А позже я плакал оттого, что в доме не было хлеба. Тогда уже не было в живых ни бабушки, ни дедушки, ни отца. И я часто слышал, как говорили: «Бедные малыши, сиротами остались».

Я не помню, когда я стал сиротой. А что сиротский хлеб горек,— это я знал. Когда отец был жив, мама никогда не плакала, а после его смерти глаза ее не просыхали от слез. И я плакал с ней, но от этого нам не становилось легче. Трудно было найти дома корку хлеба или немного дров. Мы мерзли, без конца мерзли. Почему-то мне казалось тогда, что в наших горах никогда не светит солнце, что всегда идет снег или моросит дождь. Нам всегда было холодно. Мерзли не только мы, но и наши соседи, их ребятишки.

И как нам было не мерзнуть, когда даже зимой мы ходили босиком! Редко кто из моих сверстников ходил в постолах. Ноги наши всегда были в кровавых ссадинах, потрескавшиеся, сбитые в

Эчмиадзинский район. Хорошо живется этим ребятишкам в совхозном детском саду!

На берегу Севана протянулась высоковольтная линия электропередачи.

кровь. Просто удивительно, как мы переносили этот вечный голод, холод.

Но далеко не все выдерживали. Умерла тогда моя родная сестренка. От голода умерли мои двоюродные брат и сестра Левон и Лусик. Много умирало народу, и не хватало на всех саванов. У нас в то время хозяйничали дашнаки. Я знал об этом, ведь деревню то и дело облетала весть:

— Дашнаки вернулись, дашнаки...

Люди поспешно прятали последние остатки зерна, чтобы дашнаки не скормили их лошадям.

Кто отказывался отдавать свои припасы, подвергался жестоким избиениям. Людей били на сельской площади, на глазах у всех. Били за недоимки, за дезертирство, за оскорбление власти, за сочувствие большевикам.

Страшный переполох тогда поднимался в деревне. Мы, ребятишки, в ужасе разбегались по домам.

Дашнаки потерпели поражение. И настал день, когда над нашей деревней взвился красный флаг.

С тех пор прошло уже около сорока лет, но каждый раз, приезжая домой, я снова вспоминаю те тяжелые дни. И радуюсь происшедшим здесь переменам.

Я объяснил своим попутчикам, что Хндзореск откроется нам только за поворотом. Да, только на последних метрах у поворота можно увидеть глубокое ущелье с зубцами скал. В этом ущелье среди гор, как в неприступной крепости, веками жили хндзорескцы. И чтобы выйти к полям, им приходилось чуть ли не с километр взбираться вверх по кручам, рискуя сорваться в пропасть.

Сегодня на обступивших школу полях раскинулся новый Хндзореск с одноэтажными и двухэтажными домами. Здесь открывается чудесный вид на долину реки Баргешат, на покрытые лесами горы соседнего Кафанского района.

И человеку кажется, что отсюда он совершает полет. Он видит под собою далеко внизу реки, села, горные хребты, бесконечные холмы и поля.

На этих орлиных высотах строится новый Хндзореск. Уже наметились контуры прямых улиц. И куда ни глянешь, всюду лежат камни, известь и другие строительные материалы.

Тут никогда не было воды, но колхоз «Ленинский путь» привел сюда с высоких гор воду.

Недалеко от школы мы встретили учительницу Нору Клазанц, которая пригласила нас к себе в гости.

— Заверните к нам, машину можно поставить во дворе.

— Нас трое, вы можете всех нас разместить?

— Пожалуйста, места у нас много.

И она ведет нас к двухэтажному дому рядом со школой. Мы поднимаемся на второй этаж и входим в светлую, просторную комнату. Мужа Норы, Володи Саиляна, нет дома.

— Твой Володя — все еще киномеханик? — спрашиваю я.

— Нет, он давно оставил это дело, шесть лет работал на комбайне, а теперь заведует нашим транспортом.

Заведует транспортом? Пожалуй, услышав эту фразу в городе, я бы так не удивился, но здесь...

— Каким это транспортом? — спрашиваю я.

Нора, в свою очередь, удивляется моей неосведомленности.

— У нас восемнадцать грузовых машин. И еще восемь тракторов и четыре комбайна. Володя и транспортом ведает и как механик работает.

Я осматриваю квартиру механика. И думаю: хндзорескцы никогда уже не будут ютиться в пещерах, теперь они не могут обойтись без электричества и радио, не могут оставить своего ребенка неграмотным.

В вечерний час, когда колхозники собрались в Пртосе, я, конечно, не мог усидеть дома.

Пртос — клуб под открытым небом, он освещается сиянием звезд. Здесь собираются на митинги. В Пртосе расположены склады, колхозные мастерские, лесопильня, электромельница, гаражи. Тут останавливаются передохнуть возвращающиеся с поля, узнают последние новости, ведут разговоры про завтрашний день и потом расходятся по домам.

На этом своеобразном деревенском форуме всегда можно услышать озорные шутки и простые слова, от которых становится тепло на сердце. В Пртосе собираются сельские философы, политики, моралисты, балагуры.

Вот почему меня так тянет в Пртос.

Встречаю знатного комбайнера Гришу Кочунца. Кажется, у этого высокого, здорового парня не должно быть никаких забот. Еще недавно он жил с семьей в старом Хндзореске. И сейчас, глядя на ту часть деревни, просто диву даешься, как люди могли жить на таких кручах. Привыкший к старому жилью, отец Гриши, Цатур, и здесь построил свой новый дом на отшибе, у самого края пропасти. Односельчане в шутку называют дом «Цатураваном»[1].

Но Кочунцы довольны новым домом. Мать Гриши, Манушак, так объясняет его преимущества:

— Кур тут можно разводить сколько душе угодно, не то что на старом месте...

В этом году Гриша весь урожай с четырехсот пятидесяти гектаров собрал и обмолотил за шестнадцать дней. Доход его составил больше пяти тысяч рублей.

Я не верю своим ушам.

— Пять тысяч за шестнадцать дней?

— А что тут особенного? — удивляется Гриша.

— Один ты так много заработал?

— Конечно, не я один. Все хорошо работали. Вот у Сероба Джаваиряна показатели выше, чем у меня.

Но не это его беспокоит.

— Диплом тракториста лежит в кармане, а для трактора пока дела нет.

— Тебе что, после уборки другой работы не дали?

— Да нет, работы в колхозе хоть отбавляй.

— А сколько колхоз платит за трудодень?

— Шестнадцать рублей.

— Кажется, не так уж плохо.

— Ну, конечно. Кто нынче плохо живет? Трудись только...

В старом Хндзореске работает бригада табаководов, молодые девушки и женщины. Все они родные мне люди. Может, именно поэтому они кажутся мне красивыми.

В республике славятся животноводы Хндзореска. Здесь, в Пртосе, высятся тюки хорошо спрессованной, доброкачественной шерсти, на которых написано: «Хндзореск, колхоз «Ленинский путь». Не знаю, на какие фабрики братских республик пойдет эта шерсть, но я уверен, что работники фабрик останутся довольны.

Зоотехник Микаэл Галунц объясняет мне, что это отборная тонкорунная шерсть. Годовой план настрига с овцы составляет 3,7 килограмма, но животноводы, перевыполнив план, сдали по 6,3 килограмма шерсти!

Снова я слышу давно знакомые имена замечательных чабанов — Чатунца Гарника, Мелика Туняна, Гриши Арзаняна,— депутата Верховного Совета Армянской ССР Авага Атабякяна, Ерванда Манучаряна — рекордсмена Советского Союза: он получил от каждой из пятисот тридцати овец своей отары по восемь килограммов шерсти.

Всегда, в любое время года, в любую погоду, когда тяжелый туман окутывает горы или когда нещадно палит солнце, в студеную зиму, в капризную весну, в жаркое лето или в плаксивую осень, неустанно и мужественно работают эти люди. Их отары облаком покрывают склоны наших гор. Словно мифический герой, с посохом в руке, в бурке, шагает чабан из Хндзореска. Он кажется сказочным богатырем, который день и ночь гонит облака, спускает в ущелье, чтобы напоить их студеной водой, поднимает на вершины гор, в дивные альпийские луга.

* * *

...Под утро, когда бледный восход разгорается над горами, я выхожу из дому и направляюсь к Пртосу. В этот ранний час я вижу с головокружительной высоты гнезда домов, кладбища, раскинувшиеся на вершинах Кайцакнасара и Капа, где покоятся мои родные.

Я снова пришел сюда, чтобы утолить тоску по родному краю, по вековым дубам на вершинах гор, по ущелью, по мрачным пещерам, оврагам, где бьют чистые студеные родники, по баштанам, подступившим к самому краю обрыва, по древним крепостям.

Кругом тихо.

Только лай внезапно всполошившихся собак и кукареканье ранних петухов, возвещающих о рассвете, говорят, что я в деревне. Пройдя еще немного, слышу глухой шум мотора.

Перед колхозным складом машина сортирует зерно. Здесь работают четверо ребят. Золотые зерна сыплются в мешки. Ребята взваливают их на спины и относят к амбару, где горы пшеницы доходят уже до потолка. В будущем году эти отборные семена дадут щедрый урожай.

Дживаншир, сын известного зурнача Огана, говорит:

— Ребята, ну, живее, уже кончаем...

Они снова наполняют мешки зерном и выгружают в складе.

О многом мне хочется поговорить с ними. Ведь я давно не видел Дживаншира, его отца, варпета Огана. И где бы я ни был, всюду я тосковал по его зурне, от звуков которой, кажется, содрогались скалы.

Мастер Оган уже стар. Теперь на свадьбах играют другие музыканты. Но не беда, была бы музыка, да горели бы свадебные факелы, и в разгар веселья гремело традиционное: «Эй, ша-баш!»

Вскоре появляется на своем ослике старый мельник. Спешился, запустил электромельницу, которую все называют просто мельницей. Сейчас он начнет молоть золотистую пшеницу, посыплется белоснежная мука, и скоро из домов потянет приятным запахом свежеиспеченного хлеба.

Но мне пора возвращаться в деревню.

Навстречу бегут ребятишки с сумками на плечах. Все они здоровые, румяные, шустрые.

Вот какое поколение растет в этих горах!

Я спускаюсь в ущелье, где и сейчас бежит озорная речка — подруга моего детства. Я спускаюсь вниз, и почему-то мне кажется, что сейчас услышу пленительные, задушевные мелодии моего земляка композитора Ашота Сатяна, сочный голос народной артистки СССР Татевик Сазандарян.

Направляюсь к роднику Девяти младенцев, к вершине Шрана, и чудится, что чей-то голос читает мне простые, немного грустные, написанные от сердца рассказы нашего земляка Сурена Айвазяна. Кажется, это ущелье таит в себе какую-то неведомую силу, которая вдохновляет сыновей, вскормленных этой землей.

Хндзореск дал Родине много ученых, воинов, деятелей искусств и литературы, знатных чабанов, агрономов, садоводов... Что это за сила, которую земля наша дает своим сыновьям? Может, она черпает ее в сиянии ярких звезд, или в смешанном запахе цветов, терпких трав, или в аромате туты, черешни, яблонь, груш, винограда, инжира — благословенных даров земли нашей, или в запахе душистого лаваша, словно впитавшего в себя пламя наших тониров?

Иду я, и взгляд мой ищет уголок села, мастерски воспроизведенный на картине Эдика Исабекяна.

Я присаживаюсь на камни перед больницей. Немного ниже разверстая глубь ущелья. Сюда, к больнице, привело меня одно обстоятельство. Сегодня сельская учительница Эмма родила сына, и мне хочется взглянуть на нового хндзорескца. Он подрастет и вместе со своими сверстниками будет пожинать плоды кропотливого труда и борьбы своих предков. Его сверстники в недалеком будущем, подобно соколу, взлетят на быстрокрылых самолетах над этим ущельем. Они с благодарностью будут вспоминать своих отцов и дедов, которые смело подняли высоко над горами всепобеждающее знамя Ленина и повели упорную и мужественную борьбу за победу коммунизма.

Перевела с армянского **М. МАЗМАНЯН.**

Роберта Бзнуни хорошо знают на Кироваканском химическом комбинате. Он не только отличный мастер своего дела, но и вожак комсомольской организации цеха.

---

[1] Аван — место поселения.

Новый город Раздан. На переднем плане — водозаборные трубы Атарбекянской ГЭС.

ЗДРАВСТВУЙ, СЕВАН!

Ереван. Вечером в центре города..

Ия МЕСХИ

Фото Г. Копосова.

Двести с лишним тысяч озер в нашем отечестве. Двести с лишним тысяч больших и малых, соленых и пресных, имеющих и не имеющих народнохозяйственное значение, существующих просто на радость людям. В Армении есть Севан — одно из крупнейших высокогорных озер мира, озеро удивительной, я бы сказала, драматической судьбы.

Пока не увидишь его, кажется, что на лице армянской земли опущены веки. Все полно на нем неповторимого своеобразия — яркие сарьяновские краски, суровые черты, высеченные как бы в одном сплошном монолите. Но без глаз это лицо не одушевлено. Так по крайней мере представлялось мне, пока я не увидела на высоте двух тысяч метров над уровнем моря синие воды Севана.

В этот нежаркий осенний день на озере загорали туристы и отдыхающие. Загорали безмятежно, прямо в лодках, отдав на расправу ультрафиолетовым лучам свои обнаженные тела. И вдруг все преобразилось. Над Мокрыми горами показалась черная туча, кубарем скатилась со склона чуть ли не к самой воде и нависла над нею. Севан побурел. На нем появились красные прожилки. Люди в лодках усиленно гребли к берегу. Туча сбросила крупный колючий град и ушла. Но к Севану не вернулась его прежняя синева. Он приобрел третий за этот короткий час оттенок. Говорят, так меняется он в день по многу раз, отражая на своей громадной поверхности свет солнца и тени облаков.

...Трудно сказать, как именно возникла у Сукиаса Ефремовича Манасаряна идея спуска севанских вод. Но мне хочется думать, что здесь, у берегов Севана, сидел этот человек и так же, как тысячи других, как мы в этот нежаркий осенний день, наблюдал за резвой игрой солнца и воды — игрой, порождающей бурное испарение на поверхности озера. Севан невероятно испаряется. Двадцать восемь рек впадают в него, на озеро низвергаются дожди, снега, град, а выходит из него небольшая река Раздан, в которой нет и двадцатой доли того, что приобретает Севан. Куда же идет остальное?

Сукиас Ефремович был мелиоратором и экономистом. Он знал, что значит вода для Армении, и умел считать. В 1910 году, полвека назад, появилась его книга «Испаряющиеся миллиарды и инертность русского капитала». В ней предлагалось углубить русло Раздана у выхода из озера и выпускать вековые воды Севана до тех пор, пока не наступит новое равновесие: с маленькой площади испарение уменьшится, а сток в Раздан увеличится.

— Тем временем можно использовать воду! — взывал он к «инертному капиталу».— Орошать, строить на перепадах электростанции!.. Сколько бы это дало бедному населению Араратской долины!

Ну, а Севан? Севану, конечно, наступит конец. Уменьшенный в несколько раз, он перестанет быть тем, чем был, потеряет свое величие и красоту, превратится в маленькое озерко, каких немало разбросано в горах по всему свету.

Красота сама по себе — величайшее благо, которым следует распоряжаться осторожно. Люди страны, где есть Севан, не могли бы думать иначе ни в какие времена. Но предложение мелиоратора позволит облегчить их существование на пустынных, безводных землях. Народ Армении предпочитал остаться без Севана. Однако кого интересовало тогда, что предпочитает народ Армении?..

Пришло время, когда проблемой Севана занялись армянские коммунисты. Они еще и еще раз взвесили все, прежде чем решились на спуск озера и строительство каналов и электростанций на перепадах реки. Угля в Армении нет, торфа нет, газа нет, нефти нет, сланца нет. Есть реки, и тех мало. По самой полноводной — Араксу — проходит государственная граница СССР с Турцией и Ираном. Каскад на реке Дебед может дать не более миллиарда киловатт-часов в год. Но это не решит проблемы орошения плодородной Араратской долины. Река Дебед далеко от нее. Каскад на реке Воротан также не даст воды долине, хотя энергии из него можно выкачать побольше, чем с Дебеда. И еще одна трудность: к сооружению Воротанского каскада энергетики технически еще не совсем были подготовлены.

И, наконец, река Раздан. Она под сильным уклоном несется с гор, проходит столицу Армении Ереван и по землям Араратской долины устремляется в Аракс. Пополненная водами Севана, она способна оросить около ста тысяч гектаров земли и дать мощности, равные Днепрогэсу.

Днепрогэс в Армении! Можно ли тут еще колебаться?! Был создан Севанский комитет и разработан проект каскада, рассчитанный на спуск чаши большого Севана в течение пятидесяти лет. Общепризнано, что по изяществу решения инженерной задачи этот проект в те, тридцатые, годы не имел прецедента в мировой практике.

Никто, кроме, может быть, тех, кому безразлична была экономика молодой Советской республики, не протестовал, что судьба красавца Севана складывается так. Создавались штабы содействия строительству каскада; на рытье каналов, на стройку шли добровольцы. Колхозы долины восторженно принимали воду, промышленность — энергию. Народ ликовал.

Что же произошло за последние годы? Почему вокруг севанской проблемы поднялись такие споры, почему стали требовать от энергетиков: «Остановите спуск Севана!»

...В энергетическом управлении Армянского совнархоза мне показали интересный документ — график попусков Севана. Составил главный диспетчер энергоуправления Владимир Павлович Мартынов. Еще студентом, увлекшись идеей каскада, он приехал в Армению, строил здесь первые станции и вот уже много лет подряд держит руку на «кране» Севана.

Пока он разворачивал свой свиток, объясняя, что попуски — это и есть количество выпускаемой из озера воды («Термин возник у нас!»), я смотрела на его слегка ссутулившуюся спину, на седые виски и думала, что хорошо быть таким, увлеченным до конца, отдать свою молодость, жар души большому, полезному делу и глубоко верить в его правоту. Севан воспитал целую плеяду таких специалистов. Они добились того, что выработка электроэнергии на душу населения в Армении стала выше, чем во Франции, Италии, Японии. В горной Армении сейчас нет ни одного села без электричества! Это сделали советские люди, используя Севан.

Смотрите его «трудовую книжку».

1933 год. Выпущены первые кубометры воды в оросительный канал имени Сталина. В 1936 году вступила в строй первая станция каскада — Канакергэс, Севан стал выдавать по триста миллионов кубометров в год. Война. Строительство электростанций прекратилось. Напряженно работали заводы и фабрики. Пришлось увеличить попуски вдвое, втрое. Севан спустился на два, три, четыре метра. Надо было спешно строить самую верхнюю станцию каскада, и строить под землей, чтоб выпускать воду из нижних горизонтов озера. Севанскую, подземную, пустили в 1949 году. Но этого было мало, очень мало. Промышленность требовала: «Давай!» Из Севана гнали уже 1 500—1 700 миллионов кубометров, сверх всяких норм...

Диспетчерский пункт в то время работал в сложнейших условиях. Глядя на график, Владимир Павлович вспоминает, как приходилось выкраивать энергию для предприятий, иногда оставляя в темноте городское население. И только с пуском в 1953 году самой мощной, Гюмушской, станции, а вслед за ней и двух других, с вводом в строй новых оросительных каналов все пришло в равновесие. И тем не менее оказалось, что Севан не «перерасходовал» против схемы ни одного литра воды.

— Чем же тогда вызваны нападки на энергетиков? Почему требуют остановить спуск Севана?

— Эмоции...— разводит руками Владимир Павлович.

И вот я на берегу озера и смотрю, как выглядит покинутая водой земля. Вижу бывший остров с древним монастырем и свежевыкрашенными, приветливыми домиками под горой. Теперь к ним можно попасть по суше. На воротах все еще не исправлена ставшая исторической надпись «Дом отдыха «Остров Севан». По всему берегу протянулась белая кайма — след плескавшихся здесь когда-то веселых волн. Медленно, но верно оставляет вода свое вековое пристанище. В иных местах, где дно озера очень пологое, кайма ширится на несколько километров. Это действительно могло вызвать понятную тревогу у многих. Но разве тем, первым, кто подавал идею, кто решал, составлял проекты, открывал шлюз, чтоб выпустить первую струю из Севана, было чуждо понимание природы, заботы о будущем?

Сегодня выходит житель армянской столицы из своего дома и смотрит — город-то какой стал красавец! На площадях бьют фонтаны, подсвеченные яркими лампочками, журчит вода, отражая в бассейнах сверкание неоновых реклам. Идет ереванец по проспекту Сталина — горят сотни подземных электрических светильников, вмонтированных прямо в асфальт посреди мостовой. А сорок лет назад на весь Ереван было 10 дуговых фонарей...

И вот какое интересное явление произошло в республике в последние несколько лет. Энергетиков, осуществлявших севанскую схему, в свое время жизнь выдвинула на передовые позиции, на позиции «впередсмотрящих». И это действительно было так. Тех, кто не соглашался с ними, «брали в оборот» всем обществом, ибо это были голоса обывателей, консерваторов. Но шли годы. Огромные перемены произошли в экономике республики и всей страны. И уже по-новому встает проблема Севана. Проблема, в которой нужно хорошо разобраться, учтя, что республика шагнула далеко вперед. Люди спорили, обсуждали, подсчитывали новые энергетические резервы. Армения получила природный газ от соседа — Азербайджана. Значит, можно уже строить теплоэлектроцентрали. Кольцевание энергосистем трех закавказских республик также дало Армении дополнительные мощности. Теперь уже стало возможным и Воротанский каскад сооружать. Это еще полтора миллиарда киловатт-часов прибыли!

Судьба озера решалась в Центральном Комитете Компартии Армении. Севанская проблема наполнилась новым содержанием. Да, озеро будет еще опускаться — примерно до уровня на 20 метров ниже первоначального, природного. Площадь его несколько уменьшится — с 1 416 квадратных километров до 1 230. С уменьшением площади испарения в Раздан пойдет в три с лишком раза больше «свободной» воды, чем шло до спуска озера. А дальше — стоп! С 1965 года вековые запасы Севана уже будут неприкосновенны.

Но как сделать, чтобы турбины каскада работали эффективно, а каналы были наполнены? Выход есть. В Севан будет переброшена река Арпа, в которой почти в два раза больше воды, чем будет в Раздане к моменту нового равновесия сил. Наконец, для орошения используют подземные воды Араратской котловины. Их много. Сейчас изучается стремительно несущаяся под Ереваном подземная река. Не правда ли, как все мудро и расчетливо в природе? Если на земле воды не хватает,— ищи ее под землей! И вообще — ищи, познавай, открывай! Будь расчетливее, мудрее природы. И будь добрее к ней!..

* * *

Итак, дела с Севаном сложились как нельзя лучше. Теперь, после всех перипетий вокруг каскада, хорошо бы просто взглянуть на него, тем более что он и не собирается идти в отставку. И прежде всего забраться под землю, увидеть отверстие, откуда свершались знаменитые попуски.

Я говорю «свершались», потому что в этом году попуски уже сокращены на 200 тысяч кубометров, а через несколько лет и вовсе прекратятся. Из отверстия будет выбегать то, что называется Разданом в одной упряжке с Арпой. Что же касается самой Севанской подземной станции, то она уже готова к переходу на автоматическое управление с дежурным на дому.

Все действующие ГЭС каскада имеют свое оригинальное решение, свой стиль. Но из всех, пожалуй, особо запоминаются две— Арзнинская и Гюмушская. К Арзнинской подъезжаешь по дну глубокого узкого ущелья. Бетонированная площадка, круглые часы, какие бывают обычно у заводских ворот. Надпись: «Здесь не стоять! Камнепад». И больше ничего. Где же станция? Она в пещерах. Одна, громадная, посередине — машинный зал с турбинами. Две по бокам — подстанции. От них вывод к мачтам, торчащим высоко на противоположном карнизе. Все компактно, как в ладонях, сложенных в пригоршню. Поселок расположен вверху — над ГЭС. Здесь водонапорные сооружения и лифт, который доставляет обслуживающий персонал станции из дома прямо к машинным залам.

Удобно, оригинально и, главное, дешево.

Свет и вода... Как нуждались в этом жители мрачных каменистых нагорий! Едешь сейчас вдоль каскада из Еревана на Севан, по дороге — села. Это называется Джрабер — Воду Несущий. А это еще недавно носило название Сухой Фонтан. Не теряли чувства иронии люди, так много страдавшие от отсутствия воды. Теперь у въезда в село надпись «Фонтан». Иные села связывают свои имена с появлением света: Лусакерт, Лусаван... Свет по-армянски — лус.

Лусаван — это уже городок. Он вырос из поселка строителей ГЭС. Здесь — заводы расточных станков, железобетонных конструкций, сооружается большой инструментальный завод. В Арзни, на том самом плато, под которым крутятся турбины Арзнинской станции, расположилось крупное предприятие, выпускающее точные технические камни. В славный городок на берегу озера вырастает село Севан. Тут уже действует завод исполнительных механизмов. Наконец, недалеко от Севана появляется на свет большой, красивый город, настоящее которого пока еще в груде невыразительных камней, заваливших стол директора института неорганической химии Манвела Гарегиновича Манвеляна. Попробуйте спросить его об этих камнях, и он снова отправит вас к временам первой каскадной ГЭС.

Именно с нее все и началось. В Канакере, под Ереваном, появилась дешевая электроэнергия, алюминиевый завод. И завозной глинозем. Надо было искать свой. И Манвелян искал. Он обратил внимание на нефелиновые сиениты, эти серые рыхлые глыбы. Известно было, что алюминия из них извлечь можно очень мало, не стоит возиться, извлекать. Но Манвеляна привлекло другое. Выяснилось, что, кроме глинозема, можно добывать из них цемент, соду, поташ, метасиликат кальция. Это уже делало добычу глинозема экономически целесообразной. Спустя несколько лет нефелиновые сиениты «выдали» еще четыре ценных продукта, исчерпав себя без остатка. А так как нефелиновых сиенитов в Армении очень много, возникла идея построить горнохимический комбинат.

В каменном хаосе на столе Манвела Гарегиновича соседствуют самые, казалось бы, несовместимые предметы: изоляционные ролики, пучки тончайшего волокна, ткани, бактерицидные лампы, осколки глазурованной посуды, куски белой резины, чистый, как слеза, хрусталь. В создании всех этих и многих других вещей будет участвовать продукция нового комбината, который строится в городке Раздан. Случилось так, что именно в центре обширных месторождений нефелиновых сиенитов создали свой поселок строители Гюмушской ГЭС. Энергетики провели железную дорогу от Еревана до самого Севана. Геологам стало легче искать и разрабатывать. Обнаружились хорошие промышленные площадки. Недавно из Карадага в Ереван пролег газопровод. Словом, образовалось то, что на языке экономистов называется Новый Промышленный Комплекс. Ему уже дано имя: Севано-Разданский. На него работает множество проектных институтов. Примерно 20 процентов капиталовложений, выделенных промышленности Армении в семилетке, направлено в этот совсем еще молодой экономический район.

Вот какой «переполох» вызвал Севан в непосредственной близости от себя, а ведь его влияние на экономику республики простирается гораздо дальше и глубже. После всего этого справедливость требует сказать, что судьба у него особая, не такая, как у сотен тысяч других озер. Иным милее Байкал, другим — Ладога, третий не чает души в Рице. Разве скажешь, какое из них нужнее или какое прекраснее? Пусть здравствуют все. И Севан!

Армянский тополь

Сильва КАПУТИКЯН

Чем отдаленнее растет он в горах на крутизне,
Без материнского присмотра, в пустынной стороне,
Тем шире расстилает корни в кремнистой глубине,
Тем гуще, тем богаче соком армянский тополь.

Чем он плотнее загорожен суровою горой,
Чем злее хлещут град и ветер его бока порой,
Тем он упрямей спорит с бурей, покрыт броней-корой,
Тем выше под дождей потоком армянский тополь.

Стремится голову поднять он, чтоб через горный вал
Мог Ереван его увидеть среди замшелых скал,
Чтоб крикнуть: «Крепче камня буду стоять я, как стоял.
Верь, выше гор в краю высоком армянский тополь!»

Разговор со старостью

Рачия ОВАНЕСЯН

Из будущего я услышал вдруг
Ворчливый оклик старости моей:
— Ты что-то не торопишься, мой друг,
Расстаться с буйством юношеских дней.

— Эй, погоди, неведомый старик,
Не торопи меня,— я попросил.—
В моей душе бурлит любви родник,
В ней столько неиссякших чувств и сил!

Хочу своей любовью одарить
Как следует весь этот мир земной,
Задумал даже небо покорить,
Увидеть чудо — встретиться с Луной.

Я столько весен должен увидать,
Зажечь стихами столько душ людских,
Измерить вод неизмеримых гладь,
Украсить солнцем столько гор крутых!

Полить я должен столько цветников
На этой влаги жаждущей земле,
Я столько песен написать готов,
Покамест дремлющих в рассветной мгле.

Я только начал свой бескрайний путь,
Всех колебаний одолев недуг.
Всем ветрам должен я подставить грудь,
О старости мне думать недосуг.

Пусть лишь такою будет жизнь моя —
Подобной вечно молодой весне...
Потом с тобой, конечно, встречусь я,
Как это ни прискорбно будет мне.

Моя страна

Геворг ЭМИН

В чем величие моей страны,
Той, чьи годы были так черны,
Той, что вышла светлой, обновленной
Из долины слез, ущелья стона,
Той, что дичью для ловца была,
Но подстреленной не умерла?
Мертв охотник, палача не стало,
А она осталась горстью малой,
Горстью — не в одной руке, увы,—
Но не стеблями сухой травы,
Нет, спасенным семенем пшеницы,
Чтоб на новой ниве колоситься.

Чем еще сильна моя страна?
Верно, тем и велика она,
Что не грабежом жила, не спесью,
А сложила о Ваагне [1] песню,
Тем, что лемех берегла — не меч,
Рукописей, книг живую речь.
Умирала, но живой осталась,
Пропадала — снова отыскалась,
Точно голубь, что на новый кров
Опустился, вить гнездо готов,
Голубь белый, как снежок на кровле,
С лапками, пурпурными от крови.
Выпорхнул из моря крови он,
И глядит на чистый небосклон,
И летит, грядущий день встречая.
...Такова моя страна родная!

[1] Мифический герой — олицетворение солнца и молнии.

Руки

Ованес ШИРАЗ

Благословенны лбы в росинках пота!
Труд лечит раны Родины моей.
Благословенна мудрых рук работа,
Вы, руки,— пульс горячих наших дней.
По вашей воле стали чудом скалы,
Немая бронза обрела язык,
И глыба мрамора бессмертной стала,
И яркий свет во все углы проник.
На шрамах Родины, на пепелище
Вы для народа ныне возвели
Пленяющие взор дворцы, жилища,
Украсили садами ширь земли,—
То памятники вашей славы, руки,
Строители, помощники науки!
...Целую руку в глине и пыли.

Стихи армянских поэтов перевела В. ЗВЯГИНЦЕВА.

Друзья повсюду

Рассказы

Николай ВОРОНОВ

Рисунки Л. ХАЙЛОВА

Куржак

Январь. Мороз. Над заводом, черным в утреннем свете, синий дым. Солнце стоит на гребне горы. Оно точь-в-точь такое, как в ночи нутро ковша, из которого вылили шлак: круглое, карминное, пробивающее воздух толстым багровым лучом.

Иду на междугородную. Мальчишки, горбясь и резвясь, ударяют портфелями по стволам карагачей, и с веток, шелестя, падает на одежду синий куржак.

Вчера вечером после долгого отсутствия я вернулся домой, и теперь город с его высокими домами, толстыми витринными стеклами, врезанными в чугунные рамы, с его запахом гари, звоном трамваев и храпом бульдозеров еще родней мне, чем был раньше. И все, кого вижу, дóроги сердцу: и водопроводчики в измазанных глиной накидках, и каменщики с засунутыми за голенища валенок кельмами, и рабочие, долбящие асфальт пневматическими молотками, и старушка, несущая под мышкой буханку свежего хлеба.

Вон и стеклянная вывеска переговорного пункта. Вспоминаю телефонистку Лену, умершую прошлой весной. Она была строгой, предупредительной. Лена занимала с матерью и сестрой комнатку. Любила парня из интерната молодых рабочих. Они собирались снять жилье «в куркулях» — это название прилипло к поселку, где дома принадлежат частникам,— и пожениться.

Приехала мать парня, не приглянулась ей будущая невестка. «Кого взять хочешь? Ты высокий, красивый, а она коротышка, из семьи с малым достатком, и специальность имеет незавидную». Парень запил (он и раньше был охоч гульнуть), учинил драку, кого-то ударил ножом. Лена носила ему передачи. В тот день, когда его должны были судить, ее увезли в больницу. Она родила мертвую девочку, а через несколько часов и сама умерла.

Пуст переговорный пункт. Влажен обшарпанный пол. Стеклянные ромбы в дверях кабин темны. Телефонистка читает. Сидит за столом в клетушке, отделенной барьером, и читает. На столе коммутатор, к его дубовому боку, будто лестница, прислонились счеты, книжка талонов придавлена металлической пластинкой. На стене карта Урала и таблица выполнения финансового плана. Имя у телефонистки, как и у той, трагической, Лена. Здороваюсь. Она отрывает глаза от страницы. Они сияют ярче обычного.

— Ох, и завлекательная книжка!..— Лена сладко ежится.— «Сержант милиции». Какой сознательный человек этот сержант! А сегодня я должна достать «От Путивля до Карпат». Я обязательно поеду в Киев и поговорю с Ковпаком. И с Вершигорой поговорю. Правда, у него большая борода?

— Правда.

— У нашего «Гастронома» низкие подоконья, и на этих подоконьях собираются старики. Они тоже партизанили — в гражданскую войну. И командовали ими Блюхер и братья Каширины. Вам, конечно, Москву? Ночью не было слышимости: иней по всей линии. А недавно слышимость вроде стала налаживаться. Скоро должен прийти лейтенант. Он каждое утро девушке звонит, уговаривает приехать, а она не соглашается. Хоть бы иней быстрей осыпался или растаял! Подождите, свяжусь с центральным переговорным.

Лена щелкает рычажком. Коммутатор глух. Она нетерпелива, уши ее гневно алеют. На шее, тонкой и смуглой, вздувается вена. Наконец на панели коммутатора вспыхивает голубым светом стеклянный квадратик.

— Девочки, дрыхнете вы, что ль? Дождетесь, напишу про вас в стенгазету!

Была бы Лена дурнушкой — подбородок тяжелый, губы крупные и рыхлые,— если бы не лучистые глаза.

Она передала мой заказ и закрыла лицо ладонями.

— Психическая я стала, чуть что—взвинчусь. Мама говорит: «Сутолока на нервы действует». А папа: «Не в том дело: заводского газу слишком много, самое главное — радиоактивность повысилась на земном шаре».

Помолчали.

— Тезку-то свою вспоминаешь?

— Все там будем.

Неужели начисто угасла в ее душе боль, вызванная смертью подруги? А ведь до того убивалась по ней весной, что стала худенькой и восково-желтой.

— Все там будем,— повторила она.

И я понял, что прошлогодние переживания постепенно привели ее к мысли, что за какой-то гранью времени страдание становится противоестественным.

Она, должно быть, спохватилась, что я могу заподозрить ее в черствости, и с вызовом посмотрела на меня: мол, как хочешь суди обо мне, а лгать я не намерена, поскольку презираю поддельные чувства.

В коммутаторе затарахтело.

— Переговорный номер два. А, Даня... Я ж обещала позвонить после работы. Соскучилась? Зачем? Потеха!

Трубка закачалась на крючке.

— Ты веришь в любовь? — внезапно спросила меня Лена.

— Обязательно.

— А я не верю. Витаминов нет, микробов нет, любви нет. Есть уважение и дружба. Витамины, микробы и любовь выдумали. Вот Даня, который сейчас звонил, думаешь, он влюбился? Просто он уважает меня. Увидел в компании и заувважал. Он с тридцать девятого года, монтажник. На гармошке играет — во! — показала большой палец.— Он играл, я пела. Я первым голосом, Люська Важенина—вторым. Пошли домой, он и предлагает: «Давай завтра в кино сходим». «Зачем? Я и одна схожу». «Вдвоем интересней. Впечатлениями поделимся». Я поспорила, поспорила и согласилась. Назавтра встретились. Я его сразу предупредила: «Под ручку не терплю ходить». Он к билетной кассе, я ему деньги. Он отказываться. Я настоя-

ла на своем. Не желаю должать. Он хотел эскимо купить, я запретила: «У меня больше нет денег. Папа с мамой, бывало, без копеечки оставались, и то в долг не залезали». Деньги у него все сотенные, целая пачка. Я прямо испугалась. После кино он меня еще пуще зауважал. Я раскритиковала картину «Марти». Ничего глубокого, там устраивает личную жизнь американский мясник. Я люблю про войну и чтоб люди боролись за Родину и себя не щадили.

Даня назначит свидание, я соберусь, соберусь и останусь дома. Мама говорит: «Вот дикая!» Боюсь я с ним встречаться. Недавно он сорвался с двадцати метров. Ничего не поломал, зашибся только. Сначала угодил на трос, потом — на доску, а напоследок — на мешки с цементом. Мать послала меня в больницу. Я зашла в палату, а там шестеро ребят. Сперва я не заметила его, а когда заметила, то меня почему-то смех разобрал. Я смеюсь, он и говорит (он весь забинтованный): «Не пара я тебе. Ты здоровая, задорная, а я вон какой». Я: «Тогда я уйду». Он: «Посиди. Не серчай». Сидеть неловко: ума не приложу, о чем с больными разговаривать. Ребята вышли в коридор, Даня и говорит: «Размечтался о тебе и не заметил, как упал. Верней, я упал, подумавши, что ты опять не придешь на свидание». Я посмеялась над его легкомыслием и вон из палаты. Правда, я и другой раз была в больнице. Потом решила повременить неделю. Позавчера звонит и расспрашивает, где я бываю. Я догадалась: он ревность проявляет — и распушила его во всю ивановскую. Ревность — пережиток капитализма, да? Ты не хохочи! Так учитель истории объяснял. Хоть его и прозвали Тигр Львович, он все равно самый умный.

Затем без перехода и всякого к тому повода начала рассказывать об отце.

Он работал машинистом крана, который таскает огненные стальные слитки. Год назад вышел на пенсию. От ничегонеделания пристрастился к вину. Испугался, что плохо кончит, накупил сетей, уехал на Аральское море. Привез оттуда копченой рыбы и трехлитровую банку зернистой икры. Кто ни попробует икру, тот в восторге. А на ее, Лены, вкус она еще противней баклажанной.

Отца звали обратно в цех, потому что несколько молодых машинистов ушли в армию, но он отказался. До его приезда машинист Крохалев, тоже пенсионер, вернулся в цех, и после первой же смены у него схватило сердце. Папа говорит, организм Крохалева выбился из ритма и потому не выдержал прежней нагрузки. Жарища в кабине — ведро газировки выдуешь за смену.

В будущем, по мнению Лены, для стариков отведут специальную планету с мягким климатом. Построят там не только санатории и лечебные спортзалы, но и заводы, где легко трудиться. Оформил пенсию, погрузился в ракету — и полетел. Прилетел — в учебно-курсовой комбинат. Выбрал специальность, какая понравилась, прослушал теорию — и на завод. Работаешь, пока тебе приятно, потом отдыхаешь. А если не умеешь отдыхать, то учишься отдыхать.

Снова тарахтение в коммутаторе. Звонит медицинская сестра. Ее грудной голос доносится до меня из трубки. Сестра укоряет девушку за то, что она расстраивает больного Данилу Викуловича Карагодина.

Лена округляет глаза, улыбается. А когда сестра зовет к телефону Даню, насупливает брови.

Бормотание Дани смягчает телефонистку, но через минуту она заявляет жестким тоном, что не может относиться к нему иначе: мало знает его.

Повесив трубку, она сидит растерянно и, едва появляется клиент в волчьей дохе и фетровых, натертых мелом бурках, оживляется, лукаво щурясь, принимает и передает заказ. Затем, как только посетитель выходит покурить, сообщает мне, что это коммерческий директор Букреев, деловой, добрый и свойский дяденька, но хвальбун.

На панели коммутатора вспыхивает лампочка.

— Челябинск,— громко зовет Лена.— Пройдите в третью кабину.

Бурки Букреева оглушающе скрипят. Он оставляет дверь кабины полуоткрытой. Говорит он с тещей, которую называет мамой.

Вскоре мне уже известно, что теща Букреева — заслуженная учительница республики, жена — ведущий конструктор тракторного завода, сын — без пяти минут кандидат экономических наук, а дочь — чемпион Олимпийских игр, проходивших в Австралии.

Иногда он выглядывает из кабины, должно быть, проверяет, как я реагирую на его слова.

Я прикидываюсь безразличным, хотя и приятно мне, что у человека такая прекрасная семья и что он, как ребенок, которому купили обнову, не умеет скрывать своей радости.

Напоследок он кричит теще:

— Многое я, верно, не расслышал: погода. Но это не беда. Понимаю тебя с одного звука.

Расплачиваясь, он просит телефонистку не отрывать талона: он не из тех командированных, кто прилагает к финансовому отчету фальшивые документы.

Он косится на меня, и девушка — наверно, для того, чтобы поднять его настроение,— говорит, что у них в квартале тоже есть очень образованные.

Он дарит Лене конфету «Мишка косолапый», пишет на листочке адрес и просит ее забежать в гости, если она будет в Челябинске. Дочь Букреева — ровесница Лены.

Прежде чем покинуть междугородную, он заявляет о своем восхищении новым поколением молодежи («Мы были менее развитыми и философски подкованными»), кладет за оконце другого «Мишку» и стискивает мой локоть.

Лена и я растроганно молчим.

Появляется лейтенант. Шинель его пахнет холодом; на прядке под козырьком иней; взгляд печальный.

Лена извещает лейтенанта, что ему повезло — еще час назад не было слышимости. Наверно, подул ветер.

Потом она спрашивает «девочек», почему до сих пор нет Москвы, и умоляет вызвать срочно Свердловск.

Я отхожу к широкому чистому окну, лишь возле рам обметанному волокнами изморози.

Булыжник накатан до стеклянного блеска. Наискосок от окна кладут правое крыло Горнометаллургического института. Прямо — пустырь, дальше — одноэтажный поселок, а еще дальше, на холме,— строящаяся телевизионная мачта, стаей рыжих долговязых птиц краны. А на горизонте белые, в извивах грифельных долин Уральские горы. И опять чудится: никогда не была так близка сердцу эта земля— либо я сильно соскучился о ней, либо с годами бережней, зорче воспринимаешь все то, чем живет она и что создается на ней.

Лейтенант, волнуясь и становясь угрюмей, бродит от кабин до стены, пышущей теплом парового отопления.

Лена тревожно привстает со стула, следит за офицером, потом подзывает его к оконцу. Она не может выбрать, куда поступать: в техникум связи или физкультурный,— и спрашивает совета. Лейтенант за техникум связи и объясняет почему.

Девушка поддакивает. Правильно, резонно, она склонялась к этому решению и теперь окончательно укрепляется в нем. После, не дав офицеру отойти от оконца, с места в карьер начинает рассказывать, как вчера была на примерке и напугала фурункулом на спине швею.

Фурункул наверняка был выдуман, зато лейтенант расправил плечи и широко зашагал к выходу.

Когда он вышел из помещения, так и не убедив свердловку Наташу приехать сюда (она твердила, что жизнь у них не получится: слишком он неуравновешен), Лена тотчас вызвала Наташу к телефону и долго доказывала, что у лейтенанта золотой характер и что нельзя не верить тем, кто в нас души не чает.

Лену прерывали, но она вскрикивала: «Девочки, тут судьба решается!»,— и ее не разъединили до тех пор, пока она не попросила сама.

Спрашивать, чем закончился разговор, я не стал. Определить это было нетрудно по глазам Лены. Они сверкали, жмурились, не могли скрыть изумления своей хозяйки тем, чего она достигла неожиданным вмешательством в чужую жизнь.

В коммутаторе щелкнуло, темный стеклянный ромб на двери кабины озарился изнутри. Мне дали Москву...

Когда я закрывал дверь переговорного пункта, то услышал жужжание телефонного диска. Я невольно остановился и услышал хрипловатый от волнения голос Лены:

— Позовите, пожалуйста, больного Карагодина, того, который упал с двадцати метров.

По мостовой, издавая бурлящий гул, приближались «ЯЗы». Эх, черт побери, не вовремя они!.. Машины проехали. Безмолвие. Неужели не захотели позвать парня?

И вот снова голос Лены, но теперь он чист, звенящ.

— Даня, я зауважала тебя!

Лязгнул металл о металл. Ну да, так и есть: повесила трубку, коза! И стоит сейчас монтажник Даня на другом конце города ошарашенно-счастливый, не понимающий, что произошло, а из наушника несутся короткие гудки.

В воздухе мерцают хлопья куржака. К полудню его, наверно, стряхнет со всех телефонных проводов страны, и слышимость снова будет превосходная.

Просто Иван

Не только теплом бредит человек зимой. Ему не хватает синевы неба: всюду свинцовость, белесость, серенькая голубизна. Хочется увидеть сосны в накипи свежей смолы, красный закатный туман, бег ветра по травам. Скорей бы услышать скрип коростеля, шлепанье пароходных плиц, буйство июльского грома. Кажется, отдал бы полжизни за то, чтобы вдруг исчезли стужа, метель и этот постылый мерзлый асфальт, и ты бы очутился на пыль-

ной, прокаленной солнцем дороге и увидел на лугу татарник, и кинулся к нему, и гладил цигейково-нежный верх его малиновой шапки, и притрагивался к колючему стеблю.

Не случайно бегает ребятня весной на холмики, очистившиеся от снега, и играет там до темноты. А ведь сыры и холодны холмики, ни одна букашка не проползет, и травы еще не проклюнулись, а те, что зеленели в прежние лета, буры и свалялись, как кошма.

Так почему же детвора собирается на талой земле, почему поглядывают на нее взрослые с завистью? Что столь властно завладевает ими, как назвать это?

Это зов земли. Он пробуждает в человеке предчувствие водополья, цветения, прозрастания, то есть всего того, с чем приходит свет, лазурь и радость.

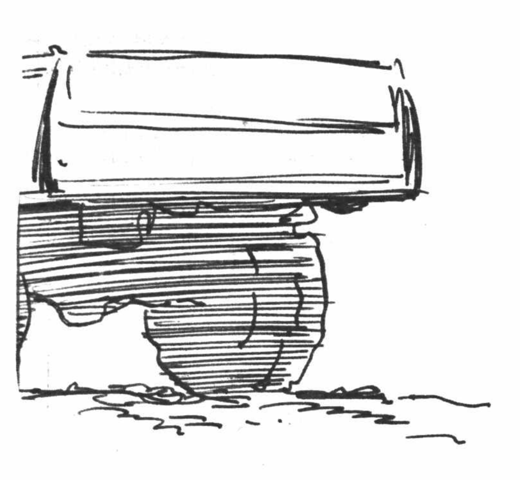
Последняя весна у нас на Магнитке запозднилась. В начале мая, когда лишь стало подсыхать, ударил ливень. Потом повалил снег. Он был мокрый, густой да так хлестко лепил, что заставлял людей пригибаться. А едва отбуранило — ударил мороз. Деревья будто оковало стеклом, сквозь лед были заметны листочки, сережки, острия почек.

Вскоре погода разгулялась: безоблачно, парит, не дохнет знобящей свежестью, пока не вызвездит.

Однако ведро держалось недолго. Засвистел сиверко, поплыли бугристые, дегтярные на подбое облака.

Еще с апреля меня тянуло на озеро Банное, но дороги туда были плохи. И когда опять пахнуло ненастьем, я затосковал и пошел к своему приятелю Николаю Бадьину, владельцу «Москвича», чтоб уговорить его поехать со мной. Мужик он рисковый, поэтому, невзирая на погоду, он согласился.

Николай взял с собой жену Катю. Сидели они рядом и пели почти без умолку. Оба голосистые, выводят высоко, серебряно. Если песня

веселая, их глаза то лукавы, то бесшабашны, если скорбная — темнеют или делаются смиренно-прозрачными, как после пережитой утраты.

Я видел Бадьиных в горе, нужде, оскорбленными, ненавистными друг другу, но они все осилили, поняли, сумели вовремя переломить себя, и любовь их крепче, и сердца куда щедрей и мягче.

Машина врезается в ветер, стелющий озимь, сгибающий ветки берез-одиночек. Оттого, что вокруг лихо свищет, оттого, что каменная теснота города позади и перед нами деревня Михайловка, над которой гордо кружит домашний гусь, а дальше прозрачный воздух низины и широкий проран в облаках, еще сильней захватывает Бадьиных песенный азарт. И вскоре я ловлю себя на том, что горланю всласть и даже в лад со своими спутниками.

Катя, разалевшаяся, подмигивает мне: дескать, молодец, сдвиг есть.

На Банное прикатили ночью. Автомобиль загнали во двор рыбака Терентия, который доводится Николаю троюродным дядей, пошли «поздороваться» с озером. Оно зыбилось, из-за черной темноты, черного неба и черных гор выглядело мазутным, тяжелым, ленивым. Сели молча на валуны. Студеная свежесть воды, хлюпанье зыби под мостками, осыпанными блестками чешуи, звон лодочной цепи, шорох сырой гальки — как мы соскучились об этом!

Вдалеке у подошвы горы оранжевели огни санатория, озеро ловило их и растягивало. Изредка на его поверхность падали отсветы зарниц, и тогда вода выступала из тьмы, цинково голубела.

Бухая сапогами, подошел Терентий. Потоптался и, вкрадчиво покашливая, сказал хрипло:

— Ну, шабаш! Посумерничали и ладно. Баба ужин спроворила.

Поднялись мы на рассвете. Серо, росно, зябко. Едва киль лодки прошуршал по отмели и я взялся за весла, как из междугорья потянуло холодком, а пока плыли к месту ужения, вздыбило волны.

Когда мы вставали, Терентий проворчал из горницы:

— Зазря мозоли набьете. Не будет браться рыба. Погодите солнышка — невод закинем.

И действительно, клева не было. Ни с чем возвратились мы в селеньице. Неводить я не захотел и зашагал по берегу, предварительно договорившись с Бадьиными встретиться у ворот санатория.

Со мной был спиннинг. Я безуспешно кидал блесну, но настроения не терял. Уже одно то, что здесь вольно и ты забываешь обо всем на свете, поддерживает чувство бодрости. А то, что перед забросом твои мышцы становятся упругими, как заведенная пружина, что ты поглощен мерцанием распускающейся жилки, всплеском, вызванным упавшей блесной, и с замиранием сердца вращаешь барабан катушки, рождает ощущение счастья.

Время уже перевалило за полдень, когда я пришел к воротам санатория. Бадьиных тут не было. Я повалился у вихрастой березы. От усталости гудели ноги. На душе было по-прежнему радостно. Я улыбался, уткнувшись носом в траву. Где-то высоко куковала кукушка.

Донеслось бурчание машины. Оно приближалось. Я поднял голову. Подъехал самосвал, прошипел тормозами, остановился. Из кабины высунулся шофер.

— Здорово, рыбак!

— Привет.

— Как щуки?

— Плавают.

Он распахнул дверцу и спрыгнул на дорогу.

— В таких случаях,— проговорил он,— отшучиваются: поймал два налима — один в ноздрю, другой мимо. Щука должна хватать, а не хватает. Местный плотник Александр Иваныч толкует: «Она отметала икру, малость покормилась и залегла. Ненастье».

Он опустился на траву, скрестил ноги; чтобы удобно было сидеть, подсунул задники ботинок под голени. Ботинки у него скособоченные, потрескавшиеся и сбиты на носах.

— Куришь гвоздики?

Он встряхнул пачку «Севера», оттуда высунулись мундштуками вперед папиросы.

Мы задымили. Он разглядывал меня, словно мы старые товарищи, только давно не встречались.

— Из города? — спросил шофер.

— Да.

— Где трудишься?

— На металлургическом комбинате.

— Комбинат велик.

— Дежурный монтер доменной подстанции. Устраивает?

— Вполне. То-то, смотрю, видел тебя. А я на самих домнах работал, машинистом вагон-весов. Теперь вот баранку кручу. Пионерский лагерь калибровочному заводу строим. Подъезд к нему аховый. Я шлак раздобыл в санатории и еду. Присыпем — порядочек!

— Домны-то что бросил? Кишка тонка?

— Трудиться на домнах, конечно, тяжеленько, особенно летом: пылюка, и агломератный чад, да еще и жарища. И все-таки нравились мне вагон-весы, ведь без них домна не домна. Грузят они шихту — есть что плавить, перестанут грузить — дело порохом запахнет. Нет, не бросал я домен!

Говорил он тягуче, но веселым тоном. Шаловливо сдувал с брови русую прядь, крупными ладонями хлопал по коленям.

Когда он промолвил последнее слово, его серые, в белесых и зеленых крапинках глаза озарились гневом. Он лег на бок, зорко наблюдая за тем, как ветер сборит гладь озера, и повернул ко мне лицо.

— Не поладил я с Думма-Шушариным — тогда он был помощником начальника цеха по шихте — ну и взял расчет. Я как устроился на загрузку после увольнения из армии, так у нас и пошло с ним наперекос. В смене моего учителя машиниста Сингизова такая кибернетика получилась: отказал затвор бункера, и завалили мы скиповую яму. Понятно, аврал, свистать всех наверх. Прибежал Думма-Шушарин и давай гонять Сингизова. Юсуп Имаевич, он мужик семейный, смирный, помалкивает. А я выскочил: «Чего шумите, Борис Лаврентьевич? Мы ведь не нарочно. Горлохватством сейчас не поможешь. Лучше людей подбросьте для очистки ямы». Он на мое замечание ноль внимания. С тех пор и начал придираться. Прицепится к какой-нибудь мелочи и драит и драит. Если возразишь, как закричит: «Накажу!» Несколько раз премиальных лишал. Разве так можно? В работе без неполадок не бывает. Допустил я промашку — ты разъясни по-хорошему. А зачем же рублем бить, да еще за пустяки? До такой степени я осерчал, что сердце при нем, как угорелое, колотилось. Чую, беды наделаю. Написал заявление с просьбой уволить. Начальник цеха не подписывает. Через две недели, конечно, рассчитали, согласно закону. Недавно встретил Думма-Шушарина. Он обрадовался, руку мою трясет. И я почему-то обрадовался. Зла, что ли, не умею помнить? Или уж такой мы простецкий народ: чуть приветь — растаем. Пивка на углу выпили. Он про себя рассказывать, я — про себя. Он теперь на другой должности. Говорит, сам пожелал. А по-моему, турнули его оттуда. Был на загрузке несчастный случай: разнорабочего скиповой тележкой придавило. Наверно, за это. Ну, в общем, за все. Я, правда, потом каялся, что откровенничал с Думма-Шушариным...— Он лукаво покосился и сказал: — Кибернетика? А?

Он встал. Отблески никелевой ряби, набегавшей на палый тростник, прядали на березе. Они ослепили шофера. Он зажмурился и стоял, улыбаясь, а зайчики, отражавшие игру воды и колебания солнечных лучей, липли к его лицу и запятнанному бензином пиджаку.

Он присел на корточки и снова очутился в тени.

— Слушай, друг, ты случайно не знаешь кого-нибудь из подсобного хозяйства санатория?

— Нет.

— Худо. Тут вот за холмом рассыпался у «Москвича» диск сцепления. На подсобном есть «Москвич». Подумал, может, у твоих знакомых. Съезжу-ка я, пожалуй, на подсобное. Плотника Александра Иваныча на помощь призову.

Когда бряканье цепей о кузов самосвала затерялось в лесу санатория, лишь тогда я спохватился, что не спросил, какой он, тот «Москвич», терпящий бедствие. Неужели бадьинский? Веселенькая история: Николаю и мне нужно в ночь на работу!

С макушки холма, похожего на полушарие, я заметил внизу, близ колка, Николая и Катю, грустно сидящих подле машины.

Я медленно спускался по черной дороге, думая, что предпринять, если нам не посчастливится достать диск сцепления. Я сманил Бадьиных сюда и, само собой разумеется, обязан сторожить автомобиль, а Николай уедет в город на попутном грузовике. Оставить Катю одну-одинешеньку в горах было бы непростительно.

Раньше, попадая в передрягу, я испытывал этакий удалой задор: положеньице сложное, да я не из тех, кто не сумеет вывернуться. Сейчас я приуныл. Никогда не опаздывал на

работу даже на минуту, а тут вдруг совершу прогул. Возникло ощущение, как будто я накануне долгой разлуки с подстанцией. И невольно я представил трансформаторы под дождем, синее трескучее свечение, летающее вокруг штырей многоюбочных изоляторов (это явление называется коронированием, оно иногда вызывает короткое замыкание, но я, грешным делом, люблю его за красоту), представил медногубые автоматы постоянного тока, литой — так он плотен — гул моторгенераторов, густой воздух аккумуляторной, уставленной банками тяжелого зеленого стекла.

Николай слегка развеял мою подавленность. Он собирался, если шофер самосвала не привезет диска, добраться пешком до дяди Терентия и сгонять на его мотоцикле в город. Обернуться он сумеет часа за два.

Шофер приехал сердитым. Он ходил с Александром Ивановичем к некоему Лаптову, у которого есть «Москвич». Он так и сказал «некоему» и сплюнул. Лаптов был откровенен: «Да, я имею запасной диск сцепления и расставаться с ним не собираюсь». Обещание, что диск будет возвращен, Лаптов встретил вздохом восхищения. Затем, частя, окая и тормозя голос на ударениях, пропел: «Доверчивость украшает одиночек, которые не потеряли надежду выскочить замуж». Шофер Лаптова за грудки, тот — его. «Боевой, оказывается, жмот. Остраcткой не испугаешь!»

Быть бы наверняка потасовке, кабы не разнял их невозмутимый добряк Александр Иванович.

Он похорошел от негодования, этот молодой шофер, запорошенный бурой угольной золой. Серые глаза взялись синью, шелушащиеся щеки сделались помидорно-красными.

Он с минуту скреб затылок. Должно быть, жалел, что все получилось не так, как нужно, и прикидывал, как бы все-таки выручить нас.

— Слыхал я, братья-славяне, что на тракторе-колеснике такой же диск, как на «Москвиче». В лагере работает колесник, да на ваше горе угнали его утром за кирпичом и вернется он завтра.

Тучи над озером осветила молния. Немного погодя из края в край прокатился гром.

Шофер вскинул широкий, увесистый кулак. Над нами, словно в ответ на его угрозу, блеснуло, а вскоре загрохотало.

Нарочитый испуг, уморительно скорченная долговязая фигура и заливистый смех шофера развеселили нас.

Он заметил, что Катя восхищенно смотрит на него. Чтобы еще потешить эту приятную женщину, он пошутил, подняв глаза к небу:

— Ай-яй-яй, товарищ Гром, нехорошо заводиться с пол-оборота! По своим бьешь. Я бы советовал тебе шарахнуть изо всех калибров по прожженному частнику Лаптову.

Шофер согласился «подкинуть» Николая до двора дяди Терентия. Едва они уехали, разбушевалась гроза. От вспышек молний, распадающихся над горами цветными ожерельями, у Кати начало пестрить в глазах. У меня от звеняще-тугого лопанья грома заложило уши.

Хотя ливень был скоротечным, по склонам долго еще бежали ручьи, и казались они на солнце ясными, как расплавленный свинец.

Катя решила вздремнуть: дождь, наверно, накрыл всю округу, дороги развезло, поэтому надо накопить сил, чтобы толкать машину, если застрянем. Я понял: это отговорка. Кате хочется забыться: слишком уж остро переживает за нас с Николаем. Она сама рабочий человек — оператор блюминга — и, не находись в отпуске, уехала бы с мужем на «козле», лишь бы вовремя принять смену.

Я отправился к роднику.

Есть в природе врачующее очарование. Послушаешь шелковистый шелест тростников, искупаешься в парной послезакатной воде, упадешь на копешку сена лицом к звездам и постепенно как бы унесешься туда, в серебристую млечность, и отмякнет душа, если очерствела, и легче дышать, если давила боль разлуки, и вновь откроется взгляду заветная цель, если тяготы пути затянули глаза пеленой безнадежности.

Вдоль родника тянулся осинник. Тоненькие стволики, матовая зелень и приятная горьковатость коры, избела-голубоватый подбой листьев... Мягко белеют из травы ландыши. Медно желтеют над прогалинами и полянами бубенцы купальниц.

Я приободрился, начал верить, что успею на работу.

Я брел по направлению к озеру и повстречал на тропинке давешнего шофера. Он нес на плече тальниковое удилище; в петлице пиджака — ветка черемухи.

— Ершей хочу надергать на уху. Возле купальни их целое стадо.

Купальня была поблизости. Я пошел с шофером.

— Ваш товарищ уже к городу подъезжает. Мы крылья с мотоцикла сняли. Теперь он чихал на грязь, жмет на всю железку.

Ершей у мостков не счесть, но они, как только червь, надетый на крючок, касался дна, сердито отворачивались и снова недвижно лежали.

Шофер чертыхался, обругал ершей капиталистами и положил удилище на перила. Потом достал папиросу и, разминая ее, протянул руку в сторону залива, поросшего камышом.

— Видишь, ветла вон стоит? Крона наподобие шара?

— Вижу.

— Так вот... Вечером в День Победы строители лагеря соорудили складчину. Я, конечно, тоже пришвартовался. Выпили. Фронтовики про войну рассказывать. И засиделись мы до часу ночи. Все мигом уснули, я не мог. Убитых братьев вспомнил, о международном положении думал. Трудно как-то стало... Вышел на крылечко. Ночь темнущая, холодно, мокрядь, горы кое-где в снегу. И дергачи примолкли. Гляжу, вон ту ветлу каким-то светом ополаскивает. Присмотрелся. Огонь костерка сквозь кусты проблескивает. В такое ненастье и кто-то не в жилье ночует?! Некуда, наверно, деться? Может, местность не знают? Дайка позову в лагерь. Найдется здесь, где прикорнуть. Надел ватник, резиновые сапоги. Не так далеко туда, километра полтора, а намаялся. Там калужина, там топко, там вода с гор. Обходил, обходил, наконец добрался. Пацаненок брючишки сушит. Сам дрожит, зуб на зуб не попадает. Спрашиваю: «Какими, бедолага, судьбами занесло тебя сюда?» Он как заревет! Прямо сердце во мне перевернул. Успокоил я его, закутал в ватник, понес. Мальчонке лет двенадцать, легкий — пушинка и пушинка. Оказался нашим, магнитогорским, Алеша Климентьев. Отец уехал на две недели в командировку опытом обмениваться — он сварщик нагревательных колодцев. Оставил сыну денег. Мать у Алешки неродная, вреднущая — родная-то умерла. Уехал отец, мачеха шпынять Алешку, он и надумал сбежать из дому, верней, скоротать где-нибудь время до приезда отца. Взял рюкзак, географическую карту, компас, накупил продуктов и подался на Белорецк. Да не по дорогам — прямиком: боялся, милиция задержит. В Уральских горах его захватил буран. Хорошо еще, наткнулся на лесную избушку, а то бы ему крышка. Там и отсиживался. А наладилась погода — обратно повернул. Когда я его нашел, он уже третий день не ел. Кашляет, губы в болячках, ноги распухли...

Шофер взял в руку удилище и спрыгнул с перил, потому что ветер принялся дробить стекловидный покров озера. В рябь и особенно в волны местный привередливый ерш клюет охотно. Но поспешил шофер: разводье перед купальней не то что не взморщилось, не всколебнулось даже: его заслоняла рогозовая чаща.

— В общем, за несколько дней он оклемался. С мальчишки хвороба, что с гуся вода: встряхнулся — и все. Я отвез его к себе домой. Он отстал малость от одноклассников, и я договорился, чтоб его подтянули. С нового учебного года будет жить в интернате. Между прочим, я беседовал с самим Климентьевым. Мозговитый дядька, трудовой, правда, слабохарактерный и полностью под каблуком у жены. Он так это легонько было намекнул: не следовало, мол, шумиху разводить и насчет интерната затевать затею. Меня, конечно, взорвало. Я и протер его с кирпичом: не медяшка, а блестеть будет. А чего? Обижается еще! Не может создать сыну нормальных условий — государство создаст.

Он задумался, откусил заусеницу на большом пальце, сплюнул. Выражение глаз переменилось: было обжигающе-суровым, стало восторженным.

— Я не из робкого десятка. Не прими за бахвальство. А, пожалуй, не рискнул бы в одиночку путешествовать по горам. Жутковато. Молодец пацанище! Крупный человек из него получится.

Шофер склонился над водой, разглядывая табун неподвижных ершей. По тому, как он поскреб затылок, нельзя было не понять, что он вдохновился каким-то важным рыболовным соображением. Так и есть. Чуть вздергивает удилище. Насадка «играет» на дне, каменистом и мрачном, будто зыбь покачивает поплавок. Лобастый ерш шустро засуетился вокруг червяка. Наскок, подсечка — и ерш, растопырив гребень и жабры, бестрепетно висит на крючке.

Ловко! Смекалист, чертяка! Улыбка до ушей, блеск крупных, прихваченных никотином резцов, вороночки на скулах... От всего этого лицо шофера грубовато, мило, забавно. И невольно, глядя на него, утверждаешься в предположении, что он сердечен, щедр, простодушен.

Солнце зашло за тучу, лежавшую над горами. Туча набухла киноварью, светлую кайму ее очертания поглотил радужный кант. Березы и лиственницы на вершинах точно обуглились — стали черным-черны, дымка долин полиловела, ручьи и россыпь капель замерцали синевой.

До этого момента озеро расплывчато отражало горы, а тут вдруг повторило их до того четко да красочно, что мы с шофером переглянулись, изумленные.

— Сынишку бы сюда,—мечтательно сказал он. — Воздух-то, воздух — прямо мед! Потеплеет — привезу. Он еще совсем малыш. Грудь сосет.

Он выдернул нового ерша, надевая его на кукан, спросил:

— Бывает, что дети рождаются семи месяцев?

— Изредка.

— Ну вот! Я доказываю это матери, а она мне уши пальцами загибает, дескать, лопух ты, лопух. Лопух? Не видит, что ль, Никитка такой же широконосый, как я.

— Жену-то спрашивал?..

— Понимаешь, какая кибернетика... За два месяца до нашего знакомства она ездила в отпуск и повстречала лейтенанта. Он обещал жениться, когда обхаживал ее. В общем, она говорит — от меня. От того или от меня — не суть важно. Люблю ее? Люблю. Она любит? Любит. Отцовское у меня чувство к Никитке? Очень даже! А что он широконосый, как я, тоже факт. Наполеон, пишут, шести месяцев родился. Почему мой сын не мог родиться семи?

— Вот именно.

Потучневший ветер взрябил разводье. Ерши начали давно клевать.

Шофер остался в купальне. Я пошел вверх по косогору.

Близ родниковой мочаги, поросшей ситнягом, осокой и аиром, я уловил сквозь шелест осиновых листочков стрекот мотоцикла.

Обляпанный грязью, Николай приткнул «козла» к задку своей легковушки, победоносно потряс диском сцепления.

Катя предложила мужу перекусить, но он отмахнулся, деловой, довольный, гордый.

Она полезла в багажник за клеенкой для подстилки, но Николай с озорным недоумением выпятил губу. Когда она достала клеенку, ноги его уже торчали из-под автомобиля.

Он выполз наружу посиневший, обескураженный.

— Крутил, вертел — не вставляется. В прошлом году запросто ведь разобрал и собрал коробку скоростей... Всегда так: раз не повезло, значит, на каждом шагу будет, хоть тресни, дополнительная загвоздка.

— Не паникуй. Из кабины попробуй вставить,— жестко сказала Катя.

В кабину я забрался вместе с Николаем, помогал ему, но безуспешно. Потом мы оба елозили под машиной, продрогли, однако диска не установили.

Пытаясь согреться, Николай прыгал, бил локтями по бокам. Тем временем Катя корми-

С. Мурадян. ВЕСНА В ГОРАХ.

На обороте вкладки: **М. Абегян.** СБОР ПЕРСИКОВ.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ АРМЕНИИ

Г. Ханджян.
СТРОИТЕЛИ ЕРЕВАНА.
ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ.

М. Сарьян. ЦВЕТЫ ГОР.

ла его. То и дело слышался треск колбасной шкурки. Колбаса была копченая, неочищенная, он не кусал ее — рвал.

— Не хочу я есть, отстань! — внезапно вспылил Николай и, оттолкнув жену, опять нырнул под машину.

Пролежал он там недолго, бранясь, выполз обратно.

Катя накинула на мужа клеенку, погладила по волосам, сказала, чтоб он не нервничал и спокойно подумал, как собрать коробку скоростей.

Над горами, тускло серебрясь, сгущались сумерки. Напор ветра ослаб. Промозглый воздух похолодел. И странно было слышать в вечернем покое раскатистое воркованье витютня, звучавшее где-то среди гольцов, иссиня-черных на фоне нежной зелени небосклона.

Когда Николай и я снова собрались лезть под машину, из колка показался человек. Это был он, шофер самосвала.

— Что, братишки, все загораете?

— Диск не вставляется.

Он положил на обочину удилище и кукан, молча забрался под автомобиль.

— Неправда, сейчас встремим. Люди мировые проблемы решают... Так... Надо снять подпятник... Снимем и встремим.

— Верно. Уголек всему виной. Как это мне не стукнуло в голову!

— Ракету на Луну забросили, да чтоб не встремить...

— Вошел, дьявол! А я бился попусту и уж в панику бросился.

— Паника — штука хорошая только в рядах противника. Ты здесь привинчивай. Я карданный вал укреплю.

Я поддерживал карданный вал, шофер закручивал гайки. Затянув последнюю гайку, он весело крикнул:

— Накажу!

Вероятно, вспомнил наш дневной разговор.

Он вымыл руки бензином и вытер ветошью. Катя заметила на его рубашке свежие масляные пятна, виновато заохала. Он успокоил ее: не беда, запросто сведет их химпастой.

Николай стыдливо предложил ему пятьдесят рублей. Он поморщился, сиплым от возмущения голосом сказал:

— У меня, парень, рука чугунная. Съезжу по загривку — с подставок слетишь.

Мотоцикл повел Николай. Катя села за руль «Москвича».

Мы хотели довезти шофера до пионерского лагеря, но он потребовал остановить машину на развилке: ему идти около километра, а нам нужно спешить, а то опоздаем на работу.

— Как ваша фамилия, имя? — спросил я.

— Просто Иван.

Он захлопнул дверцу, зашагал в темноту, помахивая удилищем.

Дорогой я думал об Иване и вообще о людях. И с тех пор неотступно мною владеет мысль, что из всех побуждений человека самым сильным, постоянным и неистребимым является зов к добру, доблести, красоте и бескорыстию.

В адрес: Москва, «Огонек»

А козы газет не читают...

В редакцию пришло письмо из поселка Чурубай-Нура, Казахской ССР. Написали его школьники Вова и Таня Новиковы, Нелля и Надя Шакировы, Оля Гирш и Света Белая. Что же их взволновало?

«Наш поселок Чурубай-Нура,— говорится в письме,— строится и благоустраивается. У нас две школы — десятилетка и семилетка, поселковый клуб, при школе Дворец пионеров. А самая большая наша гордость — это Дворец культуры горняков. Много в нем секций и кружков, там очень интересно. Вокруг дворца большая площадь. Эту площадь мы называем стадионом, но многие называют парком. На стадион еще похоже, а на парк нисколько. Мы, дети, очень любим там гулять, и взрослых туда тянет. Но гулять приходится рядом с коровами и козами. Сажали мы там деревья всей школой. Как только деревья начинают зеленеть, козы и коровы съедают всю зелень. Даже больно смотреть на это. Много раз мы их пытались выгонять, но из этого ничего не вышло. Писали в местную газету, и была статья, чтобы берегли зелень, но козы эту статью не читали и продолжают пастись на стадионе. И удивительно, что председатель поссовета несколько раз в день проходит мимо и не обращает внимания. Очень просим, посоветуйте, как нам сделать наш поселок зеленым».

Письмо ребят редакция послала в поселковый Совет и попросила принять необходимые меры. И вот пришел ответ. Председатель исполкома поссовета К. Актанов сообщает, что «факты, изложенные в жалобе, имели место». Что же сделал поссовет, чтобы защитить зеленые насаждения? Судя по ответу, очень мало или ничего. Правда, в ответе сказано о том, что до 1 октября должна быть «отремонтирована и сдана в эксплуатацию» (!) ограда парка, что осенью предполагается озеленить эту территорию, то есть создать наконец парк!

Нас сразу же смутило то, что ответ в редакцию написан К. Актановым 1 октября. Выполнено ли решение поссовета об ограде? Ведь она должна быть уже «в эксплуатации». Видимо, нет. К. Актанов сообщает только о решении и умалчивает о том, выполнено ли оно.

А как с озеленением?

Деревья, пожалуй, посажены, ибо уход за зелеными насаждениями возглавила школа № 19. Там проведены сборы на тему «Сделаем наш поселок зеленым». Это та самая школа, откуда пришло письмо от Вовы, Тани, Нелли, Нади, Оли и Светы.

Думается, что они и их сверстники со всем жаром юных сердец взялись за хорошее дело. А если поссовет не выполнил своего обещания, напишут нам еще раз. Это важное дело — сделать поселок зеленым!

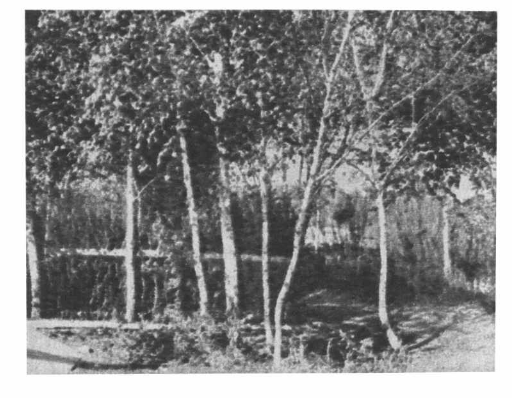

ЗДЕСЬ БЫВАЛ ЛЕРМОНТОВ

В статье «Подмененные пистолеты», напечатанной в «Огоньке» № 31, описаны обстоятельства дуэли М. Ю. Лермонтова с Мартыновым. 15 июля 1841 года, около 5 часов вечера, Михаил Юрьевич выехал на эту трагическую дуэль у подошвы Машука из дома, который вы видите на этом снимке. Находится он в поселке Иноземцево, на проспекте Свободы, 16, в бывшей немецкой колонии, или «колонке», упоминаемой Лермонтовым в «Княжне Мэри». Здесь, на дороге из Железноводска в Пятигорск, у колониста Рошке помещался ресторанчик, в котором неоднократно бывал Лермонтов со своими товарищами.

К сожалению, на этом доме до сих пор нет мемориальной доски. Следовало бы это сделать без промедления и взять дом на учет, как памятник.

Л. БОБОРЫКИН
Фото автора.

БЕРЕЗКИ В СТЕПИ

В Сальских степях за последние годы появилось много лесных насаждений. Но береза, дерево средней и северной полосы России, встречается очень редко, разве только в городских парках, как декоративное растение. Мое внимание привлекла группа березок на центральной усадьбе Зерноградского плодопитомнического совхоза. Чувствуют себя эти северянки среди южных акаций и кленов так же привольно, как и в Подмосковье. Снимок сделан в середине октября. На севере листья у берез, наверное, уже опали, а у нас они еще прочно держатся на ветвях.

Н. ПЛЕВАКО

Ростов-на-Дону.

Пропавшая форель

Знаменитая гатчинская форель являлась в дореволюционное время обязательным украшением праздничного стола аристократии. Не о ней ли говорит Фамусов в «Горе от ума»: «Во вторник зван я на форели».

Сейчас мы не услышим об этой рыбе. Почему?

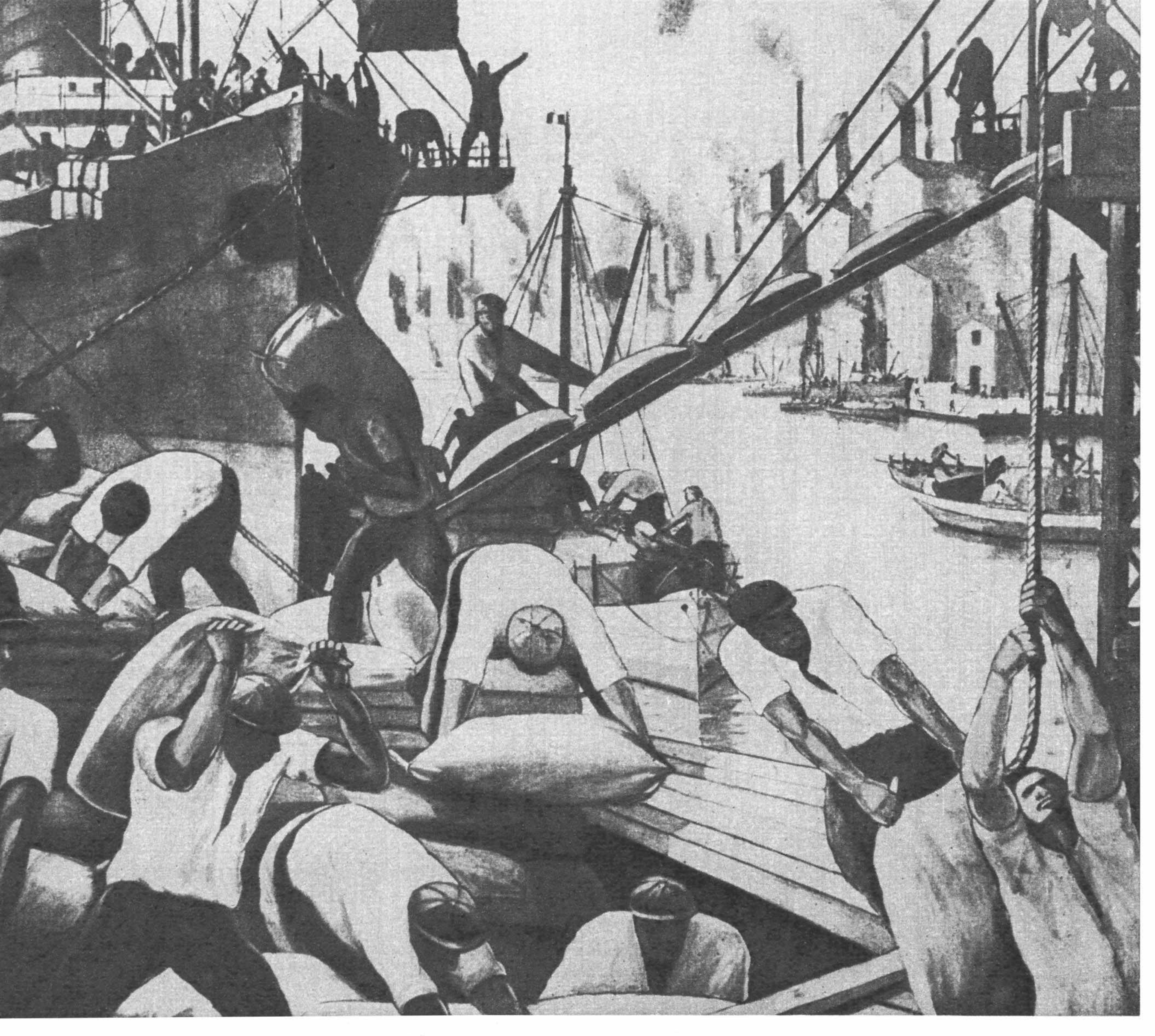
Гатчинские озера, речки и протоки с их зеркально-чистой водой когда-то буквально кишели рыбой: форелями, язями, карпами, лещами, окунями, щуками. Даже в маленьких полузаброшенных прудах возле огородов — и там на илистом дне были полчища карасей. Мы, мальчишки, ловили их простыми решетами. А в наши дни? О «карасях в сметане» мы знаем только по рассказу Антона Павловича Чехова! Это блюдо вычеркнуто из меню даже самых лучших ресторанов Ленинграда и Москвы.

Сейчас все эти богатейшие и живописнейшие водоемы Гатчинского района — озера Белое, Серебряное, Черное, Филькино и другие — мертвы. В реках, окружающих Гатчину, не найдешь не только форели, но даже простой уклейки или пескаря.

Нам скажут, что район Гатчины подвергался нашествию оккупантов. Все это так, но ведь со времени изгнания гитлеровцев из Гатчины прошло 16 лет, а рыбные богатства гатчинских водоемов не восстановлены.

Эту проблему никак не могут разрешить вот уже в течение десятка лет исполкомы — Гатчинский и Ленинградский. Нам, гатчинским старожилам, такое пренебрежение к богатейшим возможностям использования замечательных водоемов совершенно непонятно.

Ф. ГРОШИКОВ

На панно, украшающих школу, запечатлены трудовые будни ла Бока.

Итак, Бенито Кинкела Мартин — филантроп. Он пожертвовал деньги, он, будучи уже знаменитостью с мировым именем, отказался от многих выгодных заказов в Америке и Европе и посвятил свою жизнь школе рабочей окраины. Он сам разукрасил ее стены, в каждом классе над доской написал большое панно. Его видят все дети, сидящие на партах.

И тут начинается самое близкое нам и самое главное. На панно, созданных щедрой кистью — а лучше сказать, щедрым сердцем Бенито Кинкела Мартина, — запечатлены трудовые будни ла Бока. Великаны-грузчики носят в корзинах уголь с корабля на берег, где победно дымят трубы заводов. Возвращаются с лова бородатые и молодые рыбаки. Одни, счастливые, высоко поднимают крупные рыбины, другие ловко крепят лодки к причалу. Шьют паруса на берегу — в эту гору материи скоро ударит ветер. Грузят зерно и апельсины — неистощимые дары родной земли, и женщины улыбаются им. Борются с наводнением, и улицы ла Бока похожи на улицы Венеции. Спускаются в водолазных масках на морское дно. И гуляют в яркий день карнавала.

Мысль Кинкела проста: любите труд! Пусть с малых лет дети поймут, что только труд украшает жизнь человека.

Школьники ла Бока встречают в картинах Кинкела знакомые лица и могут воскликнуть: да ведь это рыбак Ромуальдо Беникас или старый лодочник Хосе Молина! Они узнают знакомые уголки ла Бока и названия кораблей.

Но и рыбак и лодочник другие—возвеличенные красотой тру-

ГЛАЗА ДОБРОГО ЧЕЛОВЕКА

Из аргентинских заметок

Дм. ХОЛЕНДРО

1

Как-то, гуляя по утреннему Буэнос-Айресу, далеко от праздничного и сверкающего центра, в районе старого порта, мы наткнулись на улицу, которая показалась нам подготовленной для киносъемки. Слева и справа стояли темно-красные, оранжевые, лимонные, голубые дома... Невысокие — в два и три этажа; и каждый этаж окрашен по-своему. И скамейки у домов разноцветные, и калитки в каменных заборах. Даже перила у причудливых внешних лестниц, как бы прилипших к домам, и те разного цвета!

А кусты! Что за удивительные кусты! Они трепетали на ветру неестественной — свекольного тона или пестрой, прозрачно-зеленой с желтыми брызгами — листвой. И листву раскрасили? Нет, такой кустарник можно встретить и на склонах гор. Он живой...

Одним концом фантастическая улица уходила в серую гущу города, другим выбегала на набережную, которая круто обрывалась в воды Рио де Ла Платы — реки широкой, как море, и желтой, как все степные реки.

Глядя вдоль улицы, я подумал, что ее можно было бы назвать Радугой. Но она ласково называлась Каминито — по-русски «Улочка».

Вспыхнуло солнце. Показалось, сейчас появятся операторы и начнут снимать какую-то сказку, содержания которой мы еще не знаем...

Но вместо кинооператоров по улочке шли мужчины в потертых куртках, разговаривали, курили. Это были портовые грузчики, механики с буксиров, рыбаки. Прачки несли белье в корзинах. Горбатый продавец сластей катил свою тележку, звонил в колокольчик и кричал до смешного тонким голосом:

— Почёкло, почёкло!

Он предлагал кукурузные хлопья в сахаре.

По лестницам бегали дети.

Улочка жила, как обычно. Мы спросили прохожих, почему она такая необыкновенная, эта Каминито? И услышали, что местные жители, портовики этого рабочего района ла Бока, сами раскрасили ее в знак любви и уважения к художнику Бенито Кинкела Мартину, который поселился здесь.

Нам посоветовали заглянуть в школу-музей Бенито Кинкела Мартина, потому что интересней посмотреть самим, чем слушать рассказ.

Мы вошли в четырехэтажное здание и попали в мир красок, беспощадно изгнавших из своей среды только один цвет — черный. В каждый школьный класс вели разноцветные двери. Внутри класса с разноцветными стенами весело стояли друг за дружкой желтые, зеленые, сиреневые, лиловые парты... Даже доски были синего или вишневого, а не черного цвета.

Пианино в комнате отдыха было как будто сложено из разноцветных кусков, как детская пирамидка.

Причуда? Нет.

Художник Бенито Кинкела Мартин сказал нам:

— Дети должны расти в радостной цветовой гамме.

Не причуду, а любовь художника к детям — вот что запечатлела в своем облике школа, которую он построил и вот уже четверть века содержит на собственные средства.

да. Человек в картинах Бенито Кинкела Мартина сказочно могуч. И особенно могучи его всепобеждающие руки. Бугры мышц играют под темной кожей.

Может быть, школа в ла Бока — это студия живописи? Нет, хотя на третьем этаже, над классами, создан прекрасный музей из картин, подаренных школе аргентинскими художниками. Этот музей, возможно, лучший в стране. Он глубоко национален и патриотичен.

Однако школа Бенито Кинкела Мартина — обычная общеобразовательная школа. Дневная и вечерняя. Для детей трудящихся порта.

— У вас есть дети? — спросил я художника.

— Десять тысяч, — ответил он.

Утром по улицам аргентинской столицы идут ученики в белых халатиках, с большими синими бантами на груди, со смирением на лицах. Они идут в католические школы. Церковь прочно держит в своих руках дело образования, власть над детской фантазией, детской мечтой, над духовной жизнью подрастающего поколения.

И только одна школа — в ла Бока — откровенно, как взрыв, нарушила чинную церемонию католи-

ческого просвещения и сказала прямо: бог на земле есть труд!

И все же чувство удивления и восхищения, которое мы испытываем, пока ходим по этой школе, сопровождается каким-то гнетущим ощущением — ощущением чего-то поначалу неясного... Вот чего! Эта школа одна-единственная, как достопримечательность...

Она не стала примером, которому начали бы подражать, хотя многие хорошие люди всячески старались поддержать художника и привлечь внимание к школе. Его друг композитор Хуан Филиберто даже написал специальное танго и назвал его «Каминито». Оно было популярным некоторое время... Но, конечно, не увеличило популярности школы.

Вот почему я назвал Кинкела Мартина филантропом, хотя точнее назвать его подвижником.

Художник — высокий, худой старик с длинным лицом. Костистый нос и глубокие глаза... До чего же они приветливые, до чего застенчивые и добрые! А тонкие руки его перетянуты синими жилами, как у портового грузчика.

Человек, проживший жизнь, как он, должен быть счастлив. Я сказал ему об этом.

Он тихо улыбнулся:

— Да.

Но почему такая тяжелая грусть в его добрых глазах, почему?

Он знает то, о чем и я не могу не сказать.

У вод той же реки, в которую глядится школа, на острове Масиэль, я видел сотни детей, никогда не переступавших порога класса...

Я видел фильмы, снятые молодыми режиссерами-студентами, о нищих детях, о бездомных детях. Им школа и не снится — даже с черными партами и черными досками, не говоря о такой, как в ла Бока!

У этой школы уже есть свое прошлое. А будущее?

Художник позаботился о нем. Как мог... Еще в дарственном письме он просил Национальный совет просвещения, чтобы впоследствии судьба школы была вручена другому художнику, избранному по конкурсу. В этом весь Кинкела — со своим благородным порывом и надеждой. Но ведь жизненный путь любой художник избирает для себя сам, а не по конкурсу. Если у школы все же найдется покровитель, будет ли он так же беспредельно щедр?

И если да, если он будет даже не один, школа останется одной, останется одинокой, как и до сих пор.

Только народ способен быть хозяином своих достижений, но для этого он должен быть хозяином своей страны, плодов своего труда. А этого нет в Аргентине.

И когда с непроходящей грустью смотрели вокруг глаза старого художника, мне показалось, он тихо говорил:

— Я понимаю, что бросил щепку в океан.

Кинкела должен быть национальной гордостью страны, а его не все знают даже в городе. Его имя известно менее, чем имя какого-нибудь знаменитого футболиста или автомобильного гонщика, о которых пишут в газетах и снимают фильмы. Но ведь художник и не искал популярности. Зато он нашел любовь тех, кому подарил сердце,— там, на Каминито.

2

Молодой кинооператор Рикардо не стал снимать фильма о знаменитостях. Он взял портативную кинокамеру и отправился на юг своей обширной страны, туда, где кончается пампа — степь с травой выше головы, туда, где скалы, нависая над морем, обледеневают и переходят в глыбы чистого льда.

Аргентина лежит ниже экватора, и там чем южнее, тем холоднее. Наверху, на севере, в тропиках, скачут по ветвям обезьяны и зеленые попугаи летают над каменными башнями старых соборов, как голуби. А на крайнем юге в ледяной океан уходят на опасный промысел молчаливые рыбаки.

Рикардо снял этот край. Он показал строгую красоту суровой природы. Он показал, как величава холодная черта между горами и океаном. Он показал, как богато платит за труд и эта земля. Снятые им места и люди завоевали симпатии зрителей. Его короткометражный фильм вышел на широкий экран, принес ему известность и премию. Более того, его имя стало как бы пропуском для выхода к публике с новыми лентами. А это не пустяк!

В Аргентине сильный отряд молодых создателей короткометражных фильмов. Они не документалисты, хотя их сюжеты обычно документальны. Но они не хроникеры. Они хотят быстро схватывать жизнь и показывать людям эти моментальные снимки, равные подчас крепким, коротким ударам.

Работа молодых кинематографистов — активное вмешательство в жизнь, как правило, несущее в себе критическое начало вместе с непривычной для обывателя поэтизацией чего-то нового. Они разоблачители и первооткрыватели.

Их маленьким фильмам нелегко пробиться на большой экран. Этому мешают их бедность и отсутствие какой бы то ни было поддержки со стороны кинопромышленников, закоснелые порядки в киноассоциации, которая пренебрежительно смотрит на молодых рыцарей и которую они не могут взять, как хорошую крепость. Наконец, владельцы кинозалов тоже против них и каждый раз уверяют, что народ не будет смотреть «этого», так как любит якобы только веселые музыкальные фильмы.

Но народ с удовольствием смотрел короткую картину Рикардо о юге Аргентины, и даже владельцы крупных столичных кинотеатров обратили на него внимание.

От него ждали... Вероятно, ждали, что он поедет в другой конец страны и снова покажет что-либо возвышающее ее, красивое и мужественное...

Рикардо снял фильм о столичном стадионе. Как много народа вмещает в себя эта гигантская чаша! А люди все идут... Сколько рук! Руки выдают билеты, и руки берут билеты, руки платят деньги за бутерброды, мороженое, конфеты, руки вздымаются вверх, приветствуя блестящий удар по мячу.

Однако не удачный прорыв футболиста, не забитый гол интересуют Рикардо, а люди, люди, люди... Разные лица. И каждому нужно чье-то внимание, нужна человечность. Рикардо напомнил об этом, сняв людей на стадионе.

Вслед за тем он вместе со своим ровесником режиссером Хосе Кохоном сделал фильм о трущобах Буэнос-Айреса. Это фильм без слов и без пустот.

До чего хорош Буэнос-Айрес! Город рассекла немыслимая улица Ривадавиа — двадцать километров реклам и витрин, пестрого богатства, выставленного напоказ. А рядом на жалком клочке земли сбились в кучу лачуги из фанерок и ржавой жести. Как прекрасны деревья омбу в огромном парке Палермо! Они стоят на обнаженных корнях, словно на окаменевших ручьях. Под вечной тенью одного дерева могла бы лечь средняя городская площадь. А возле лачуг нет ни квадратика тени, и в зловонной куче на солнцепеке роются дети.

Белой стеной взлетает ввысь небоскреб какого-то банка, и сейчас же объектив аппарата падает на дверь лачуги, из которой выходит девушка. Она пробирается среди обломков досок, мусорных ям и делает шаг на асфальтированный тротуар, к зеркальной двери магазина. Да, только один шаг, хотя все это и скрыто высокими стенами города, глухого к забытым обитателям своих задворков. И фильм идет молча, без звука. Только аккорды городского гула. До последних кадров.

И вдруг молодой человек, водитель автобуса, оставив машину в парке и возвращаясь домой после работы, доходит до лачуги, поворачивает лицо к зрителям и говорит:

— Да, синьор, я здесь живу.

Девушка, которую мы только что видели за прилавком модного магазина, нагибаясь, выглядывает из соседней двери:

— И я...

И дети со зловонной кучи, вмиг повернувшись к залу, кричат:

— И мы живем здесь!

Все. Фильм окончен. Имя Рикардо по инерции пробило ему дорогу на несколько экранов. Разразился скандал. На Рикардо обрушились газеты. И так же молниеносно, как раньше имя оператора стало синонимом пропуска, теперь оно превратилось в синоним запрета. Что бы он ни снял, говорили: Рикардо? Нет, нет!

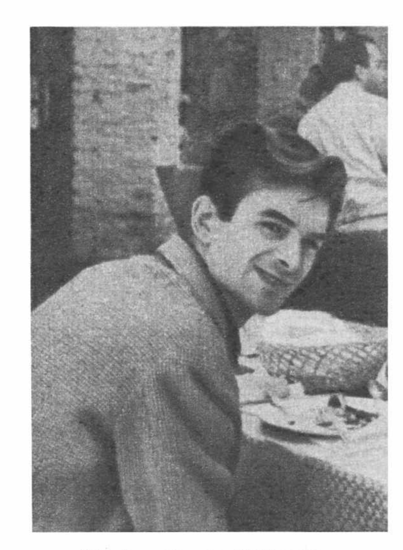
Он живет трудно, но не хочет снимать для больших хозяев кино. У него есть невеста, но нет денег на свадьбу. Она адвокат, чаще всего бесплатно ведет дела бедных, все ее приданое — гитара и народные песни, которые она поет несильным, зато на редкость сердечным голосом.

Рикардо снял маленький, совсем маленький фильм о ней и о себе.

...В мастерской художника под потолком висит нелепая деревянная кукла. Нитка обрывается, и смешная кукла с тоненькими руками и ногами падает на пол, около другой такой же куклы, с женской головкой.

И вот куклы оживают, становятся людьми, но... с кукольными движениями. И выходят в пустой ночной город. Эхо их шагов громко до содрогания. Площади-пустыни пугают их. Лабиринт улиц тоже им враждебен. Только в одном месте их поджидает внезапная радость. Детская площадка на бульваре! Здесь качели, карусели, здесь беззаботно. Здесь просыпается любовь.

И дальше — каждый шаг юноши через каменные дебри человеческого города — это уже погоня за

Кинооператор Рикардо.
Фото М. Богатковой.

любовью. Его застенчивая улыбка говорит обо всем.

Город обрывается у океана.

На песчаном пляже юноша кукольными жестами объясняется девушке в любви. Но она боится даже счастья, ей во всем мерещится безнадежность. Она убегает в океан, и юноша кидается за ней, и вот уже волна качает в грязной пене у песчаной кромки две деревянные куклы...

Рикардо снял это не случайно. Десять трогательных минут. От чуда первооткрытия мира до рокового конца...

Десять минут отчаяния...

Десять минут, вызывающих протест, но все же автора можно понять, когда знаешь его историю и видишь, какой грустью полны его умные глаза, даже при улыбке.

И эта лента Рикардо рождена грустью. Это не воинственная пропаганда человеческой никчемности, а крик о том, что есть люди хрупкие и наивные, как куклы, и они погибают в окружающем их жестоком мире. Их жалко, но как бороться за них, Рикардо не знает. В этом фильме, во всяком случае, он не сказал ничего.

Честный, не способный продаться человек, подобный Рикардо, уже в самом начале своего пути стоит перед выбором: жить в битвах или в тоске?

Не знаю, на что у него хватит сил. Он молод, и все решения у него еще впереди. Может быть, он снова кинется в бой, как это было, когда он снял трущобы Буэнос-Айреса.

Этот выбор не прост, и вот почему так трудна жизнь аргентинской художественной интеллигенции, которая не может говорить то, что она хочет, но и не может молчать.

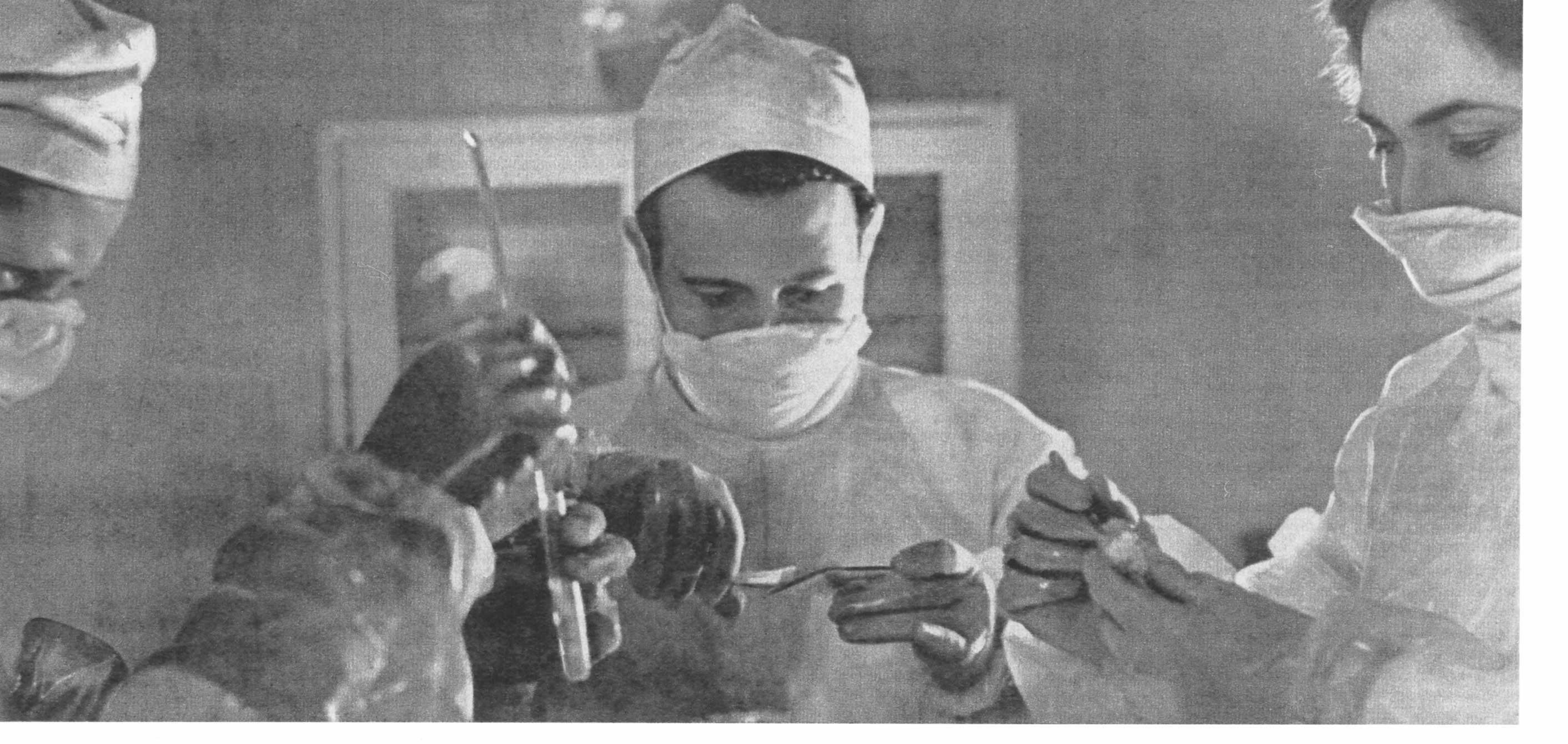
Я запомнил улицы Буэнос-Айреса, то широкие, как реки в разлив, то такие узкие, что распахнутая дверца остановившегося автобуса перекрывает тротуар.

Я запомнил безумные огни реклам на Корриентес и Флориде, хотя в квартирах полутьма и экраны телевизоров часто меркнут из-за электрического голода.

Я запомнил, как цветут черные деревья хакаранда, роняя с голых веток тонкие сиреневые кружева, и карликовые пальмы-коротышки стоят неподвижно на красных скалах Камечинконес.

Я запомнил многое и многое забуду. Кроме встреч, о которых рассказал.

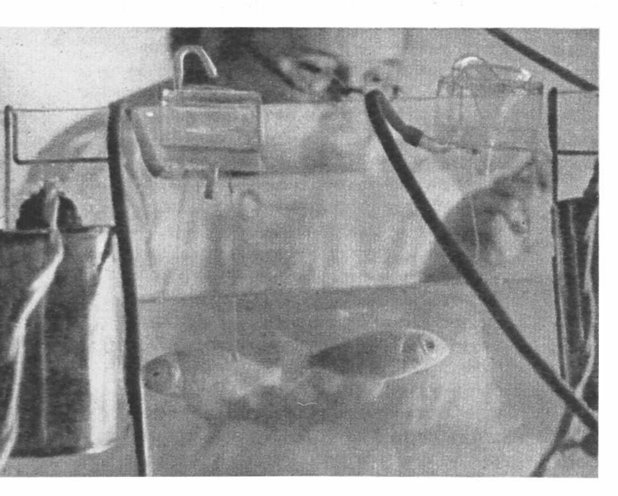
Буэнос-Айрес — Москва.

Заглянем в одну из «новостроек» — лабораторию радиобиологии. Животным вводятся радиоактивные изотопы фосфора. Исследуя ткани животных, подвергшихся облучению, биологи изучают регулирующую роль центральной нервной системы в обмене веществ.

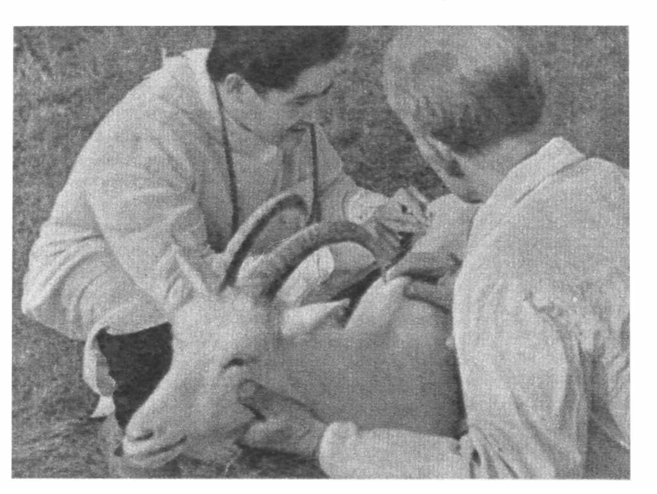
Столица условных реф

Фото А. УЗЛЯНА.

Оказывается, не только животные, но и рыбы быстро вырабатывают условные рефлексы.

Удойность тесно связана с работой нервной системы. Этими проблемами занимается опытная станция лаборатории сельскохозяйственных животных — многократный участник ВДНХ.

Болезни внутренних органов часто возникают вследствие нарушения высшей нервной деятельности. Это доказал профессор И. Курцин, со своими сотрудниками разрабатывающий теперь профилактику таких нарушений.

Ученые всего мира называют Ленинградский институт физиологии имени И. П. Павлова «столицей условных рефлексов». И верно: весь институт, огромное его здание на набережной Макарова вместе с многочисленными лабораториями в селе Павлово (бывшие Колтуши) и двумя музеями: квартирой самого Павлова и Музеем эволюции нервной системы,— это целый город.

Верно и то, что это столица: институт — неоспоримый центр научной деятельности последователей великого русского физиолога, рассыпанных по всему свету.

И наука и жизнь уже многим обязаны Павлову и его ученикам. И все-таки мы приехали в павловскую «столицу» не для того, чтобы оглядываться на ее славное прошлое. Хотелось увидеть ее «новостройки».

Память о Павлове здесь в развитии его научного наследия, в строгом уважении к «господину факту», во вдохновенном поиске новых путей в решении физиологических проблем.

Вот некоторые из последних работ института.

Профессор Ф. П. Майоров, один из немногих теперь уже ученых, кому пришлось работать рука об руку с Иваном Петровичем, рассказывает:

— Процесс торможения, разработанный академиком Павловым, долго был для физиологов камнем преткновения. Сам Иван Петрович называл его «проклятым вопросом». Избавиться от этого «проклятья» нам помогают ныне смежные науки: биохимия, электрофизиология, радиобиология. Именно здесь, на стыке биологии с другими науками, происходит самое интересное и многообещающее для исследователя.

Лаборатория экспериментальной генетики под руководством доктора биологических наук В. К. Красусского разрабатывает проблему направленного изменения высшей нервной деятельности. Любопытный опыт проделан с мышами. Нервная система четырех поколений была подвергнута специальной тренировке. Оказывается, подвижность нервных процессов у особей, родившихся после опытов с мышами-родителями, выше, чем у обычных мышей. Это свойство клеток коры мозга проявляется уже в первом поколении и закрепляется в последующих.

Эксперименты подтвердили положение И. П. Павлова, что инстинктивные акты могут формироваться благодаря условным рефлексам. Лаборатория физиологии низших животных применила эту теорию на практике птицеводства. Куры спят один раз в сутки. Но можно выработать у них условный рефлекс на два периода бодрствования и сна в день. Изменяется режим — и у кур повышается яйценоскость.

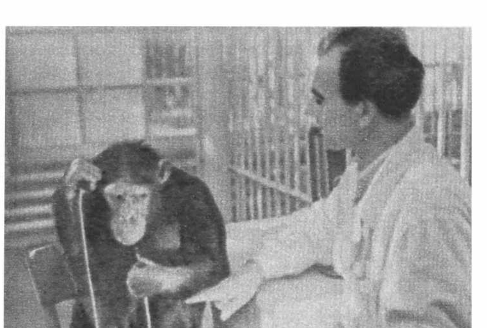
Целая группа видных ученых разрабатывает медицинские проблемы физиологии. Руководитель лаборатории возрастной физиологии профессор В. Г. Баранов ищет пути воздействия на патологические изменения нервной деятельности во время старения. Профессор А. Слоним разработал теорию закаливания человека. Про-

Шимпанзе «обезьянничает»: вот так заканчивается обычная процедура — измерение кровяного давления.

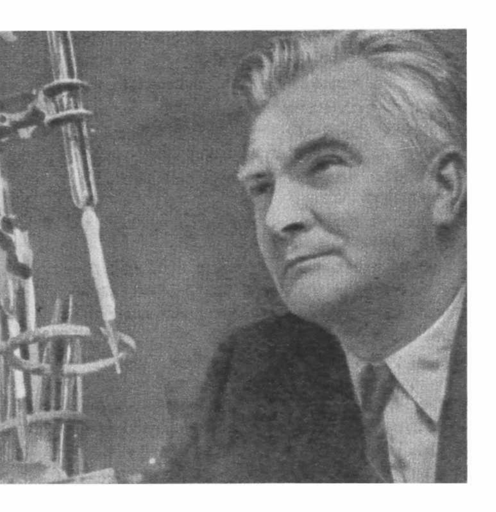

На помощь ученому приходит новейшая аппаратура, созданная советскими конструкторами.

лексов

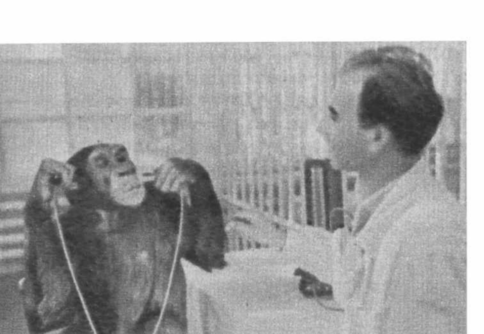

фессор А. Соловьев исследует, как влияет нервная система на физиологию пищеварения.

Исследования, ведущиеся в Колтушах, все теснее смыкаются с насущными запросами практики.

Сюда едут в аспирантуру молодые научные работники из наших национальных республик, едут ученые стран народной демократии. Едут из Англии, из Америки, где угрожающе растет число психических заболеваний, с которыми оказалось не под силу справиться психиатрии, построенной на идеалистических, фрейдистских основах.

Американский ученый Гент написал по-русски в книге почетных гостей: «У меня теперь условный рефлекс ехать в Ленинград и вашу Академию наук. Очень рад здесь еще раз быть».

Облучение радиоактивными веществами. У кобальтовой пушки рентгенотехник Л. Лазарева.

Билл НОУТОН Рассказ

Билл Ноутон — современный английский писатель (родился в 1913 году), автор нескольких романов и многих рассказов, в которых описывается жизнь и труд простых людей Англии.

Б. Ноутон долгое время работал грузчиком, чернорабочим, шофером, ткачом. Литературную деятельность начал в 1945 году.

Творчество Б. Ноутона получило высокую оценку на страницах центрального органа Коммунистической партии Англии «Дейли уоркер».

Рассказ «Ткацкий узел» взят из сборника Б. Ноутона «Поздно вечером на Уотлинг-стрит».

Оглушительный грохот ошеломил юного Гарри Эккерса сразу же на пороге ткацкого цеха. Шум обрушился на него, подобно обвалу, едва он открыл старую массивную дверь. В полной растерянности, обуреваемый страхом и предчувствием чего-то недоброго, Гарри стоял на пороге до тех пор, пока дверь, оборудованная противовесом в виде отслужившего свой век чугунного колеса, с силой не толкнула его в бок, словно говоря: «Либо заходи, либо убирайся». И Гарри вошел.

В огромном, с низким потолком цехе, содрогаясь в громоподобном гуле, работали сотни ткацких станков. Под неярким светом газовых рожков длинными рядами стояли молодые и старые ткачихи. Они то останавливали станки, то снова пускали их, быстрым движением руки меняли челноки и переходили от машины к машине, озабоченно и с какой-то нежностью поглаживая новорожденную ткань, возникавшую из основы и утка̀.

— Кого тебе нужно, милый?

— А? — Гарри вздрогнул от неожиданности.

Вопрос задала маленькая веснушчатая женщина, словно выстрелившая этими словами в ухо Гарри.

— Что? Да я хотел...— закричал было он, но умолк: в таком грохоте он не слышал даже собственного голоса.

— Кого? — переспросила женщина, кладя руку ему на плечо. На этот раз Гарри понял ее.

— Мистера Хэмбелла,— ответил он.— Мастера.

По движению его губ женщина догадалась, о ком он говорит, и указала на человека, лежавшего на верстаке.

— Вот Эдди,— сказала она.

— Спасибо,— отозвался Гарри.— Большое спасибо.

Он направился в угол, где, пристроившись на верстаке, крепко спал какой-то коренастый человек. У него были покатые плечи, большая голова, опущенная на волосатую грудь, видневшуюся из-под расстегнутой рубашки, и толстые, сложенные вместе руки с короткими пальцами. В одной руке спящий держал стальной гаечный ключ. С верстака свисали его короткие ноги в промасленных синих штанах, а под козырьком грязной кепки можно было видеть закрытые сейчас глаза, густые брови, большой, но красивый нос и пышные седые усы.

Наблюдая, как мерно вздымалась и опускалась грудь спящего, и посматривая на безмятежное выражение его лица, Гарри не мог не удивиться: не всякий способен заснуть при таком шуме.

Держа наготове соответствующее объяснение о цели своего прихода, Гарри осторожно кашлянул. Человек мгновенно проснулся и соскочил с верстака.

— Ты зачем тут? — заорал он, мигая и посматривая снизу на высокого подростка.— Что ты тут делаешь? Зачем ты пришел сюда? Кто ты? Кто, я спрашиваю?

— Гарри Эккерс.

— Кто? Что тебе надо в моем цехе?

— Меня прислал директор.

— А почему ты толчешься у моего верстака?

— Я же сказал вам, что меня прислал Чарли Берджесс,— сердито ответил Гарри.— Он велел передать вам, чтобы вы приставили ко мне какую-нибудь ткачиху. Она обучит меня ткацкому делу, а потом я буду работать подмастерьем в механическом цехе.

— Что еще выдумал этот Берджесс! — воскликнул толстый человечек.— Во всяком случае, изволь учиться сам, а если не захочешь, то никто за тебя этого делать не будет. Вот так-то. Пошли.

Он направился по узкому проходу, небрежно обходя яростно вращавшиеся приводные ремни из толстой кожи и не обращая внимания на яростно ударявшие погонялки. Гарри торопливо шагал за ним, пока не ударился обо что-то локтем; это заставило его соблюдать осторожность.

Но вот мастер внезапно свернул в боковой проход, подошел к одной из ткачих и мягко дотронулся до ее плеча. Гарри заметил, что это была та самая женщина с веснушчатым лицом, что первой обратилась к нему в цехе. Хэмбелл сказал ей что-то и показал на Гарри. Ткачиха кивнула и улыбнулась подростку.

— Я прикреплю тебя к Хэтти Дейл! — крикнул мастер.— Выполняй все, что она тебе скажет, а не то будешь иметь дело со мной.

Он было отошел, но тут же вернулся и, приблизившись к Гарри почти вплотную, тихо спросил:

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать с небольшим.

— Это твоя первая работа? — поинтересовался он, рассматривая румяные щеки подростка.

— Да.

Мастер пристально посмотрел ему в глаза.

— Мы с тобой единственные мужчины в цехе,— сказал он.— У меня тут женский цех, понимаешь? — Хэмбелл предупреждающе дотронулся ключом до плеча Гарри.— Я тут хозяин и хочу дать тебе совет: никаких шуточек с бабами! Я не потерплю этого!

На какое-то мгновение Гарри даже растерялся. Он не совсем расслышал Хэмбелла, но инстинктивно понял, что скрывается за его словами, и ощутил во рту какой-то новый, неприятный привкус.

— Эй, милый, здравствуй! — приветствовала его веснушчатая женщина.— Тебе, как видно, не по себе? На-ка, хлебни глоток воды, если не побрезгуешь моей кружкой.

Дрожащими руками Гарри взял кружку у Хэтти и отпил несколько глотков. Он и в самом деле вдруг почувствовал жажду, но никак не мог проглотить воду. От неприязни, слепой и свирепой, с которой внезапно столкнулся Гарри, у него закружилась голова, и он почувствовал невероятную усталость. «Мы с тобой... мужчины... Женский цех... Я хозяин... Никаких шуточек с бабами...»

Хэтти помогла ему снять пиджак, и он засучил рукава рабочей блузы, купленной накануне матерью.

...Гарри казалось, что Хэтти двигается легко, как дух. Она быстро переходила от одного станка к другому, и он медленно следовал за ней. Часто он терял из виду ее голову со светло-желтыми волосами, перевязанными полоской бумажной ткани, а затем внезапно замечал ее зеленые глаза, весело и оживленно посматривавшие на него из-за станка. У нее были гладкие блестящие волосы и нежная кожа. Перед уходом с работы Хэтти приводила себя в порядок и выглядела совсем хорошенькой. Иногда она являлась на работу в другой блузке и в своем лучшем костюме. В такие дни Гарри не мог оторвать от нее глаз.

— Ты идешь на свидание со своим дружком? — спросил он однажды.

— Ха! — воскликнула она.— Когда тебе уже тридцать один год, а дружка у тебя еще нет,— это значит, что его никогда и не будет.

— Тебе тридцать один?

— Да, милый. И до сих пор меня никто не обнимал и не целовал.

— Да я не об этом,— отозвался Гарри.— Я не думал, что тебе столько лет. Мне казалось, что в тридцать лет человек выглядит совсем старым.

Благодаря дружеским отношениям, установившимся между ним и Хэтти, работа в цехе стала казаться Гарри вполне терпимой. Целые дни они проводили вместе в узком проходе, шириной в два и длиной в десять футов. Они склонялись над одним и тем же куском ткани, то и дело касались друг друга руками, «целовали» один и тот же челнок. Часто после того, как Гарри, приложив губы к маленькому отверстию в челноке и втягивая в себя воздух, безуспешно пытался вытянуть нить, Хэтти игриво выхватывала у него челнок, и нить мгновенно выскакивала из отверстия, едва она прикасалась к нему ртом.

— У тебя такие губы, Хэтти,— сказал он както,— что намагничивают даже хлопок!

Гарри никак не мог научиться завязывать «ткацкий узел». Это был специальный узел, его применяли для скрепления лопнувшей в основе нити. Заметив, что у Гарри, как обычно, ничего не получается, Хэтти наклонялась над ним, из-за его спины брала своими уверенными руками его неловкие пальцы и заставляла их завязывать узел. Но стоило Гарри почувствовать прикосновение ее мягкой щеки к своему лицу, как свет меркнул в его глазах, и он вообще переставал видеть концы пряжи.

Однажды, когда Хэтти по обыкновению уже протянула руки, собираясь помочь ему, пальцы Гарри самостоятельно завязали узел.

— Ого, миленький! — засмеялась она ему прямо в ухо.— Да ведь ты завязал свой первый ткацкий узел! Получай-ка премию...

Повернув его лицо к себе, Хэтти поцеловала Гарри прямо в губы. Через минуту, нагнувшись, чтобы пропустить нитку через бердо, она заметила напряженное выражение на лице

подростка и покачала головой. «Да, Хэтти, — решила она про себя, — тебе не следовало этого делать».

Гарри как-то подсознательно угадывал присутствие Эдди Хэмбелла в цехе, а после поцелуя Хэтти стал особенно чувствительным в этом отношении. Иногда он замечал мастера у верстака и испытывал такое ощущение, будто находится в джунглях, будто он молодой, растущий лев, Хэмбелл — дряхлеющий, а ткачихи — львицы. Когда Хэмбелл оказывался поблизости, Гарри чувствовал, как у него на затылке поднимаются волосы.

Часто после обеденного перерыва, особенно перед концом недели, Хэтти начинала петь. Ее высокий голос парил над грохотом машин и очаровывал Гарри своей неземной красотой. Вскоре к Хэтти присоединялись остальные ткачихи. Чаще всего они пели гимны вроде «Будь верен мне». Гарри признавался себе, что никогда и ни о ком в целом свете он не думал так много, как о Хэтти.

Хэмбелл перевел его на самостоятельную работу на двух станках, но поскольку они стояли рядом с четырьмя станками Хэтти, Гарри не возражал. Она по-прежнему помогала ему, и они по-прежнему сталкивались в узком проходе, тем более, что он всегда ухитрялся попадаться ей на пути. Гарри нравилось покупать плитку шоколада с орехами и передавать ей, когда они утром выпивали по стакану какао.

— Нет, спасибо, милый, — заявила как-то Хэтти, покачав головой. — Мне ничего не хочется.

— Да ты здорова ли? — забеспокоился Гарри. — Последнее время ты что-то неважно выглядишь, Хэтти, и петь перестала. Ты только вот сейчас почувствовала себя плохо?

Хэтти взглянула на него и улыбнулась.

— Наклонись ко мне, — попросила она и, когда Гарри повиновался, шепнула ему на ухо. — У меня будет ребенок.

Гарри молча уставился на нее.

— И знаешь, кто его отец? — продолжала Хэтти.

Нет, этого Гарри не знал.

— Ты. — Хэтти указала на него пальцем.

— Я?!

— Да, ты... — капризно надув губы, повторила Хэтти. — Должно быть, это случилось в тот день, когда ты поцеловал меня за станками. С тех пор я стала чувствовать себя совсем по-другому.

Заметив на лице Гарри озабоченное выражение, она добавила:

— Да ты не беспокойся, я никому не скажу. Но пусть это послужит тебе уроком.

Гарри возвратился к своим станкам потрясенный. Конечно, он прекрасно понимал, что женщина не может иметь ребенка только потому, что кто-то поцелует ее. Но в данном случае все обстояло сложнее. В последние месяцы Хэтти ни с кем не проводила столько времени, сколько с ним; он ни на минуту не переставал о ней думать, и она ли его поцеловала или он ее — все равно это что-нибудь да значило. В простоте душевной Гарри считал себя отцом будущего ребенка Хэтти.

С того времени работа ткача стала даваться Гарри легче. Он забыл, что еще недавно был недоволен, и взялся за дело с удвоенной энергией. Гарри бегал за какао для Хэтти, приносил ей корзинки с початками пряжи, частенько присматривал за ее станками и вместе с тем уверенно обслуживал свои.

Так продолжалось до того дня, когда он вставил одновременно два челнока в один из своих станков и после аварии вынужден был отправиться за Хэмбеллом.

— Не беспокойся, — успокоила его Хэтти, — нельзя стать настоящим ткачом, пока не вставишь в станок два челнока одновременно.

Однако Эдди Хэмбелл рассуждал иначе.

— Тупица! — орал он. — Ты думаешь, у меня только и забот, что нянчиться с тобой?

Гарри готов был схватить Хэмбелла за его заросшую волосами глотку, но, вспомнив о Хэтти, сдержался и молча наклонился над своим неисправным станком. Починка поломанного станка не заняла много времени, и когда Гарри вернулся перед концом обеденного перерыва в пустой еще цех, Хэтти уже присучивала последние нитки.

— Помоги мне поднять противовесы, — попросила она, — да поглядывай, чтобы не появился инспектор по охране труда, а то нас выгонят с фабрики. Нельзя работать во время обеденного перерыва.

Они торопливо зашли за станок и наклонились, чтобы поднять грузы, которые тормозят навой. Внезапно Гарри услышал стон.

— Что с тобой, Хэтти? — крикнул он.

— Я надсадилась, Гарри, — прошептала Хэтти. — Помоги мне дойти до моего шкафчика в раздевалке.

— Может, вызвать сестру с медицинского пункта? — спросил Гарри.

— Не нужно. Лучше позови Эдди.

— Кого? Хэмбелла?

— Да. Он тут хозяин.

Гарри подбежал к Хэмбеллу в тот момент, когда мастер надевал на себя синий просторный комбинезон.

— Хэтти Дейл что-то повредила себе, — выпалил он.

— Хэтти? Повредила?

— Да. Мы поднимали противовесы.

— Прочь с дороги! — заревел Хэмбелл и, оттолкнув Гарри, помчался по проходу.

— Что произошло? Что ты наделала? — закричал он, подбегая к станкам Хэтти. — Ты не могла придумать ничего лучшего, как поднимать эти проклятые грузы?.. — Он повернулся к Гарри: — Эй ты! Беги к Джо Кей и скажи ему, чтобы подали фабричную автомашину. Передай, что заболела одна из моих ткачих.

Мощной рукой он обнял Хэтти и почти понес ее по проходу.

На следующий день Гарри пришел на фабрику только потому, что не мог не прийти туда, где все — и работа и сами стены — было неразрывно связано для него с Хэтти. Он часто посматривал на ее бездействующие станки и заставлял себя думать, что ничего не случилось, что Хэтти по-прежнему работает на них.

Взглянув на двух ткачих с другой стороны прохода, Гарри заметил, что они переговариваются движениями губ. Он уже научился понимать этот немой язык и уловил имя Хэтти.

— Да, вчера в больнице, в десять часов вечера, — передавала одна из ткачих.

— Я слышала. Ребенок родился мертвым.

— Но с ней самой все в порядке.

Гарри почувствовал, как острая боль сжала сердце. Он хотел отвести глаза, но в это мгновение разобрал слово «Хэмбелл».

— Ну, с него взятки гладки!

— Вот именно. А ведь это был бы его первый ребенок.

— В пятьдесят пять лет!

— Его жена безнадежно больна.

— Мужчины всегда легко отделываются.

— А расплачиваться должны женщины.

Гарри заметил, как у него со лба скатилась на основу капля холодного пота. Хэмбелл! Старый, безобразный Хэмбелл! Как на это пошла Хэтти?

Гарри выпрямился, надел пиджак и, остановив свои станки, направился к выходу из цеха. В конце прохода он лицом к лицу столкнулся с Хэмбеллом.

— Ты куда?

— Ухожу, — заявил Гарри.

— Что-что?

— Больше я тут не работаю. Хватит с меня!

Хэмбелл положил руку на плечо Гарри и повел его к своему верстаку. На лице у него внезапно появилось какое-то новое, незнакомое Гарри выражение.

— Ты уходишь, наверное, из-за того, что я накричал на тебя вчера? — заговорил он. — Знаешь, парень, тебе это будет мешать всю жизнь.

— Это почему же?

— Потому что ты принимаешь все близко к сердцу. Я и сам такой же. — Он подошел к Гарри вплотную. — Со мной только что случилось такое, чем я не могу поделиться ни с тобой, ни с кем-нибудь другим. Одно скажу: я потерял то, о чем мечтал всю свою жизнь. Еще вчера я был молод, а сегодня уже старик.

Гарри увидел в голубых глазах Хэмбелла какое-то глубокое чувство, и лицо мастера теперь уже не казалось ему таким безобразным. И он понял, что его собственная утрата — ничто по сравнению с горем, поразившим этого человека.

— И куда же ты уходишь, парень?

— Во флот. Мне исполнилось пятнадцать с половиной лет.

— Значит, будешь плавать по морям?

— Буду.

— Меня здесь теперь ничто не удерживает. Мне хотелось бы уехать с тобой.

— Правильно. — И, пожимая Хэмбеллу его толстую руку, Гарри с удивлением услышал свои слова: — Мне бы тоже этого хотелось, Эдди!..

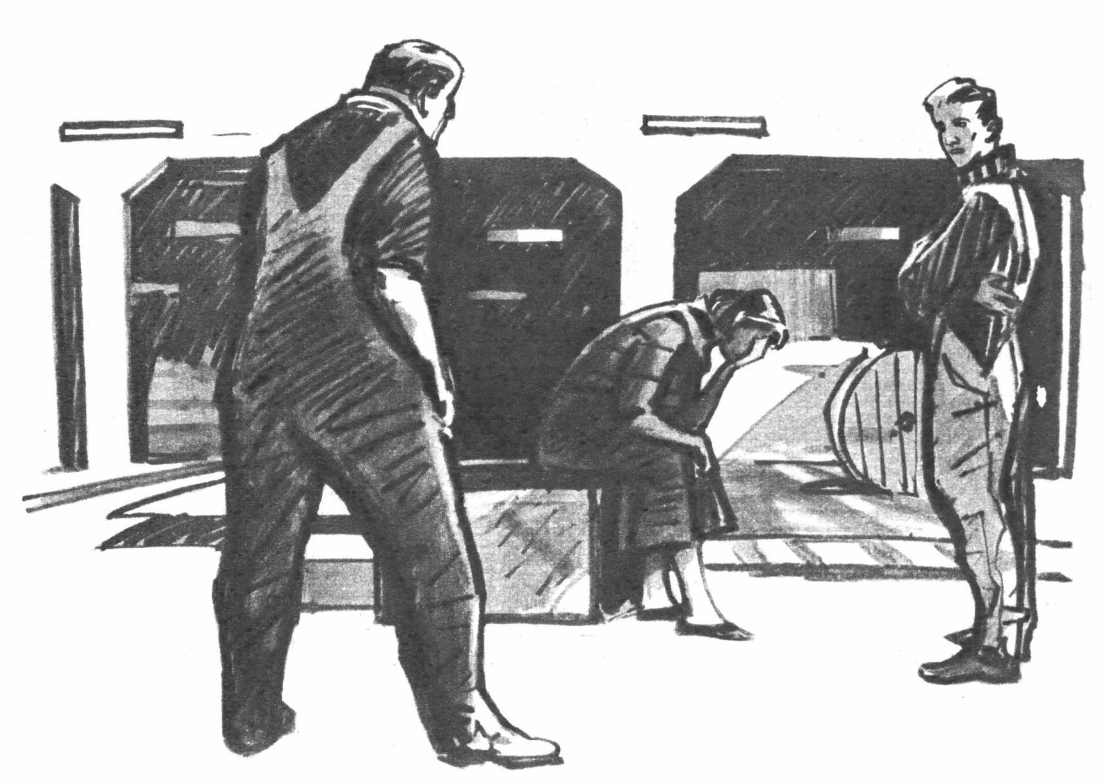

Рисунок А. Васина.

Перевел с английского

Ан. ГОРСКИЙ.

Мастер высокого запева

Николай ТИХОНОВ

Александр Прокофьев.

Александр Прокофьев — выдающийся русский поэт, мастер высокого запева. Имя его широко известно. Многие стихотворения его стали народными песнями. Он поэт сильного лирического дарования. Стих его многоцветен, богат образностью, звучен, мелодичен.

Александр Андреевич Прокофьев родился в селе Кобоне, на берегу озера, широкого, как море. С детства видел он то густо-синие просторы Ладоги, то ее зелено-серые валы, с ревом летящие на берега. Дикая поэзия есть уже в том, что прибой Ладоги в иных местах идет прямо по лесу, среди вековых сосен и берез, подминая кусты и взлетая пеной над мшистыми валунами.

Какова природа, таков и характер ладожских рыбаков прибрежных селений. В давние времена осели здесь люди и жили в суровой бедности; быт был мрачен, и даже веселье — с драками и поножовщиной.

Все ли знают, что в Покров
По дешевке ходит кровь?

Но и озерные дали, и высокие леса, и берега, над которыми шумит ветер-шелоннник, и ярусы зорь, громоздящиеся в белые ночи, и чайки, кружащиеся то над волнами, то над лугами с болиголовом и мятой,— весь этот мир полон таким ощущением неповторимости, что поэт может назвать воду «красой в зеленых рамах», удивиться и полюбить всем сердцем эту родную природу, этот полный песенности простор. Да, песни бытуют здесь — и старинные, принесенные первыми насельниками, и созданные веками трудной жизни на Ладоге, и новые, песни печальные, озорные, любовные, отчаянные, свадебные, похоронные.

И в этот край — пришло время — бурным вихрем ворвалась революция, и пошел в ряды ее защитников молодой, жадный до жизни и песен ладожский рыбак Александр Прокофьев. Всем сердцем почувствовал он зов новой эпохи, широко открытыми глазами увидел он новые просторы мира, уже не ладожские волны, а волны Октябрьской революции проходили по дремучему лесу российской жизни.

Александр Прокофьев прошел большой, полный трудных испытаний жизненный путь. Участник гражданской войны, узнал он и все тяжелые испытания зимней войны с белофиннами, и незабываемые годы Великой Отечественной войны, девятьсот дней ленинградской осады. И всюду нес поэт высоко преданность народу и партии, в ряды которой вступил еще в 1919 году.

Он мог с полным правом написать:

Но мы и в буре наступлений,
Железом землю замостив,
Произносили имя: — Ленин,—
Как снова не произнести!

Все было в нем:
поля, и семьи,
И наш исход из вечной тьмы,—
Так дуб не держится за землю,
Как за него держались мы!

Поэт писал в автобиографии: «К неповторимому образу Родины я обращался в своих стихах всегда, и всегда она, Родина, будет для меня путеводной звездой, моей верой, моей неисчерпаемой сыновней любовью».

Родное слово связано у него прежде всего с этим высоким ощущением Родины. И со всей страстью он говорит:

Да, есть слова глухие,
Они мне не родня,
Но есть слова такие,
Что посильней огня!

Они других красивей —
С могучей буквой «Р»,
Ну, например, Россия,
Россия, например!

В годы Великой Отечественной войны на фронте поэт создает много стихотворений, заряженных энергией боевого призыва, гневом, ненавистью к смертельному врагу советского народа, и среди них встает лирическая и сильная своей патриотической песенной ширью поэма «Россия». Эта поэма не только о семье героев-братьев Шумовых, о которых возникла легенда. Эта поэма о стране, о ее неисчерпаемой красоте, природной и духовной, о народной вере в будущее, о людях, несущих в сердце революцию, преображающих заново мир.

Александр Прокофьев недаром воспринял с детства все богатство народного языка, все многообразие народного творчества. Входя в поэтический мир его стихов, вы сразу обнаружите это замечательное родство. И если народ говорил: из песни слова не выкинешь, то подразумевал, что слова в песне так сроднились, так сложились плотно, что их не оторвешь, не разъединишь! И Прокофьев влюблен в слово, в самобытное, жемчужное, ласковое, гневное, сильное и нежное, любовное и грустное слово, потому что

И когда оно поет,
Жаром строчку обдает,
Чтоб слова от слов зарделись,
Чтоб они, идя в полет,
Вились, бились, чтобы пелись,
Чтобы елись, будто мед!

Потому так ярки краски его пейзажей; когда он предлагает полюбоваться колдовскими картинами северного заката, полными неизъяснимой прелести, так верно схваченной поэтом:

Вот отсюда и пошло:
в лугу
Розовый стожар горит в стогу,
Розовые сосны на снегу,
Розовые кони в стойла встали,
Розовые птицы взвились в дали,
Чтобы рассказать про чудеса...
Это продолжалось полчаса!

И в своих многочисленных лирических стихотворениях он любит это движение человеческого чувства переводить в широкий мир природы, необъятный и нескончаемый:

Задрожала, нет — затрепетала
Невеселой, сонной лебедой,
Придолинной
вербой-краснoталом,
Зорями в полнеба и водой.

Александр Прокофьев когда-то написал книгу стихов под названием «Улица Красных Зорь». Это веселое, весеннее название дышит майской листвой, шорохом приморского ветра, говорит о Ленинграде, Неве, Ладоге, о людях новой весны, проходящих по созданному ими новому городу к новым великим трудам революции, победившей «вечную тьму».

Такой улицей Красных Зорь рисуется все творчество нашего поэта. Он и сейчас, после тридцати лет работы в родной поэзии, сохраняет всю весеннюю многоцветность своих стихов. И новая книга его «Приглашение к путешествию» говорит о том, как вновь вспыхнуло его поэтическое вдохновение! Как много в этой книге молодых, превосходных стихов, веры в свое высокое призвание, стремления служить передовому, ведущему началу нашей жизни!

«Мне по душе моя работа! — восклицает поэт.— Да, мне легко и трудно, Русь!»

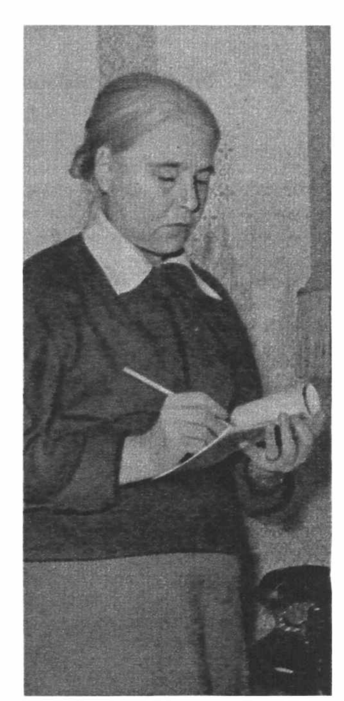
И недаром после этой книги поэт увидел новые просторы великой нашей страны, увидел людей могучей Сибири, восторженно воскликнул, охваченный ширью потрясших его впечатлений:

Здравствуй, друг мой по песне,
Синеволный Байкал!
Ты лазурью наполнен —
С нею ты молодой.
Синеволный — до молний,
А с ними — седой!

Синие волны новых впечатлений и вдохновения мы чувствуем и в творчестве Александра Прокофьева, который находится сегодня в расцвете своих поэтических сил.

ПИСЬМО В БЕРЛИН

Анне Зегерс к шестидесятилетию

Дорогой друг!

Многое хочется сказать Вам в этот день.

Надо ли мне говорить, как я благодарен Вам за все, что Вы сделали для меня Вашими книгами, Вашими мыслями, Вашей дружбой? Ведь Вам это и так ясно.

Лучше я расскажу Вам о том, как все это выразил человек, который видел Вас всего один раз, но который не раз — и притом любовно — читал Ваши книги.

Может быть, Вы еще помните, как однажды весной в Ленинграде Вы пришли на студенческий праздник в Педагогический институт имени Герцена. Помните — это я привел Вас туда,— пирушка была по случаю выпуска студентов, с которыми я работал несколько лет.

Оканчивала институт большая группа воспитанников факультета народов Крайнего Севера. Здесь были девушки и юноши, принадлежавшие к народам, которые в царской России обрекались на вымирание: чукчи, якуты, ханты, манси, эвенки, ненцы, юкагиры... Советская власть спасла от гибели, от голода и болезней их матерей и отцов, а им самим дала высшее образование.

В тот вечер эти молодые люди в последний раз собирались под институтской крышей, чтобы отпраздновать свой выпуск. В большинстве своем они стали педагогами, некоторые пошли в науку, сделались филологами, иные ушли в литературу, как Юван Шесталов, хороший лирический поэт.

Может быть, Вы еще помните, какой радостью было для них Ваше появление? Они знали Вас по Вашим книгам, они знали о Ваших трудах, обращенных на благо народов, посвященных борьбе за мир. Они говорили с Вами, как с близким, родным человеком. Некоторым казалось непонятным, что у Вас «нет отчества»,— они дознались, как звали Вашего отца, и обращались к Вам на русский манер: «Анна Исидоровна...»

Это был отличный вечер. Вы говорили с молодежью. И молодежь говорила с Вами, взволнованно и доверчиво. Скуластые, смуглые щеки молодых людей заливал румянец радости, в их глазах светилось веселье. Шутка сказать, к нам пришла Анна Исидоровна Зегерс. Они фотографировали Вас и фотографировались с Вами...

А наутро я встретил одну из выпускниц, очень застенчивую девушку, очень способную студентку. Она происходила из далекого стойбища, из среды, совершившей прыжок в социализм прямо из родового строя. Ее земляки еще недавно не знали грамоты и находились во власти предрассудков. Обучаясь в институте, она участвовала в создании алфавита родного языка и в подготовке первых учебных пособий для малышей. Однажды она рассказала мне, как у нее дома давались имена новорожденным,— они отвечали названиям реки, озера, деревьев, трав, ветров. Имен оказывалось мало, и тогда к ним прибавляли эпитеты: «старшая», «младшая», «первая», «вторая», «большая», «малая», «длинная»...

Не знаю, многому ли она научилась у меня... Но, скажу по совести, я и учился у нее, беседуя с ней, слушая ее доклады, читая ее рефераты. Я поражался ее неистощимой трудоспособности, свежести ее ума, математически точной ее логике.

Именно ее я встретил назавтра после вечеринки. Она сидела в институтском саду и читала «Мертвые остаются молодыми».

Увидев меня, она сказала:

— Знаете, Александр Львович, это, конечно, стыдно, но я еще не читала этот роман. Я знаю «Седьмой крест» и рассказы Анны Зегерс. «Седьмой крест» я читала три раза. Теперь прочитаю и эту книгу.

— Вам понравилась Анна Зегерс? — спросил я.

— Да, очень. «Седьмым крестом» она сохранила во мне доверие к немецкому народу. Она писатель немецкий и в чем-то всечеловеческий. Мне кажется, она должна очень любить Льва Толстого.

— А как она сама вам понравилась?

— Сама?.. Сама она в точности такая, какой я видела ее в ее книгах. Она воплощенная правда.

Мы поговорили с ней еще немного, поговорили — и разошлись. Она не сказала больше ничего, что было бы точнее этих слов.

«Воплощенная правда» — этим определением она высказала свои, мои, наши общие чувства.

«Воплощенная правда» — это слова большого признания, большой признательности.

Это слова, в которых выражены чувства читателей «от финских хладных скал до пламенной Колхиды» и от Бреста до Сахалина, чувства всех советских читателей, которые любят Вас, товарищ Анна, как своего большого друга.

Низкий Вам поклон, горячий привет и самые добрые пожелания!

Сердечно Ваш

Александр ДЫМШИЦ.

Более 30 лет работает на стройках Еревана Герой Социалистического Труда каменотес Хачик Кошкарян.

Фото Г. Копосова.

УСТА ТУРКМЕНИИ

Сеид КАРРЫЕВ

Фирдоуси, Саади, Хафиз, Низами, Навои — имена этих великих поэтов Востока известны каждому грамотному человеку. Среди них достойное место занимает имя Махтумкули (Фраги).

«Народ взрастил богатый урожай песен. Пришел Махтумкули и собрал жатву спелых слов. Что осталось нам с тобой? Бродить по жнивью и подбирать оброненные колосья!» Так оценил роль Махтумкули в истории туркменской литературы выдающийся поэт-сатирик XIX века Кемине. И действительно, трудно представить литературу Туркмении последних двух столетий без творчества Махтумкули.

Имя великого поэта-патриота часто встречается в трудах многих ученых-востоковедов, путешественников, писателей. Венгерский ученый А. Вамбери, путешествуя в 60-х годах XIX века по Средней Азии, собирал стихотворения Махтумкули. Вамбери писал: «В высшей степени интересное и неизгладимое впечатление произвели на меня те минуты, когда мне случалось слышать бахши, поющего какую-нибудь из песен Махтумкули во время торжества или простой вечеринки. По мере того, как ожесточался воспеваемый бой, певец и юные слушатели воодушевлялись все более и более. Представилось действительно романтическое зрелище: юные кочевники, тяжело дыша, ударили оземь шапки и бешено вцепились в свои кудри, как бы вступая в бой с самими собой».

Чем заслужил Махтумкули общенародную любовь, почему личность поэта окружена ореолом славы? Ответ прост: Махтумкули был истинным певцом трудящихся туркмен XVIII века, их страданий и надежд.

Соловью — цветок любимый,
Мне, Фраги,— народ родимый.
Стих мой скромный, стих гонимый
Правнук мой произнесет,—

восклицал поэт в стихотворении «Певец».

Махтумкули прожил большую трудовую жизнь. Умер он в конце XVIII века. Не было тогда у туркмен единого государства. Туркменские племена жили разрозненно, часто враждовали между собой. Хозяйство их было отсталым. Трудовой народ эксплуатировали различные ханы, беки, баи, представители мусульманского духовенства.

Начальное образование Махтумкули получил в родном селе. Отец его, Девлет-Мамед Азади, был одаренным поэтом и сельским учителем-муллой. Он воспитал у сына любовь к народу, Родине, любовь к труду. Юный Махтумкули пасет скот односельчан, изучает искусство мастера серебряных дел, работает кузнецом, осваивает сложную работу по коже.

Закончив сельскую школу, Махтумкули учился в медресе Идрис Баба, затем в Бухаре и Хиве. Поэт совершил продолжительные путешествия в Индию, Афганистан, Ирак, Иран, Азербайджан, Узбекистан, Каракалпакию, где изучал жизнь и быт, культуру народов.

Творчество Махтумкули является энциклопедией жизни туркменского народа XVIII века. В стихах певца нашли свое отражение исторические события, трудовая жизнь и культурные традиции туркмен той эпохи. Писать и говорить правду — главный девиз Махтумкули.

Поэт призывал защитить страну от чужеземных захватчиков, прекратить межплеменные раздоры и объединить силы всех туркменских племен:

Теке, йомуд, гоклен, языр и алили —
Отныне мы должны единой стать семьею!

Поэту дороги идеалы трудового люда. Махтумкули не мыслит другой жизни, чем жизнь вместе с народом. Певец обрушивается на угнетателей, которые ради личной наживы доводят трудящихся туркмен до нищенства, обманывают их, издеваются над ними.

Покоя нигде не находит народ;
Как пес, по пятам лихолетье идет—
То зубы оскалит, то руку лизнет...
Ты где, долгожданное светлое время?

Поэт верил в эти светлые для народа времена.

Махтумкули! Несчастных кровь и пот
Могли б, залив, расплавить небосвод!
Но и тиранов день возмездья ждет:
Их всех затопчет тот, кто был бесправным.

Махтумкули первым в туркменской литературе стал писать на подлинно народном языке, используя фольклорные формы стихосложения.

Стихи Махтумкули переведены на многие языки народов нашей страны. Его произведения читают на родном языке русские, армяне, украинцы, узбеки, таджики, азербайджанцы, каракалпаки, казахи... 225-летие со дня рождения Махтумкули стало сегодня праздником всех советских народов.

Гравюра В. Когдина.

Куда бы дороги туркмен ни вели,—
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули,
Поистине стал он устами Туркмении.

Махтумкули «Будущее Туркмении».

СЛОВО К МАХТУМКУЛИ

Кара СЕЙТЛИЕВ

Предо мной оживают твой стан, твой взгляд
И жемчужные строки за рядом ряд,
Твой не умерший стих, что всегда крылат,
И песок, что твоею ступней примят;
Сабли те, что ты сам наточил, блестят,
Кони те, на которых скакал, летят,
По ущельям они между скал летят.

Понимаю, играет моя мечта,
Оживляет седые края мечта,
Но тропа, что приводит к тебе, крута.

В роднике замечаю твое лицо.
Вижу: юноши взяли тебя в кольцо,
И светлей и надежнее нет кольца,
Чем отважные, юные их сердца.
Свои песни ты даришь им без конца.
И я вижу: воздвигнут из их сердец
В этот миг для творений твоих дворец.

Как и прежде, журчат родники сейчас,
Как и прежде, звучат ручейки у нас,
И то громче, то тише журчанье их.
В нем знакомые звуки ловил не раз,
Словно переливался твой звучный стих,
Твое имя я слышал в журчанье их.

Может, реки, а может, моря́ до дна,
Может, звезды, а может быть, и луна
О словах твоих звучных хранят мечты.
И хотели б они подражать тебе,
И хотели бы так же журчать, как ты,
Но для них это только одни мечты.

Как им всем не завидовать сотни лет,
Если был на планете такой поэт?
Если каждое слово певца людей,
Словно кровью, питает сердца людей.
В твоей песне отвага юнца звучит
И размеренный пульс мудреца стучит.
Песня вместе с народом слезу прольет
И умрет, если выйдет на смерть народ,
И, ожив, пережить она сможет всех,
Ну, а если веселье свое возьмет,
Засмеется народ, то и в песне смех.

Вот каков ты, избранник наш и певец,
И народ тебе славы плетет венец
И в корону сплетает цветы, любя,
Чтобы этим венцом увенчать тебя.

Ведь в далекие годы народных бед,
Когда стоны и вопли затмили свет,
Ты отваги учителем был, поэт,
Смело встал на защиту родной земли,
Ты и этим нам дорог, Махтумкули.

Перевел с туркменского Анисим КРОНГАУЗ.

Студентка Ереванского хореографического училища София Хачатрян в классическом танце «Три грации».

Артистки Ансамбля танца Армении исполняют танец «Цветок».

Выдающ

Профессор Г. НЕЙГАУЗ

В США с огромным успехом проходят концерты выдающегося советского пианиста Святослава Рихтера.

Американские зрители уже привыкли к тому, что каждый новый посланец советского искусства — это сенсация. Не удивительно, что Рихтера ожидали с особым нетерпением.

Когда эта встреча произошла, корреспондент американского журнала «Тайм» писал:

«Уже после того, как Рихтер исполнил половину программы, стало ясно, что этот человек во всем так же велик, как легенда, обогнавшая его...

Удивительна способность Рихтера по-своему передавать сердце музыки. Бетховен в его исполнении никогда не был показным. Пианист старался передать внутреннюю логику его произведений».

Американская пресса отмечает поразительную работоспособность пианиста, постоянное его стремление к совершенствованию. После триумфальной премьеры в Нью-Йорке, в Карнеги Холл, Рихтер пытался дождаться ухода публики, чтобы проиграть фортепьянный концерт Дворжака, который ему предстояло исполнить через два дня в Филадельфии. Однако публика так и не покинула зал.

В другой раз в Чикаго Рихтер, несмотря на овации слушателей, не удовлетворенный своей игрой, тут же повторил всю программу.

Газеты пишут о его необычайно обширном репертуаре и способности пианиста вдохнуть новую жизнь в каждое произведение.

Виднейшие американские музыканты и критики единодушно называют Святослава Рихтера выдающимся пианистом современности. Впечатление американцев о нем суммировал Джей Харисон из «Нью-Йорк геральд трибюн»: «Неправдоподобно. Нужно самому услышать, чтобы поверить!»

Гастроли Рихтера в США продолжаются.

Мы попросили профессора Московской консерватории Генриха Густавовича Нейгауза — учителя Рихтера — рассказать о нем.

Я всегда чувствую себя в затруднении, когда приходится говорить о Рихтере. И все же попытаюсь поделиться с читателями своими впечатлениями и наблюдениями. Начну с первой встречи.

Случилось это 23 года назад. Студенты попросили прослушать молодого человека из Одессы, который хотел бы поступить в консерваторию в мой класс.

— Он уже окончил музыкальную школу? — спросил я.

— Нет, он нигде не учился.

Признаюсь, ответ этот несколько озадачивал. Человек, не получивший музыкального образования, собирался поступать в консерваторию!.. Интересно было посмотреть на смельчака.

И вот он пришел. Высокий, худощавый юноша, светловолосый, синеглазый, с живым, удивительно привлекательным лицом. Он сел за рояль, положил на клавиши большие, мягкие, нервные руки и заиграл.

Играл он очень сдержанно, я бы сказал, даже подчеркнуто просто и строго. Его исполнение сразу захватило меня каким-то удивительным проникновением в музыку. Я шепнул своей ученице: «По-моему, он гениальный музыкант».

После Двадцать восьмой сонаты Бетховена юноша сыграл несколько своих сочинений, читал с листа. И всем присутствующим хотелось, чтобы он играл еще и еще...

С этого дня Святослав Рихтер стал моим учеником.

Должен сказать откровенно, что учить Рихтера в общепринятом смысле слова мне было нечему. По отношению к нему я всегда соблюдал лишь позицию советчика — политику «дружественного нейтралитета». Однажды я попросил Рихтера подготовить к уроку сонату Листа — произведение исключительно сложное. Через не-

ийся пианист современности

которое время он сыграл сонату, и сыграл превосходно. Оставалось только дать ему несколько небольших советов да поспорить о трактовке одного эпизода, который показался мне недостаточно драматичным. На все это ушло минут 30—40. А обычно со своими учениками я работаю над этой сонатой по 3—4 часа на нескольких уроках.

Хочу думать, что мои занятия помогли Рихтеру, но больше всего он помог себе сам, помогла его страстная любовь к музыке.

Я не перестаю повторять, что талант — это страсть. И Святослав Рихтер — блестящее подтверждение этих слов.

В работе над музыкальным произведением Рихтер действует методом, который я назвал бы «авральным». Он не откладывает трудные куски, а играет их, пока полностью не овладеет. Помнится, Рихтер впервые играл мне Девятую сонату Прокофьева, которую композитор посвятил ему. Одно место там мне казалось особенно сложным.

— Как превосходно оно у вас получается! — заметил я Рихтеру.

— А вы знаете,— обрадовался он,— я просидел над ним несколько часов.

Познакомился я с Рихтером, когда ему было двадцать три года. О себе он говорить не любил. И я ничего не знал о его детстве, но однажды получил письмо матери Славы. Она подробно рассказывала о своем сыне, что он с малых лет проявлял незаурядные способности к творчеству. Самым любимым его занятием была игра в «театр». Во дворе со своими сверстниками он устраивал целые представления с музыкой, танцами. Сам был и автором, и композитором, и режиссером, и актером.

Родители определили одаренного ребенка в детскую музыкальную школу, но, очевидно, что-то пришлось ему там не по вкусу, и после нескольких уроков он перестал ее посещать. Но музыку не бросил. Все свободное время проводил за роялем. Руководил его музыкальными занятиями отец — замечательный, чуткий музыкант. Рихтер рано научился читать с листа и играл подряд множество вещей, начиная с фортепьянных пьес и кончая операми и симфониями. Бывало, мать просила его отдохнуть.

— Ведь даже в театре бывают антракты,— говорила она ему.

Маленький Слава уступал ей и соглашался прервать свои занятия, но не более чем на 10 минут.

Примерно в 18—19 лет Святослав начал работать концертмейстером в Одесском оперном театре.

В 1945 году Рихтер завоевал первую премию на Всесоюзном конкурсе молодых музыкантов-исполнителей. С этого времени началась его бурная концертная деятельность.

— Как же вам все-таки удалось овладеть вершинами пианистической техники? — часто спрашивают у Рихтера. (А техника у него действительно фантастическая. Один американец написал, что у Рихтера «десять рук».)

— Я просто очень много играл. Вот и все,— отвечает обычно пианист. И это так.

Но нельзя забывать об исключительных природных данных Рихтера, его гигантском виртуозном даровании и, главное, о его неповторимой способности проникать в самые глубокие тайны музыки. Рихтер — человек необыкновенной художественной одаренности. Я надеюсь, что когда-нибудь сбудется моя мечта и я увижу его за дирижерским пультом оперного театра.

У себя дома, когда собираются гости, он часто устраивает театрализованные вечера по заранее разработанному сценарию и при этом увлекается невероятно. В Рихтере живет также и интересный композитор. Правда, сейчас он не пишет музыку, как это бывало раньше, но иногда он садится за рояль и начинает импровизировать, чаще всего сочиняет музыку к фантастическим, им самим придуманным балетам. Это бывают необыкновенные вечера!

Есть еще одна страсть у Святослава — живопись. Мне не раз приходилось слышать от знакомых художников, что, если бы Рихтер профессионально занялся живописью, он достиг бы в ней таких же высот, каких достиг в области пианизма. Он и сейчас пишет очень много и мечтает в будущем отдаться живописи.

О Рихтере говорить трудно, потому что привычные понятия и слова, которыми мы характеризуем наших знакомых, верны и неверны по отношению к нему. Бесспорно, он очень интересный человек, но не в том смысле, как обычно принято употреблять эти слова. Бывает так, что просидишь с ним целый вечер, как будто ничего особенного он и не сказал, а уходишь с таким ощущением, что чудесно провел время, узнал что-то важное, интересное.

Некоторым кажется, что Рихтер постоянно погружен в себя, ничего вокруг не замечает. Но когда он приехал, например, из Чехословакии, по памяти, уже в Москве, нарисовал все, что там видел. И в этом была видна большая наблюдательность художника.

Не могу сказать, что я больше всего ценю в Рихтере-пианисте. Один музыкальный критик написал, что с Рихтера начинается новая эпоха в пианизме. Я думаю, что он прав. Вот как я понимаю эти слова: в мировом пианизме была эпоха виртуозной пианистической техники. Мир дал целую плеяду виртуозов. Рихтер также владеет этой виртуозной техникой, но он ее не подчеркивает, не выделяет, она как бы несет служебную функцию. В музыке для него важнее всего раскрыть ее философскую, поэтическую суть, поведать то, что он сам передумал и пережил. Отсюда строгий, простой стиль исполнения.

Когда я слушаю Святослава, очень часто моя рука начинает невольно дирижировать. Ритмическая стихия в его игре так сильна, ритм так органичен, строг и свободен, что невозможно устоять против искушения участвовать в его исполнении. Любое произведение, будь это даже симфония, лежит перед ним, как пейзаж, видимый невероятно ясно с орлиного полета необычайной высоты, целиком и во всех деталях.

Я считаю, что в наше время пианист должен быть пропагандистом, как и всякий другой художник. Ведь мы тоже инженеры душ. В Рихтере мне особенно дорого, что он не только доставляет удовольствие публике, но и открывает перед ней новые горизонты как в известных произведениях, так и в новых. Он совершил своего рода подвиг, сыграв в концертах все 48 прелюдий и фуг «Хорошо темперированного клавира» Баха. Он широко пропагандировал мало исполнявшиеся у нас произведения Шуберта, Вебера, Листа, Шумана. К каждому концерту, а концертов он дает очень много, он готовит что-нибудь новое.

Вообще работоспособность его поразительна.

Как-то поздно вечером шли мы после его концерта из Большого зала Консерватории. Около Института имени Гнесиных Рихтер остановился.

— Я, пожалуй, зайду позанимаюсь: через два дня у меня концерт в Ленинграде,— сказал он.

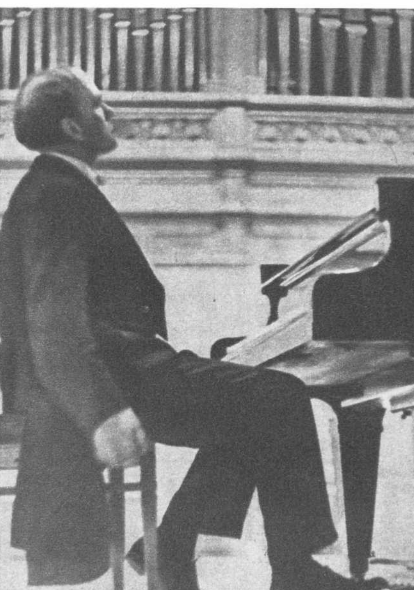
Рихтер «прозанимался» всю ночь. В 5 часов утра сторож зашел в класс и спросил у него: «Ну что, выходит у тебя?»

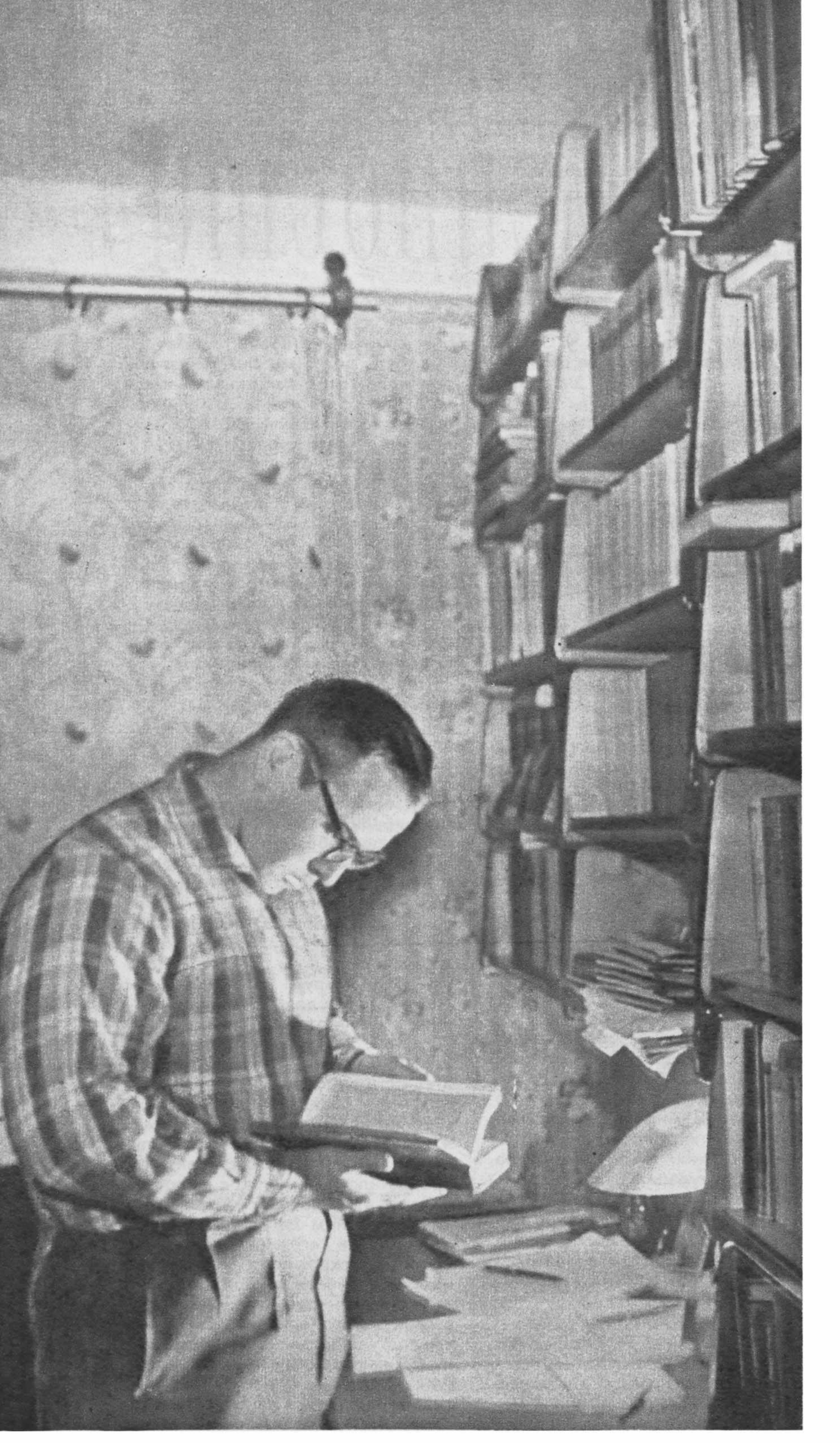
Более двадцати лет близко знаю я Святослава Рихтера. На моих глазах из безвестного студента он превратился в пианиста с мировым именем. Но в жизни он остался таким же, каким мы все его знали. Удивительна его непритязательность, его скромность. Никому он не рассказывает о своих успехах, не хвалится рецензиями. Даже привычки у него сохранились прежние, студенческие. По-прежнему любит пешеходные и лыжные прогулки, исхаживая иногда по несколько десятков километров в окрестностях Москвы.

Он честен и принципиален в отношениях с людьми, верен в дружбе, глубоко и безраздельно предан своему искусству.

Играет Святослав Рихтер   Фото М. Озерского.

Штангист Юрий Власов — страстный библиофил. Его библиотека насчитывает 2 тысячи томов.

Фото Л. Доренского.

О килограммах и счастье

Юрий ВЛАСОВ

Записки олимпийца

ЗНАКОМСТВО С АНДЕРСОНОМ

Сейчас, когда на моем письменном столе лежит золотая олимпийская медаль, мысли невольно обращаются к тому недалекому прошлому, когда я впервые прикоснулся к холодному, с шершавой насечкой грифу.

Это случилось в декабре 1953 года. Трудно сейчас понять, какая же сила вела меня через годы напряженной учебы, житейских забот, через разочарования, неудачи, на которые так щедр спорт, к желанной цели. Вспоминается мать. Она жалела меня, боялась: «Что это за спорт! Штанга! Она же изуродует тебя!» И мама подолгу, почти каждый день уговаривала, увещевала, просила...

И все-таки я всегда упрямо возвращался в мужественный грохот гиревого зала. Дышал одним воздухом со здоровыми ребятами в пропотевших майках, с намозоленными руками и часами упражнялся с тяжестями.

Одних к большому спорту привел случай, других — хорошее честолюбие, многих — поддержка товарищей. Меня...

Я любил читать с самого детства. И когда в руки мне попали книги Джека Лондона, в мое сердце навсегда вошли герои его повестей. Я почти зримо представлял себе Пата Глендона. Вот он осторожно скользит по рингу. Мягкие, почти неслышные движения, скупые мгновенные удары. Его тело словно вылеплено скульптором. Настороженные глаза. Сейчас они поглощены боем, но бой — это всего-навсего увлекательная игра, взятая из жизни, где столько прекрасного и интересного. И Пат Глендон понимает: работа мысли, полет фантазии — главное...

Рос я в суворовском училище среди крепких и здоровых мальчишек. Сила и удаль особенно ценились и уважались у нас. Мы понемногу занимались борьбой, боксом, легкой атлетикой, и книжные герои и желание двигаться, бороться, побеждать зародили в нас любовь к спорту. Поэтому, когда я окончил училище и поступил на первый курс Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского, я уже не мыслил себя вне спорта. И если слепой случай привел меня в гиревой зал, то уже не случай заставил полюбить этот с виду малоинтересный и по-настоящему тяжелый спорт.

Первые робкие попытки встретили горячую поддержку Евгения Николаевича Шаповалова, первого моего тренера. Я всегда буду с благодарностью вспоминать этого человека, его почти фанатическую приверженность к любимому делу. Вспоминать же весь долгий и извилистый путь к золотой олимпийской медали нет смысла. Хочу лишь рассказать о трех памятных эпизодах из моей спортивной жизни.

...Лето 1955 года. Несмотря на мелкий дождик, Зеленый театр парка имени Горького переполнен. Идет матч штангистов СССР и США. Я сижу в центре зрительного зала и жадно ловлю каждое движение, каждый вздох стоящего на помосте человека. А он, приветствуемый тысячами людей, переваливаясь, медленно двигается по сцене, замирает над новенькой, блестящей штангой, и вместе с ним, затаив дыхание, замираем все мы.

Огромные тяжести в его руках становились невесомыми, и зал буквально ревел от восторга. Потрясенный виденным, я долго блуждал по засыпающим московским улицам. Я не слышал и не видел ничего, кроме грохота опускаемой штанги, неистового шума зала, и в глазах, то исчезая, то отчетливо всплывая, вставало его лицо и руки, поднятые в радостном приветствии. И долго после этого вечера по всей стране гуляли передаваемые из уст в уста рассказы о необыкновенной силе американского атлета тяжелого веса Пауля Андерсона.

«Почему, отчего, как?» — все спрашивал я себя, пытаясь выяснить, в чем же таится успех американца. Что это: прирожденная феноменальная мощь или искусство? Собственно, с этого дня я впервые и стал относиться серьезно и сознательно к тренировкам.

Так началась большая и упорная работа. Нет, тогда я еще не верил в то, что Андерсона можно победить: слишком фантастическими и недосягаемыми казались его результаты. Ведь тогда я еще не понимал предельно простой и вместе с тем очень сложной истины, гласящей, что возможности человека беспредельны, что любой высокий результат является лишь вехой на пути вперед. В любой области человеческой деятельности большое, выдающееся опережает свое время и поражает современников, а потом, глядишь, феноменальное уже воспринимается как обыденное, привычное.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

...Весна 1957 года. Как-то совсем неожиданно, но мне удается улучшить рекорд чемпиона страны Алексея Медведева в толчке. В газетах появляются мои фотографии, обо мне пишут, ко мне обращаются фотокорреспонденты, журналисты... Это приятно кружит голову, льстит самолюбию. Полученную золотую медаль тут же прикалываю к створоту пиджака. Ношу ее важно, с достоинством, а сам незаметно кошу глазом: видят ли ее? Теперь от меня уже ждут рекордов, как же я могу не оправдать этих ожиданий! И я, потеряв чувство меры, забираюсь все выше, выше. Очень быстро миную в толчке такие большие веса, как 183 килограмма, 185 килограммов. Затем устанавливаю в рывке рекорд — 144,5 килограмма. Отчаянно пробую поднять в толчке 187,5 килограмма... 190...

Развязка наступила скоро. Одна за другой обрушились на меня тяжелые травмы, и только после этого я убедился в том, что в спорте сила не может заменить технического совершенства.

...Весна 1959 года. Ленинград. Первенство Вооруженных Сил СССР. После последнего удачного подхода в рывке вес на штанге — 151,5 килограмма. Это выше мирового рекорда. Замираю над штангой, стараясь позабыть обо всем на свете, и сразу же плавным движением отрываю снаряд от помоста. Он почти наверху, остается еще совсем немного, а сил уже больше нет. Тогда ухожу совсем под штангу, ноги разбросаны почти в шпагат. От большого напряжения все тело дрожит, а вес по-прежнему тянет меня впе-

ред. И в этот момент зал грохнул аплодисментами...

Может быть, я и не удержал бы снаряд, уронил бы его, но аплодисменты подбадривают меня, заставляют держаться. И откуда только взялись силы! Подаю весь корпус вперед, напрягаюсь в последнем усилии и медленно встаю.

Есть!.. Этого я еще не осознаю, не слышу и команды судьи-фиксатора: «Опустить, опустить!» Крепко держу гриф руками, и к действительности меня возвращают лишь яркие вспышки фотокорреспондентских блицев.

Выполняя толчок, окрыленный успехом, подбадриваемый залом, я не чувствую тяжести большого веса. Есть рекорд Союза — 192,5 килограмма! Но и этого мне кажется мало. На штангу надевают еще четыре килограмма. Это больше абсолютного мирового рекорда Пауля Андерсона! Я на помосте. Отрываю снаряд... Он почти на моей груди! Но неуверенность, рожденная всем, что связано с именем прославленного американского атлета, оказывается сильнее. С грохотом катится штанга по помосту. «Что это? — спрашиваю я себя.— Ведь вес мне показался не таким уж страшным. Он мне по силам!» И я снова выхожу на помост. Последняя попытка... Смело под вес! Вот он над моей головой. Сбылось несбыточное! И все так просто. Так неожиданно просто...

БРЭДФОРД РЯДОМ

...В октябре 1959 года я впервые принял участие в чемпионате мира.

Варшава. Осень. Ветер гонит по улицам опавшие листья. Вокруг блеклые, безжизненные краски. Небо подернуто пеленою серых туч, часто и подолгу накрапывает мелкий, надоедливый дождик. В городе еще не исчезли следы войны. Здесь каждый клочок земли обильно полит горячей человеческой кровью. Нет, в Варшаве нельзя выступить плохо! А я один. Сейчас все товарищи на соревнованиях, пришел и их черед, мне же на старт еще через несколько дней. Томительное ожидание! Возьмешь в руки книгу, а потом спохватишься и видишь: ничего из прочитанного не понял; мои мысли незаметно унеслись в зал, густо завешанный иностранными флагами, до отказа заполненный тысячами зрителей. Ярким пятном в полумраке выделяется возвышение, на котором установлены помост и сверкающая в лучах прожекторов штанга. Нет, так не годится! Встряхиваешься, отбрасываешь книгу, идешь куда глаза глядят, а мысли опять незаметно обращаются к соревнованиям. И как мысленно ни упираешься, все равно идешь в зал «Гвардия», где проходят соревнования. Знаешь, тебе идти не следует: слишком велик спортивный азарт, а нервы надо беречь для решающего часа. Успокаиваешь себя: «Только узнаю, как там дела, и уйду». Но куда там!

На соревнованиях в Варшаве я впервые столкнулся с американским негром Джимом Брэдфордом. Много повидал на своем веку Джим. Он выступал на первенстве мира в Стокгольме в 1954 году вместе со своим знаменитым товарищем по команде десятикратным чемпионом мира негром Дэвисом. Тогда они боролись против канадца Дага Хэпбурна. Потом Пауль Андерсон заменил его на помосте. Шло время. Увенчанный олимпийскими лаврами, ушел в профессиональный спорт «делать деньги» Андерсон. У Джима опять появились надежды. И вот я впервые увидел его в Варшаве.

Огромная физическая сила, большой собственный вес (133 килограмма), богатый опыт международных встреч, а самое главное — хорошие бойцовские качества делали этого негра грозным противником. И вот после жима я проиграл Брэдфорду десять килограммов! (Мой результат — 160 килограммов, Брэдфорда — 170.) Это неожиданность! На тренировках мы были равны. Окрыленные американцы радостно засуетились вокруг своего товарища. Мимо, победно поглядывая в мою сторону, проплыла долговязая фигура Боба Гофмана, босса американского тяжелоатлетического спорта. Корреспонденты и фоторепортеры, дотоле тесным кольцом окружавшие меня, дружно отхлынули в другую сторону и плотно сомкнулись вокруг Джима.

В рывке я отыграл 2,5 килограмма и установил новый мировой рекорд — 153 килограмма, но у Джима еще остаются в запасе 7,5 килограмма. Это много, очень много, а у нас остается одно лишь движение — толчок, всего три попытки. Атмосфера в зале накаляется. Везде кипят ожесточенные споры. Все внимание приковано сейчас к нам двоим, ну а я, естественно, не спускаю глаз с одного Брэдфорда. Он могуч, его черное тело, обтянутое белым трико с полосатой национальной эмблемой на груди, рвется наружу крутыми буграми необъятных мышц. Он уверен в себе, нетороплив. Часто и добродушно улыбается, а когда его сильные руки берутся за гриф, в притихшем зале гулко разносится его низкий, рокочущий бас. Это нравится публике, она восторженно гудит в ответ...

Да, борьба была равная, и только значительное преимущество в толчке принесло мне победу. Толкнув 192,5 килограмма, я завоевал первенство мира. И вот мы на пьедестале почета: справа, немного ниже,— Джим Брэдфорд, слева — болгарин Иван Веселинов, а я почти не испытывал радости: подавило чувство безмерной усталости, большого нервного утомления. Так и осталось в моей памяти воспоминание об этой встрече: усталость, усталость, усталость...

ПЕРЕД РИМОМ

Что же надо сделать, готовясь к Олимпийским играм? Поднять в толчке 200 килограммов! Уже в Варшаве я попытался добиться этого и, осмелев, в третьем зачетном подходе поднял огромный вес на грудь. Но с груди вверх поднять штангу не смог.

И вот, вернувшись домой, я продолжал свои поиски на помосте. Во время долгих зимних тренировок меня постоянно преследовало одно желание: первым поднять 200 килограммов. Вместе с тренером Суреном Петровичем Богдасаровым мы упорно готовились к воплощению этой мечты в жизнь. И вдруг в газетах промелькнуло сообщение о том, что американец Дэйв Ашман на каком-то малозначительном соревновании одолел этот вес.

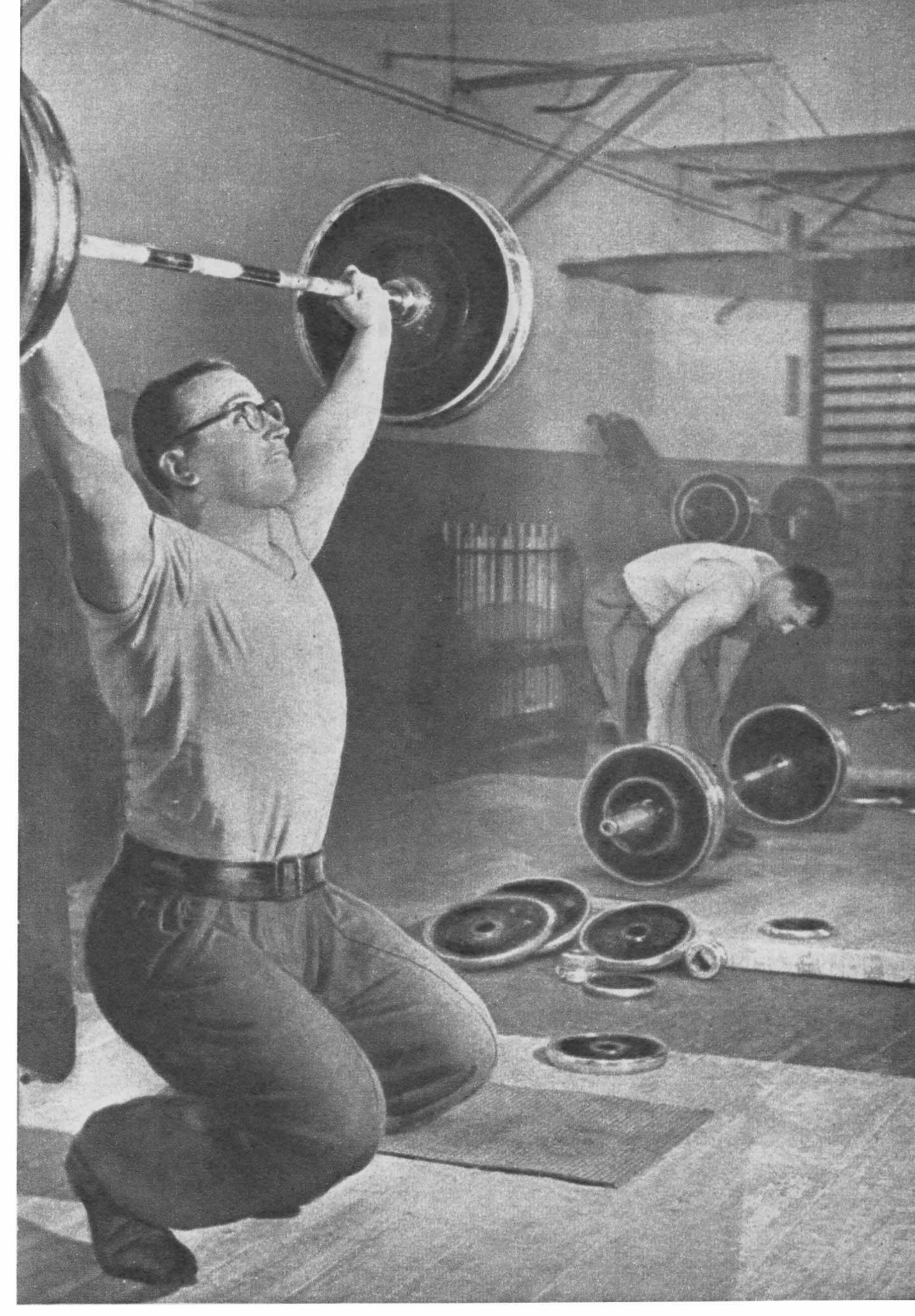
Как огорчило нас это известие! Ведь 200 килограммов — знаменательный рубеж в истории развития тяжелой атлетики, и вот этот рубеж перешагнул не я, а штангист США.

В мае нынешнего года в составе советской команды я поехал в Милан на чемпионат Европы. Сколько надежд возлагали мы с Богдасаровым на эти крупнейшие международные соревнования! Но в Италии нас ждали тяжелые испытания. Явно переоценив свои возможности, выступив самоуверенно, я постепенно потерял контроль над собой и в результате поднял в толчке до смешного малый вес — 185 килограммов, да и то на третьем, последнем подходе.

Ночь после этого соревнования надолго запомнится мне. На душе было очень скверно. Мне казалось, что я навсегда опозорен в глазах всех своих друзей, товарищей по спорту. Мне становилось жарко от стыда, когда вспоминалось мое выступление... Долго и мучительно размышлял я тогда, пытаясь понять происшедшее. Взволнованное воображение мешало сделать правильные выводы, они пришли позже, когда я успокоился. Всегда и везде выступать в полную силу, в каждом сопернике видеть грозную мощь и никогда не шутить с «железом» — вот что стало после Милана моим девизом.

Но не сразу удалось мне преодолеть сокрушительную неудачу; настолько она обескуражила меня, что я почти потерял в себя веру и провел оставшийся до первенства СССР месяц в нервных, полных беспокойства тренировках. Я искал себя, очень часто поднимал предельные веса, но чувство уверенности в своих силах все не возвращалось. Прошло много дней, пока мои труды были вознаграждены. На чемпионате победа была одержана, да еще какая! Результаты хороши во всех трех движениях. А я радовался не только за себя, но и за моего тренера С. П. Богдасарова. Наши тренировочные планы, которые были подвергнуты после Милана уничтожающей критике, теперь снова были признаны целесообразными. Нам никто больше не мешал, не навязывал своих взглядов, не докучал туманной и путаной критикой. Мы были предоставлены самим себе, и работа закипела!

Окончание следует.

Так готовятся рекорды...

Дырки в сыре

Б. ЗАХОДЕР

— Скажите,
кто испортил сыр?
Кто в нем наделал
столько дыр?

— Во всяком случае,
не я! —
поспешно хрюкнула
Свинья.

— Загадочно! —
воскликнул Гусь.—
А га-гадать
я не берусь!

Овца сказала, чуть не плача:
— Бе-зумно трудная задача!
Все непонятно, все туманно.
Спросите лучше
у Барана!

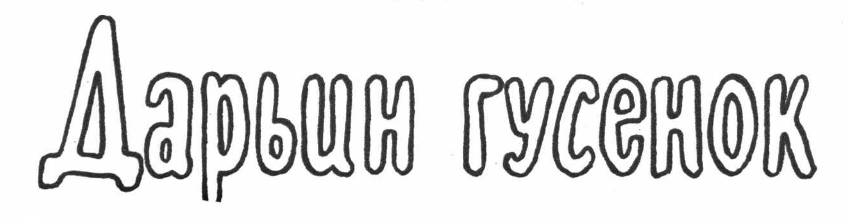
— Все зло — от кошек! — произнес,
обнюхав сыр,
дворовый Пес.—
Как дважды два — четыре,
от них и дырки в сыре!

А Кот сердито фыркнул с крыши:
— Кто точит дырки?
Ясно: мыши!

Но тут Ворону бог принес.
Ура!
Она решит вопрос:
ведь, как известно,
у нее
на сыр
особое чутье!
И вот
поручено
Вороне
проверить дело
всесторонне...

Спеша раскрыть загадку дыр,
Ворона
углубилась
в сыр.
Вот
дырки
шире,
шире,
шире...
А где же сыр?
— Забудь о сыре!
Заголосил весь скотный двор:
— Разбой! Грабеж! Разор! Позор!
Взлетела на забор
Ворона
и заявила
оскорбленно:
— Ну, это, знаете, придирки!
Вас
интересовали
дырки?
Так в чем же дело?
Сыр я съела,
а дырки —
все! —
остались целы!

На этом был окончен спор.
И потому-то
до сих пор,
увы,
никто не знает
в мире,
откуда все же
дырки в сыре!

Дарьин гусенок

В. СОКОЛОВ

Дарьин домик стоит на самом краю села. Кажется, будто ее хата поссорилась с другими и решила бежать под горку, разогналась, а на пути озеро, вот и остановилась у самой кручи и глядит теперь всеми окнами в тихую зеленую воду. К удивлению селян, почему-то именно на крышу Дарьиной хаты прилетели весной аисты и свили себе гнездо. Но вот, поди же ты, не побрезговали красивые и гордые птицы. Тут нужно правду сказать: стоит Дарьина хата удобно, куда ни глянь — луга, где-то вдали в сухом мареве синеет полоса леса. Красивое место!

Однажды майским утром Дарьин сосед пастух Федор принес ей большое бледно-желтое яйцо:

— Возьми, Дарьюшка, видно, гусыня потеряла. Свари, что ли.

— А сам чего не варишь? — спросила Дарья. — Чай, грех весной яйцо губить. В соблазн вводишь.

— Корысти в нем мало, это верно,— заметил Федор. — А что, ежели под гусыню?— И сам себе ответил:— Да нет, уже поздно.

Но вдруг лукаво прищурился и посоветовал:

— К аистам, чего-то будет — поглядим. Может, что получится.

На этом и согласились. В самый теплый час полдня, когда птицы покинули гнездо, чтобы покормиться, Дарья забралась на крышу и положила гусиное яйцо в гнездо к аистам. А недели через три на зорьке, выбравшись доить корову, услышала тихий писк на крыше. Глянула и диву далась: ковыляет по крыше гусенок, из гнезда вылез, видно, проголодался, еду себе ищет. И еще замечает Дарья: разволновались взрослые аисты, не поймут, почему все птенцы, как подобает, сидят в гнезде, рты разевают, пищу просят, а этот совсем чудной какой-то. Ходит отец-аист вокруг, то с одной стороны положит лягушонка, то с другой, возле самого носа. А гусенок не берет. Тогда аист сердито защелкал, вроде ругать его стал: бери, мол, дурень! Но гусенок и смотреть не хочет.

Схватил аист лягушонка и бросил его в гнездо к птенцам, а сам поднялся в небо и улетел куда-то. Через час или полтора на крышу к Дарье прилетели еще четыре аиста. Все они вместе с родителями расположились вокруг гусенка, опустили к нему свои длинные носы: наблюдают, как птенец бестолково топчется по крыше. Один из аистов-гостей сердито защелкал. И другие шум подняли, вроде как спорить начали. Каждый при этом подходил к птенцу и внимательно осматривал его. Видно, разобрались аисты, что гусенок это, и дали родителям совет: «Зачем он вам такой? Уберите его — и делу конец». И улетели, остался только аист-отец. Подошел он к гусенку, потоптался некоторое время, словно в раздумье, вернулся к своему гнезду, осмотрел его внимательно и снова подошел к гусенку. «Теперь, пожалуй, заклюет,— подумала Дарья.— А то, чего доброго, стравит своей ораве». Но ничего подобного не случилось: аист-отец осторожно взял гусенка в клюв и полетел с ним на мокрый луг, что примыкает к озеру. Обратно он вернулся один.

В полдень деревенские ребята поймали гусенка на лугу и принесли обратно к Дарье. Был он в полном здравии и довольно бодро ковылял по двору. С этого времени гусенок стал жить у Дарьи на правах баловня, на особом прикорме.

ПРОСТО ТАК

Г. ЦЫФЕРОВ

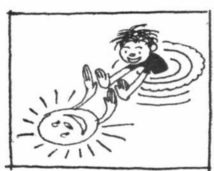
ВЕТЕР

Ивы спросили у ветра: зачем он гладит озеро? «А вы разве не знаете? — зашумел ветер. — Посмотрите, сколько у него морщинок».

ЗВЕЗДОЧКА

Смотрелась в лужу голубая звезда. Увидел ее лягушонок и накрыл лопухом: пусть до утра полежит. А ранним утром нашел под зеленым лопушком вместо голубой звезды большое красное солнышко.

ЛАДУШКИ

Мальчик гулял во дворе. Пришел домой мокрый и грязный.

— Где ты был? — спросила мама.

— В луже.

— А что там делал?

— С солнцем в ладушки играл.

ПОДСОЛНУХ

Нарисовал мальчик солнышко, а кругом лучи — ресницы золотые. Пришел папе показать.

— Хорошо?

— Хорошо, — сказал папа. И дорисовал стебелек.

— У, — удивился мальчик, — да это подсолнух!

Рисунки Ю. Черепанова.

Колыбельная

А. МИЛН

Ти́моти Тим
Имел десять пальчиков,
Имел десять пальчиков
Ти́моти Тим.
И шли они с ним,
Как послушные мальчики,
Как послушные мальчики,
Шли они с ним.
У Ти́моти Тима
Было два глаза.
Обоими сразу
Поглядывал Тим.
Когда он смеялся,
Смеялись два глаза,
Когда же он плакал,
То плакали с ним.
Одна голова
У Ти́моти Тима,
Она и мечтала и думала
с ним.
Когда он ложился,
Она засыпала.
Спи сладко, головка!
Спи, Ти́моти Тим!

Перевел с английского
В. ПОЗНЕР.

Он перегнал ростом всех домашних гусят-ровесников, но не дружил с ними. Пристроился к цыплятам. Курица не обратила внимания, что возле цыплят пасется серенький гусенок. Вскоре случилось несчастье: наседка попала под грузовик, цыплята осиротели. Собралась Дарья взять их к себе на колхозную ферму, но заметила, что цыплята увязались за гусенком, словно за матерью. Так и повелось: куда гусенок, туда и цыплята. И на ночь жмутся к нему. А когда он подрос, то иной цыпленок и под крыло к нему залезет. Хорошо!

С приходом осени цыплята выросли в белоснежных кур, а гусенок — в крупного серого гуся. Однажды за ним погналась собака, и гусенок долго бежал, а когда собака было схватила его за хвост, вдруг замахал крыльями и полетел. Он поднимался все выше и выше и совсем легко. Очень понравилось летать над широкими лугами. Вскоре нашел он и большие голубые озера, где было и вовсе раздолье. Теперь он уже сторонился подросших цыплят, скучал во дворе.

— Улетит твой приблуд, — ворчал сосед Федор. — Подвязала бы ему крылья, а то и на сковородку, а?

— Обвыкнет, — утешалась Дарья. — Вон и машин совсем не боится, не то что дикие. Прилепится ко двору.

И жалко его было Дарье: сирота ведь — и хотелось еще вырастить эту бойкую, смелую птицу, на развод пустить. Не раз мечтала: «Хороши были бы серые гуси. Приметные, сильные, неприхотливые к еде». Но и сомнение брало ее: вдруг позабудет хлеб-соль?..

Наступили серые октябрьские дни. Большими вереницами полетели птицы в теплые края. Утрами зазывно трубили в небе журавли, гоготали серые гуси. Гусенок отзывался им с земли. И вдруг однажды набрал высоту, скрылся куда-то за леса. Дарья думала, что и не вернется уже, но к вечеру гусенок появился у нее на дворе. Был он беспокойным и, как ей показалось, грустным: ничего не ел, забился в угол и затих. А утром отошел, повеселел.

Рисунок В. Высоцкого.

Но вот однажды на лугу недалеко от хаты опустилась гусиная стая. Гусенок еще с вечера прибился к ней, не вернулся на ночь. Утром улетели дикие гуси, а вместе с ними и гусенок. Дарья сама этого не видела, ребятишки рассказали. Федор посмеивался:

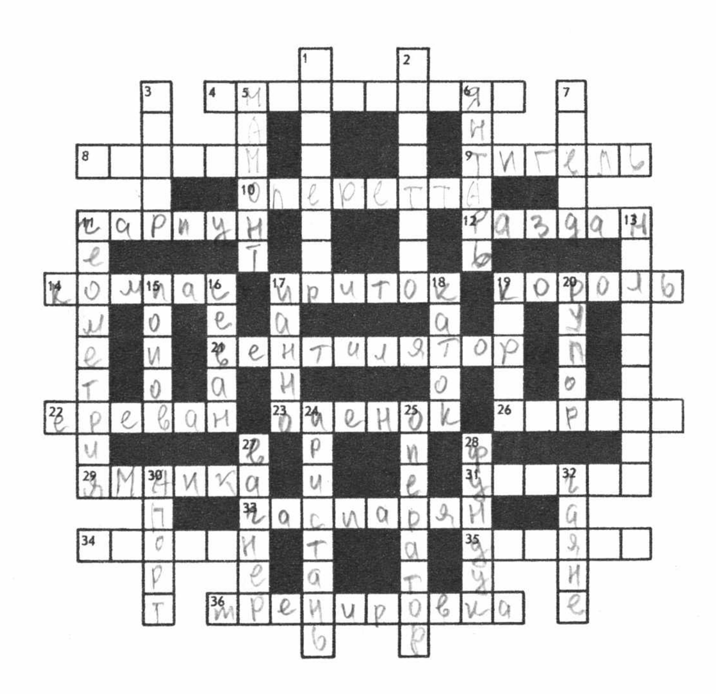
— Ну, где твой выкормыш? Нету! То-то, брат, птица вольная, как говорится в народе: сколько волка ни корми, а все в лес глядит...

— А может, весной вернется?

— Жди! Вернулась бы козочка, да серый съел. Нет, видать, не вернется... Каюк!

И не вернулся гусенок, променял оседлую жизнь на вольную, кочевую. Говорили только, что обосновалась на лесных озерах большая стая серых гусей, прежде и не слыхали о них, но был ли среди них Дарьин гусенок, нет ли, — никто не знал.

Только сама Дарья верила, что был.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Советский астрофизик. 8. Разреженное состояние газа. 9. Сосуд для плавки металлов. 10. Театральный жанр. 11. Снаряд для охоты на китов. 12. Река в Армении. 14. Прибор для ориентировки на местности. 17. Рукав реки. 19. Шахматная фигура. 21. Приспособление для проветривания помещений. 22. Столица союзной республики. 23. Съедобный гриб. 26. Длинная фраза. 29. Остров в Карибском море. 31. Роман китайского писателя Чжоу Ли-бо. 33. Певица, народная артистка СССР. 34. Армянский писатель XIX века. 35. Персонаж пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад». 36. Подготовка спортсмена к соревнованиям.

По вертикали:

1. Исторический фильм Ереванской киностудии. 2. Герой сказки А. Толстого. 3. Часть часового механизма. 5. Вымерший слон. 6. Ископаемая смола. 7. Место испытания двигателей. 11. Часть математики. 13. Советский художник. 15. Изобретатель радио. 16. Высокогорное озеро. 17. Настенная живопись, скульптура. 18. Ледяная площадка. 19. Известняковое плато в Югославии. 20. Труба, усиливающая звук. 24. Причал. 25. Один из создателей кинофильма. 27. Немецкий композитор XIX века. 28. Южный орех. 30. Сорт яблок. 32. Балет А. И. Хачатуряна.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

7. Безухов. 8. Качалов. 12. Ротонда. 13. Горький. 14. Квартет. 17. Дневник. 18. Горелки. 19. Слива. 21. «Алмаст». 22. Резина. 23. Можайск. 25. «Разлука». 29. Университет. 32. Полька. 34. Нейман. 37. Лессинг. 38. «Казаки». 39. Лайнер. 40. Яснотка. 43. Пестель. 44. Кутузов. 45. Ванта.

По вертикали:

1. Леонкавалло. 2. Пуща. 3. Мольва. 4. Казбек. 5. Ганг. 6. «Современник». 9. Атлант. 10. Каренина. 11. Скачки. 15. Гитара. 16. Вокзал. 19. Стасов. 20. Аргази. 23. Мокко. 24. Жмудь. 26. Устой. 27. Анапа. 28. Крамской. 30. Италия. 31. Тангла. 32. Покос. 33. Лазарев. 35. Монолог. 36. Норка. 41. Сплав. 42. Круча.

На первой странице обложки: Молодость Армении.
Фото В. Тарасевича.

На последней странице обложки: Ереван. На площади имени Ленина (вверху); в Детском парке имени Кирова.
Фото Б. Кузьмина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

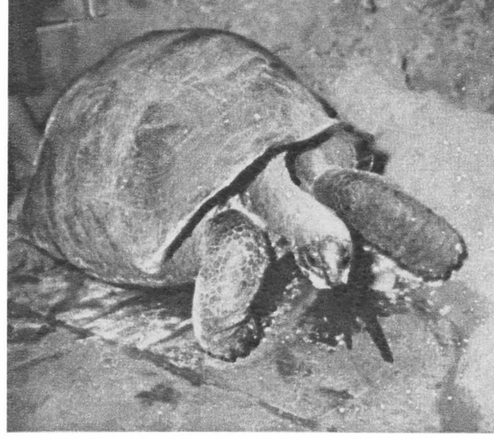
Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10714. Подписано к печати 23/XI 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. 1840. Заказ 3141.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва. Д-47, ул. «Правды», 24.

Как-то на перроне Белорусского вокзала в Москве около багажного вагона собралась толпа пассажиров, работников железной дороги и просто любопытных. Из вагона выгружали двух огромных слоновых черепах, прибывших из Голландии для Московского зоопарка. Весит каждая из черепах больше центнера. Народу вокруг было много, а помогать никто не решался: пугало шипение черепах, громкое и продолжительное. На самом же деле эти редкие черепахи весьма безобидны. Помещенные в теплый террариум, они быстро освоились. Каждый день с аппетитом съедают по 6—8 килограммов растительных кормов. Когда черепахи лежат спокойно, они похожи на огромные валуны. И действительно, их панцирь крепок, как камень. Несколько взрослых человек могут встать на спину черепахи, и она, зашипев, медленно поползет, свободно неся груз больше 200 килограммов.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

Слоновые черепахи живут только на Галапагосских островах, и там их осталось немного. Сейчас охота на черепах запрещена: они охраняются законом.

Получили мы и двух пернатых носорогов. Это замечательные птицы, обитающие в тропических лесах Южной Азии. Оперение у них черное, с металлическим блеском, особенно привлекает внимание огромный клюв с роговым наростом. Носороги питаются разнообразной пищей. С помощью сильного и острого клюва они легко справляются с мелкими грызунами, с ящерицами, жуками, не прочь полакомиться и яйцами других птиц.

Не менее интересны шлемоносные казуары, первые пернатые, которых принял новый подмо-

БЕЛЬМО НА ТЕЛЕВИЗОРЕ

Телевизор прочно вошел в наш быт. Миллионы советских людей смотрят телевизионные передачи, и количество телезрителей растет с каждым днем. В то же время получилось так, что тысячи трудящихся из-за нерадивости некоторых организаций неделями, месяцами лишены возможности пользоваться своими приемниками. Казалось бы, с ростом количества телезрителей должно улучшиться их обслуживание. А на самом деле...

* * *

Еще задолго до открытия телевизионного ателье у его дверей выстроилась очередь. Это стоят бывшие счастливчики. Счастливыми они были в день покупки телевизора, а сейчас вы напрасно будете искать в этой очереди улыбающиеся лица.

Приобретая телевизор, вы и не подозреваете, что вас ждет. Не верьте тому, что написано в памятке, выданной вам вместе с покупкой: «Ремонт и установка телевизоров на дому у владельца производится в течение суток». Установят вам телевизор далеко не в первый день, а радиомеханика в случае ремонта пришлют через неделю.

Но это еще не главная печаль владельца телевизора. В конце концов можно обождать несколько недель во имя предстоящего удовольствия. Главная беда в том, что вы очень легко можете стать хозяином ослепшего телевизора. Сколько уже тысяч таких «слепцов» подолгу ждут, пока они «прозреют». Потухли экраны телевизоров «Луч», «Север», «Звезда», «Авангард», потому что нигде нет кинескопов «31ЛК». Завод, поставлявший кинескопы для этих телевизоров, перестал их выпускать. Почему? Неизвестно. Кто ему дал такое право?

И вот владельцы тысяч телевизоров обивают пороги магазинов, ателье, пишут письма, жалуются: где купить кинескопы?

В нелегком положении часто оказываются владельцы телевизоров новых марок с лампами «6Ц10» или «6П13». Беда, если одна из этих ламп вышла из строя. В магазины они не поступают. Вы обращаетесь в ателье. Но оно может удовлетворить далеко не каждого. Ленинградский завод «Светлана» в 3-м квартале нынешнего года должен был дать для Москвы и Ленинграда 15 700 ламп «6Ц10», а дал их всего 5 500 штук. Недодал он свыше 6 000 ламп «6П13».

Плохо не только с лампами. Если у вашего телевизора вышел из строя унифицированный строчник, вам не помогут ни радиомагазин, ни ателье.

— Что нам делать? — запрашивают ателье руководителей телевизионного треста.— Нас осаждают, нет отбоя...

— Сумейте лавировать,— «мудро» отвечают им в тресте.

Мы зашли в 40-е телевизионное ателье Москвы. С утра и до вечера здесь толпится народ. Люди нервничают, возмущаются, требуют. Такое же положение и в других мастерских. С каждым днем увеличивается число телезрителей, и с каждым днем увеличивается количество жалоб.

...Рассказывают, что один предприимчивый торговец обещал каждому купившему в его магазине обувь открыть секрет, как продлить вдвое срок ее носки. Перевязав покупку красивой ленточкой, он шептал покупателю на ухо: «Делайте шаги в два раза большие».

Что могут посоветовать покупателям телевизоров директора радиомагазинов, вывешивая у прилавков объявления: «Ламп «6Ц10» и «6П13» в продаже нет»? По-видимому, они могут посоветовать только одно:

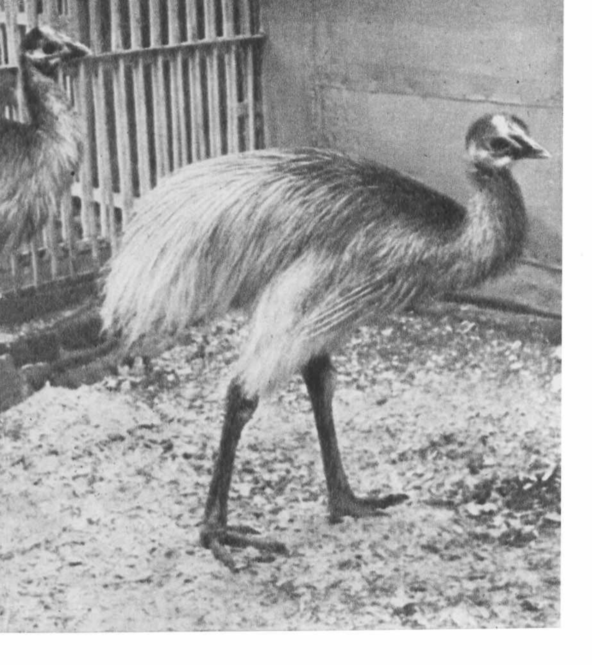
— Включайте телевизоры через день.

* * *

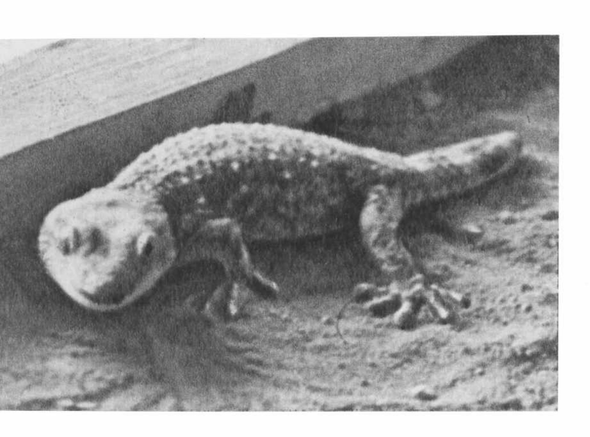
Плохо обслуживают у нас телезрителя. Действительно, почему нужно ждать две недели, пока телевизор подключат к антенне? Неужели требуется неделя, чтобы монтеру пройти на соседнюю улицу исправить приемник?

Но главная проблема, волнующая телезрителей,— запасные части. Видимо, без активного вмешательства Госплана СССР эта проблема не будет решена. Пора наконец снять бельмо с телевизионного экрана.

Л. ШУМОВ

НОВЕНЬКИЕ!

сковный международный аэродром. Привезены они из Западной Европы, но родина их Австралия. Эти птицы, как и страусы, имеют длинные сильные ноги. Они быстро бегают, но летать не могут, крылья у них развиты очень слабо. Казуаров давно не было в нашем зоопарке. Они — редкость, и получить их трудно. Прибывшие к нам казуары еще птенцы. Они пока окрашены в бурый цвет, высота птиц около метра. А через год-два они сменят бурое оперение на черное, на голове появится гребень, похожий на шлем.

Недавно в зоопарк пришла телеграмма из далекого Пекина. Нас извещали, что самолетом «ТУ-104» отправлены два ящика с животными. И вот наступил интересный момент. Развязываются веревки, вынимаются гвозди, осторожно заглядываем внутрь первого ящика, и вдруг... «то-ке... то-ке...» И на стенке ящика появляется крупная ночная ящерица геккон токи. Она сердится, пасть приоткрыта...

Токи — крупный геккон — до 25 сантиметров длины. Он может свободно ходить по потолку, лазать по полированным вертикальным плоскостям — стенам, зеркалам, стеклам окон. Пальцы у токи имеют массу лепесточков, присосочков, ворсинок, с помощью которых он и цепляется за малейшие выступы, шероховатости.

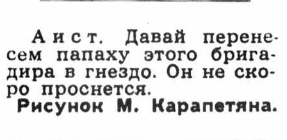
Во втором ящике мы обнаружили разных жаб и лягушек, да не простых квакушек, а редких, с юга Китая. Пересчитали — 18. Выпустили в просторный террариум и занялись оформлением документов. Ушло на это несколько минут. Снова пересчитали — 14. Где же остальные? Разрыли песок, а они там — на самом дне. Осмотрели у беглянок задние лапки, и все стало понятно. Это чесночницы, лягушки, у которых на задних лапках твердые выросты в виде маленьких лопаточек. С их помощью лягушки и зарываются.

Из Приокско-Террасного заповедника нам привезли молодого зубра по кличке Мушкет. Зубры тоже редкость: в мире их не больше двухсот.

Директор Московского зоопарка
И. СОСНОВСКИЙ

Фото А. Бочинина.

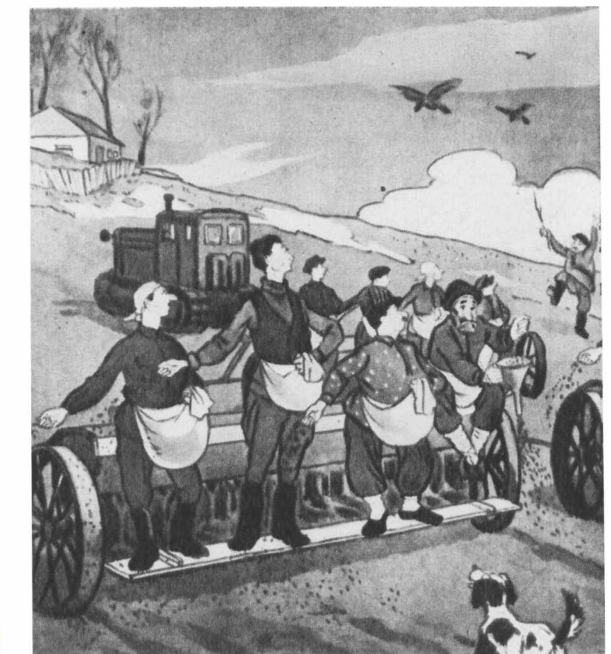
«ВОЗНИ» — «ЕЖ» из Еревана

Опасные связи.
Рисунок
Г. Тер-Казаряна.

Аист. Давай перенесем папаху этого бригадира в гнездо. Он не скоро проснется.
Рисунок М. Карапетяна.

Горе-механизаторы
Рисунок
М. Карапетяна.

Дутый авторитет.
Рисунок С. Арутчяна.

